Г. ТУДУЗЪ

ТАИНСТВЕННАЯ ГОНДОЛА

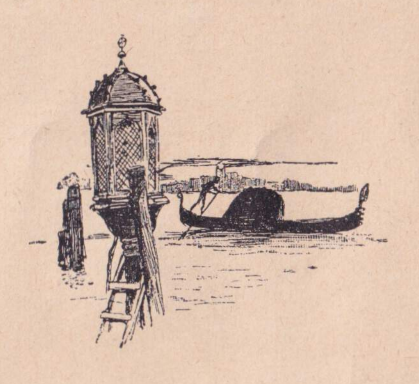
ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ ВЕНЕЦІАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

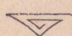
СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

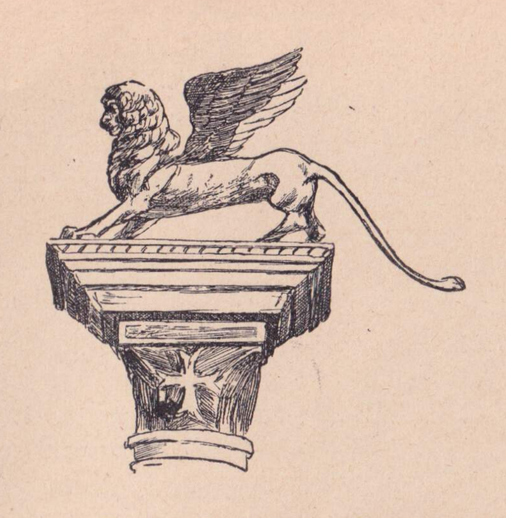
М. ГРАНСТРЕМЪ

Съ 4 раскраш. картинами и 82 рисунками Е. Граве



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.





ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вдругъ она увидѣла вблизи черную гондолу.

ГЛАВА I.

Черная гондола.

«Море, въ знакъ нашего дѣйствительнаго и вѣчнаго господства Мы вѣнчаемся съ тобой!»

Медленно и торжественно раздались эти слова съ высокой кормы Буцентавра, обращенной къ морю, между тѣмъ какъ носовая часть судна съ золотымъ львомъ св. Марка, стоявшимъ между статуями Мира и Справедливости, была обращена къ сушѣ, гдѣ вдали виднѣлась залитая полуденнымъ солнцемъ Венеція.

Согласно обычаю эти слова въ теченіе почти трехъ столѣтій произносились на латинскомъ языкѣ и по-латыни звучали еще торжественнѣе:

«Desponsamus, te, Mare, in signum veri perpetuique dominii!»

При этихъ словахъ съ Буцентавра, роскошно разукрашеннаго золотомъ, пурпуровымъ бархатомъ, шелкомъ и парчей, быстро пронесся въ воздухѣ широкій золотой перстень и минуту спустя исчезъ въ синихъ волнахъ Адріатики.

Вдали виднѣлся песчаный берегъ Лидо, о который разбивались волны и, сверкая на солнцѣ своими бѣлоснѣжными гребнями, омывали красныя стѣны замка св. Андрея и камень Маламокко, защищавшіе справа и слѣва въѣздъ въ лагуну.

Семидесятилѣтній дожъ Луиджи Манини уже въ восьмой разъ, съ тѣхъ поръ, какъ носилъ корно [1]), праздновалъ свое вѣнчаніе съ моремъ и бросалъ въ него золотой перстень съ вставленнымъ въ него синимъ камнемъ ляписъ-лазули, на которомъ было вырѣзано изображеніе льва св. Марка. Предварительно перстень этотъ освящался патріархомъ Венеціи, который самъ надѣвалъ его дожу на палецъ.

Какъ только перстень погрузился въ море, со всѣхъ фортовъ загрохотали пушки, загудѣли колокола церквей, и безчисленные хоры пѣвчихъ стали славить могущество Венеціанской республики. Глаза многочисленныхъ зрителей сверкали радостью и гордостью, какъ въ былыя славныя времена дожей Моцениго, Фоскари и Морозини.

Въ это утро, 5 мая 1796 г., солнце сіяло ослѣпительнымъ блескомъ, заливая своими золотистыми лучами государственныя зданія, церкви, дворцы и каналы, пересѣкающіе городъ въ видѣ широкихъ лентъ.

Уже раннее утро предвѣщало, что этотъ майскій день будетъ прекрасенъ: небо было безоблачно, и въ голубыхъ водахъ лагуны ярко отражались крас-

---

[1]) Корно—сшитая изъ золотой парчи и отороченная горностаемъ шапочка, по формѣ похожая на фригійскую, которую надѣвалъ дожъ вмѣсто короны.

Вѣнчаніе дожа съ моремъ.

Одѣтый въ пурпуръ и парчу дожъ вышелъ изъ дворца.

ные палаццо, фундаменты которыхъ омывались тихо плескавшимися волнами канала Гранде.

Вокругъ Буцентавра тѣснились легкія гондолы, съ которыхъ разодѣтые по-праздничному венеціанцы громкими криками привѣтствовали бракосочетаніе дожа съ моремъ, которое уже давно не совершалось съ такой пышностью и при такой прекрасной погодѣ.

Всѣ венеціанцы радовались, что это великое символическое торжество совершилось при чудесной погодѣ, и видѣли въ этомъ доброе предзнаменованіе для Венеціи, не взирая на далекій гулъ войны, который нарушалъ покой всей Европы и особенно громко раздавался на берегахъ Рейна.

Такое яркое солнце должно было разогнать самый непроглядный мракъ со всѣми его зловѣщими призраками, и прекрасной царицѣ Адріатики должны были предстоять новыя торжества, на подобіе тѣхъ, которыя изображены на чудесной картинѣ Паоло Веронеза: «Слава Венеціи», украшающей дворецъ дожей.

Ровно въ девять часовъ утра Буцентавръ долженъ былъ отчалить отъ берега.

Съ колокольнымъ звономъ и при громкихъ звукахъ трубъ, рожковъ и литавръ вывели Буцентавръ къ Піацеттѣ, гдѣ на площади возвышались двѣ знаменитыя колонны—одна со статуей св. Марка, держащаго въ рукахъ раскрытое Евангеліе, и другая со статуей св. Ѳеодора съ крокодиломъ. Тысячныя толпы народа привѣтствовали Буцентавръ оглушительными криками. Одѣтые въ синіе и оранжевые костюмы—цвѣта республики—арсеналотти на двадцати баркасахъ повели его на буксирѣ.

Когда Буцентавръ присталъ къ пристани, дожъ Манини, одѣтый въ пурпуръ и парчу, вышелъ изъ дворца дожей и направился на роскошно разукрашенное судно.

Передъ нимъ торжественно шествовали трубачи съ серебряными трубами, капелланъ съ предназначен-

нымъ для дожа бѣлымъ факеломъ изъ воска, два патриція съ государственной шпагой въ ножнахъ и сановники съ знаками дожескаго сана—зонтикомъ, золотой подушкой и трономъ изъ слоновой кости.

За дожемъ слѣдовали высшіе сановники республики, одѣтые въ парадныя одежды, послы иностранныхъ державъ и званые гости. Всѣ взошли на Буцентавръ и размѣстились на эстрадѣ, надъ которой возвышался балдахинъ изъ краснаго бархата, отороченнаго золотомъ, и поддерживаемый золотыми столбами. Самъ дожъ возсѣдалъ между папскимъ нунціемъ и патріархомъ Венеціи въ стеклянномъ павильонѣ, помѣщавшемся на кормѣ.

Какъ только арсеналотти прикрѣпили къ своимъ баркасамъ разукрашенные зеленью и цвѣтами канаты Буцентавра и повлекли его къ морю, со всѣхъ фортовъ раздались привѣтственные пушечные выстрѣлы, и загудѣли колокола церквей этого города лагунъ. Цѣлая флотилія всевозможныхъ судовъ—простыя барки, галеры, фелюки, гондолы сопровождали Буцентавръ, тѣснясь со всѣхъ сторонъ.

Среди другихъ судовъ особенною роскошью отличался одинъ баркасъ, которымъ управляли восемь гребцовъ въ голубыхъ и бѣлыхъ ливреяхъ; весь баркасъ былъ увѣшанъ драгоцѣнными тканями, а съ бортовъ свѣшивались ковры, на серебряномъ фонѣ которыхъ сверкали золотыя лиліи.

Подъ роскошнымъ балдахиномъ изъ бѣлой парчи съ золотыми узорами сидѣли нѣсколько дамъ и кавалеровъ и молодая, замѣчательно стройная, дѣвушка. Легкій вѣтерокъ, дувшій съ моря, вызвалъ на ея щекахъ нѣжный румянецъ, и темно-бирюзовые глаза ея съ безпокойствомъ осматривались, какъ бы отыскивая кого-то. Она сидѣла подъ балдахиномъ въ сторонѣ отъ своихъ спутниковъ, на половину укрытая складками занавѣси и прислонясь къ передней колонкѣ балдахина, такъ что могла слышать все, что говорилось въ

гондолѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за всѣми судами, также плывшими къ городу послѣ окончанія торжественной церемоніи.

Дожъ возсѣдалъ между нунціемъ и патріархомъ.

Вдругъ она совсѣмъ вблизи увидѣла совершенно черную гондолу.

— А, Марино!—окликнула она гондольера.

— Что прикажете, синьорина Тоніэтта?

— Меня очень занимаетъ одинъ вопросъ, Марино! Скажи, неужели никогда нельзя добыть со дна моря ни одного изъ этихъ драгоцѣнныхъ перстней?... Вѣдь въ теченіе трехъ столѣтій, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ этотъ обычай, ихъ бросаютъ въ море въ одномъ и томъ же мѣстѣ!

— Никогда, синьорина Тоніэтта, не достать со дна морского ни одного изъ этихъ перстней!... Очевидно, такъ рѣшила судьба!.. Уже 276 такихъ перстней поглотила жадная Адріатика! — отвѣтилъ высокій гондольеръ лѣтъ тридцати, стоявшій на кормѣ совершенно черной гондолы, на которой находилась небольшая палатка, также вся черная, служившая для защиты отъ солнца и непогоды. На мрачномъ суднѣ не было никакого украшенія, кромѣ весело развѣвавшагося флага съ вышитымъ на немъ изображеніемъ св. Николая.

— Но говорятъ, что наканунѣ этого дня множество рыбаковъ разставляютъ свои мелкія сѣти на этомъ мѣстѣ?

— Я не встрѣчалъ ни одного изъ нихъ!.. Правда, я не рыбакъ, а гондольеръ!.. Но чего только не разсказываютъ!.. Клянусь св. Николаемъ, если имъ нынче не удастся выловить перстень, то едва ли имъ снова представится случай сдѣлать это!..

Послѣднія слова Марино звучали какъ-то пророчески, и онъ замолчалъ, замѣтивъ среди окружавшей его въ гондолахъ толпы народа множество переодѣтыхъ сыщиковъ, которые внимательно прислушивались къ разговору, въ надеждѣ подслушать чье-нибудь необдуманное слово.

Сильной мускулистой рукой управлялъ Марино своей легкой гондолой. направляя ее противъ теченія. На изогнутомъ носу ея сверкали стальные зубы дракона.

Загорѣлое лицо гондольера было гладко выбрито. Черныя кудри его упрямо выбивались изъ-подъ шапочки, а изъ-подъ нависшихъ бровей блестѣли черные глаза, принимавшіе иногда саркастическое вы-

раженіе. Весь онъ былъ одѣтъ въ бѣлое, и только поясъ его былъ чернаго цвѣта. Во всѣхъ движеніяхъ Марино проглядывала необычайная сила и ловкость. Взглядъ его презрительно скользилъ по нарядной толпѣ, размѣстившейся въ гондолахъ, какъ-бы порицая все это безцѣльное, показное великолѣпіе празднуемаго могущества республики.

— Нѣтъ ли чего-нибудь новаго, Марино?...—шепотомъ спросила его дѣвушка.—Не случилось ли чего-нибудь важнаго, что ты такъ близко подъѣхалъ къ намъ?.. Прошла уже цѣлая недѣля съ тѣхъ поръ, какъ мой вѣрный Жеромъ видѣлъ тебя, а за недѣлю могло случиться многое!.. О, эта ужасная война!.. Говори скорѣй, пока не наблюдаютъ за нами!

— Да, синьорина, есть вѣсти, но совсѣмъ не тревожныя!.. Опасность миновала!..

— О, Боже!.. Мой братъ!.. Вѣроятно, была новая битва!.. Онъ раненъ?..

— При Мондови произошло сраженіе!.. Братъ вашъ подвергался большой опасности!.. Но успокойтесь, онъ спасенъ! Въ ту минуту, когда его окружилъ непріятель, подоспѣлъ на помощь во главѣ своего отряда молодой офицеръ, одних лѣтъ съ нимъ лѣтъ, и спасъ его отъ неминуемой гибели!.. Вотъ возьмите это письмо, оно вамъ разъяснитъ все!—и онъ незамѣтно вручилъ молодой дѣвушкѣ письмо.

— О, какъ я благодарна этому офицеру!.. Тысячу разъ благодарю тебя, Марино!.. Теперь я могу вздохнуть свободнѣе, потому что скоро будетъ заключенъ миръ!—сказала она, спрятавъ письмо за корсажъ.

— Вы говорите, синьорина, что скоро будетъ заключенъ миръ?.. Неужели вы этому вѣрите?.. Такой молодой честолюбивый генералъ, опьяненный своими первыми побѣдами, согласится на миръ?!.. Нѣтъ, нѣтъ, синьорина!.. Клянусь св. Маркомъ, если бы я былъ на его мѣстѣ, я бы...

Лицо гондольера выражало сомнѣніе и страхъ, что

слова молодой дѣвушки могутъ сбыться. И онъ невольно сдѣлалъ такое рѣзкое движеніе весломъ, что гондола подъ нимъ застонала, какъ лошадь, внезапно почувствовавшая шпоры сѣдока.

— Тсс!.. Тише!.. Послушай, что они говорятъ!— шепнула ему молодая дѣвушка, указывая едва замѣтнымъ движеніемъ руки на своихъ спутниковъ.

Въ это время двое изъ нихъ говорили съ такимъ возбужденіемъ, что забыли не только о всемъ окружающемъ, но даже о Буцентаврѣ, который плылъ обратно къ Венеціи. Остальные дамы и кавалеры, казалось, мало интересовались ихъ разговоромъ.

— Вотъ видишь, дорогой Гонтранъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ,—развѣ я тебѣ не говорилъ, что наступитъ конецъ этому выскочкѣ, какъ только противъ него выступятъ хорошія, испытанныя войска, а такія войска можетъ выставить только австрійскій императоръ. До сихъ поръ пылъ Корсиканца сдерживаетъ Болье; но тотъ отлично знаетъ, что у императора есть еще другіе славные генералы, какъ-то: Вурмзеръ, Альвинци, Давидовичъ... Да, да, этотъ республиканскій выскочка начинаетъ уже уступать и жаждетъ мира!.. Между нами говоря, перемиріе подъ Хераско, безъ сомнѣнія, только прелюдія къ настоящему миру... Но я надѣюсь, что его величество на этотъ разъ не согласится на миръ и задастъ этому... какъ они тамъ его зовутъ?..

— Бонапартъ, — услужливо подсказалъ одинъ изъ спутниковъ.

— Совершенно вѣрно! Бонапартъ!.. Да кто онъ такой?.. Совсѣмъ неизвѣстный человѣкъ, надменность котораго становится слишкомъ докучливой!..

При этомъ маленькая птичья голова говорившаго на длинной тонкой шеѣ, съ бровями, нависшими надъ мутными водянистыми глазами, и съ острымъ ястребинымъ носомъ, закачалась какъ маятникъ справа налѣво вмѣстѣ съ напудренной косичкой парика.

— Ты правъ, отецъ! Пора проучить этого корсиканскаго авантюриста. Ужъ слишкомъ долго медлили сдѣлать это, и я надѣюсь, что теперь и сенатъ Венеціи наконецъ откажется отъ своего непростительнаго нейтралитета и вступитъ въ оборонительный союзъ съ Австріей для защиты своихъ провинцій на сушѣ. Надо надѣяться, что сенатъ впредь не будетъ страшиться хвастливыхъ угрозъ и малодушно подчиняться Корсиканцу, какъ дѣлалъ это до сихъ поръ. Особенно я разсчитываю на моего достойнаго друга, графа д'Антрэгъ. Ты, отецъ, вѣроятно, помнишь его: аристократъ съ головы до ногъ, онъ женился на извѣстной пѣвицѣ Большой оперы, г-жѣ Ла-Сентъ-Иберти, и въ качествѣ тайнаго министра Господина... простите, я хотѣлъ сказать, въ качествѣ тайнаго министра нашего всемилостивѣйшаго короля Людовика XVIII причислился къ русскому посольству при Венеціанской республикѣ. Вслѣдствіе этого онъ находится теперь подъ непосредственнымъ покровительствомъ русской царицы. Повѣренный по дѣламъ Россіи пригласилъ его вмѣстѣ со своими приближенными на Буцентавръ, и я увѣренъ, что графъ не пропуститъ этого благопріятнаго случая, и что мы вскорѣ услышимъ о его успѣхахъ.

Говорившій это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, сильнаго сложенія. На немъ былъ роскошный шелковый костюмъ, съ затканными на отворотахъ и обшлагахъ цвѣтами, а на напудренной головѣ—треуголка, одѣтая набекрень. Выраженіе его глазъ было холодное и рѣзкое, и онъ во всемъ походилъ на своего пожилого собесѣдника, превосходя его только энергіей и силой.

Рядомъ съ пожилымъ господиномъ сидѣла дама лѣтъ пятидесяти. Ея праздничный нарядъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ выраженіемъ скрытаго горя на ея лицѣ и еще влажными отъ пролитыхъ слезъ глазами.

Молодой человѣкъ не безъ ироніи вѣжливо обратился къ ней:

— Моя дорогая мать, безъ сомнѣнія, будетъ рада, когда кончится эта проклятая война!.. Но подумать только, что этотъ генералъ, бросаясь на Италію, имѣлъ наглость крикнуть своимъ солдатамъ: „Солдаты, васъ плохо кормятъ! У васъ нѣтъ мундировъ!.. Я поведу васъ въ плодороднѣйшія долины міра. Тамъ вы найдете честь, славу и богатство!..“ Такъ можетъ говорить только разбойникъ, и для меня непостижимо, какъ могутъ люди изъ высшей аристократіи слѣдовать за такимъ человѣкомъ!

Онъ прошипѣлъ эти слова съ такой злобой, что пожилая дама, не желая быть услышанной другими, съ тихой мольбой обратилась къ нему:

— О, Гонтранъ, Гонтранъ, пожалѣй же мать свою! Не забывай, что Жанъ—твой братъ, и что даже герцогъ, твой отецъ, воздерживается отъ такихъ злыхъ намековъ. Они раздираютъ мнѣ сердце!

Но молодой человѣкъ продолжалъ, пожимая плечами, тѣмъ же леденящимъ голосомъ:

— Я долженъ говорить такъ, потому что горжусь тѣмъ, что я маркизъ де-Бершеръ, и потому что краснѣю отъ стыда при мысли, что графъ де-Бершеръ, мой младшій братъ, сражается въ республиканской арміи!.. Впрочемъ скоро все это кончится! Всѣ эти великія побѣды, которыми хвастается Бонапартъ, оказываются ничтожными, несмотря на его хвастливыя воззванія, съ которыми вы, вѣроятно, знакомы. Вотъ одно изъ нихъ: „Солдаты! въ двѣ недѣли вы шесть разъ побѣждали, завладѣли двадцать однимъ знаменемъ, захватили пятьдесятъ пушекъ, 15000 плѣнныхъ!..“—Одни слова и слова!.. И для чего?.. Для того только, чтобы заключить перемиріе, т.-е. другими словами, миръ!

— Миръ! Я страстно желаю мира! – прошептала герцогиня взволнованнымъ голосомъ.

— Миръ! миръ! миръ! — повторили въ одинъ голосъ всѣ сидѣвшіе въ баркасѣ — одни равнодушно, другіе съ увлеченіемъ, третьи съ сомнѣніемъ.

Но при этомъ всѣ безъ исключенія, даже герцогъ и маркизъ, которые передъ тѣмъ такъ презрительно отзывались о молодомъ французскомъ генералѣ, пріобрѣвшемъ въ двѣ недѣли такую громкую славу, всѣ желали выхода изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ они находились уже много лѣтъ.

Рядомъ съ герцогомъ сидѣла пожилая дама.

Въ то время, какъ повсюду кругомъ раздавалось громкое ликованіе народа, маленькое общество на баркасѣ пріуныло. Всѣ они съ грустью сознавали, что вынуждены были покинуть прекрасную Францію, и теперь имъ суждено скитаться изъ страны въ страну,

подобно перелетнымъ птицамъ, и каждую минуту быть готовыми снова начать свои скитанія.

Всѣ безъ исключенія съ видимымъ удовлетвореніемъ приняли извѣстіе о Херасскомъ перемиріи, считая его предвѣстникомъ мира.

При этой надеждѣ на миръ къ герцогу и маркизу снова вернулись ихъ прежняя самоувѣренность и высокомѣріе, которымъ передъ тѣмъ былъ нанесенъ сильный ударъ постановленіемъ венеціанскаго сената, требовавшаго, чтобы братъ несчастнаго Людовика XVI, которому эмигранты присвоили титулъ регента въ надеждѣ, что онъ будетъ провозглашенъ королемъ Франціи подъ именемъ Людовика XVIII, немедленно покинулъ Верону. Постановленіе это было сдѣлано вслѣдствіе категорическаго требованія французской директоріи, а также подъ давленіемъ побѣдоноснаго вторженія французской арміи въ Пьемонтъ и Ломбардію.

Тѣмъ временемъ Буцентавръ продолжалъ медленно плыть вдоль берега обратно къ Венеціи. Сопровождавшая его флотилія гондолъ и другихъ судовъ пріостановилась на нѣсколько минутъ у узкаго входа передъ Лидо, а затѣмъ снова поплыла за нимъ. Съ гондолъ раздавалось громкое пѣніе древней кантаты, воспѣвавшей бракосочетаніе дожа съ моремъ.

Во время происшедшей у Лидо остановки гондольеру снова удалось обмѣняться нѣсколькими словами съ сидѣвшей въ баркасѣ молодой дѣвушкой.

— Не желайте мира, синьорина!—сказалъ онъ.— Вамъ пришлось бы во многомъ разочароваться! Но, къ счастью, война не скоро прекратится!.. И миръ для васъ былъ бы несчастьемъ, повѣрьте мнѣ!.. Къ тому же мнѣ очень многое извѣстно, чего вы не знаете...

Молодая дѣвушка окинула гондольера взглядомъ, въ которомъ ясно выражались сомнѣніе и страхъ.

— Но, Марино!.. А эта всеобщая радость, это торжество, пѣніе и тѣ вѣсти, которыя отецъ и братъ только что сообщили!..

— Для меня все это только грозный глухой ревъ народа льва св. Марка. Если повелитель нашъ, Луиджи Манини, дожъ аристократіи и всѣхъ Кастеллани, другими словами, если онъ гондольеръ знати, такъ развѣ я не гастальдо и не дожъ всѣхъ Николотти, гондольеръ народа, т.-е. демократіи? Взгляните на поднятый на моей гондолѣ флагъ—символъ моего сана и моей власти! А затѣмъ сравните со мною того жалкаго слабаго старика! Что можетъ сдѣлать тотъ слабый одинокій старикъ въ сравненіи со мною и беззавѣтно преданными мнѣ Николотти? Мы, Николотти, скажемъ этимъ спѣсивымъ Кастеллани, которые удостоились чести сопровождать дожа: „Ты гребешь для своего дожа, а мы гребемъ съ нашимъ дожемъ!..“

Съ этими словами онъ указалъ на возвышавшійся на Буцентаврѣ тронъ, гдѣ возсѣдалъ облеченный въ пурпуръ семидесятилѣтній дожъ, совсѣмъ согбенный подъ тяжестью парчи, горностая и золота, а затѣмъ на свою узкую легкую гондолу съ весело развѣвающимся флагомъ св. Николая, которой онъ ловко управлялъ сильной неутомимой рукой.

Затѣмъ Марино сильнымъ взмахомъ весла направилъ свою гондолу къ каналу Гранде, еще разъ окинувъ взглядомъ огромную разукрашенную государственную галеру, и тихо кликнулъ молодой дѣвушкѣ:

— До скораго свиданія, синьорина Тоніэтта! Разсчитывайте больше на меня, чѣмъ на того, тамъ наверху!

Нѣсколько минутъ спустя онъ былъ уже далеко отъ баркаса и пробирался съ неимовѣрной быстротой между тѣснившимися гондолами и другими судами. Антуанетта де Берперъ провожала его глазами, какъ вдругъ вблизи баркаса раздался ворчливый голосъ:

— Развѣ это не позоръ, не оскорбленіе для нашего повелителя, синьоръ маркизъ, что такой человѣкъ избранъ дожемъ Николотти?..

Съ этими словами къ баркасу подплылъ гондольеръ въ красной шапочкѣ и съ краснымъ поясомъ—знаками аристократической партіи Кастеллани.

— А, это ты, Беппо!—воскликнулъ Гонтранъ де-Берщеръ, узнавъ гондольера.—Ты бываешь еще въ кафе Alla Stella d'Oro?.. Могу ли я всегда встрѣтить тебя тамъ?—шепотомъ спросилъ его маркизъ.

Гондольеръ подмигнулъ утвердительно, и маркизъ уже громко спросилъ его:

— Что ты волнуешься, Беппо?

Угрюмое лицо Беппо, его рыжіе волосы и маленькіе черные острые глаза производили отталкивающее впечатлѣніе.

Онъ указалъ маркизу на быстро удалявшуюся гондолу, казавшуюся теперь узкой черной полоской, надъ которой развѣвался флагъ съ вышитымъ на немъ золотымъ изображеніемъ св. Николая.

— Вы спрашиваете, отчего я волнуюсь?.. Поневолѣ будешь волноваться, когда этого Марино Фано избрали въ гастальдо!.. Вѣроятно, всѣ Николотти спятили съ ума, выбирая себѣ въ дожи этого опаснаго человѣка!.. Если бы только они знали эту гондолу, на которой онъ съ такой дерзостью поднялъ ихъ флагъ, они никогда не выбрали бы его своимъ дожемъ. Никто не хочетъ мнѣ вѣрить!.. Но вы увидите, что это черное суденышко навлечетъ на всѣхъ насъ несчастье и гибель!..

— Какія небылицы ты разсказываешь, Беппо? Что тебѣ сдѣлалъ этотъ Марино Фано, котораго ты, кажется, считаешь своимъ заклятымъ врагомъ?

— Что онъ мнѣ сдѣлалъ?.. Онъ мой врагъ, и причина этой вражды покажется вамъ, иностранцу, непонятной, но ее сразу пойметъ любой венеціанецъ. Я, какъ бывшій морякъ, хорошо распознаю признаки надвигающейся бури, которая какъ вѣчная угроза виситъ надъ нашей головой,—отъ меня ихъ не скроешь даже въ такой чудесный день, какъ сегодня...

Маркизъ не могъ воздержаться, чтобы не возразить насмѣшливо:

— Опять одно изъ вашихъ глупыхъ суевѣрій, къ которымъ венеціанцы такъ падки. Съ тѣхъ поръ, какъ ты сдѣлался моимъ гондольеромъ, ты постоянно жужжишь мнѣ въ уши разный вздоръ.

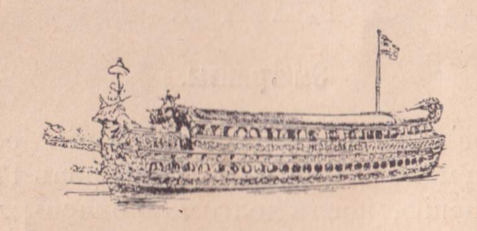
Лицо Беппо сдѣлалось еще мрачнѣе.

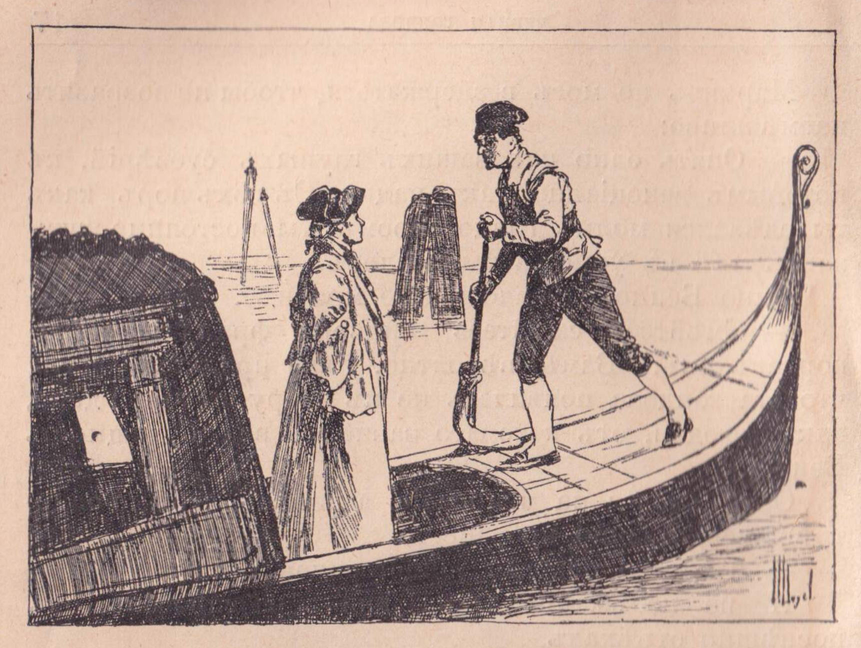
— Смѣйтесь, смѣйтесь, синьоръ франчезе!—проворчалъ онъ.—Вамъ, вѣроятно, тоже придется узнать, что эта гондола появилась не къ добру въ такой день, какъ сегодня, отъ котораго зависитъ вся будущность Венеціи!..

Онъ замялся на мгновеніе, а потомъ, угрюмо осмотрѣвшись, мрачно произнесъ:

— То была роковая таинственная гондола!

И, во избѣжаніе дальнѣйшихъ разспросовъ, онъ поспѣшно отъѣхалъ.





Маркизъ разговорился съ Беппо.

ГЛАВА II.

Эмигранты.

За четыре года до разсказываемыхъ событій, въ одинъ изъ туманныхъ осеннихъ вечеровъ 1792 г. прибылъ въ Венецію, послѣ долгихъ и опасныхъ скитаній, герцогъ де-Бершеръ съ своей супругой, старшимъ сыномъ Гонтраномъ и дочерью Антуанеттой, въ сопровожденіи лакея Жерома Гривэ и двухъ камеристокъ.

При въѣздѣ въ городъ лагунъ ихъ сильно поразило одно происпествіе, которое было принято ими за дурное предзнаменованіе.

Когда путешественники вышли изъ почтовой коляски, въ которой они прибыли изъ Турина въ маленькое мѣстечко Местръ, откуда въ Венецію пере-

ѣзжаютъ на гондолахъ, они застали на пристани только двухъ гондольеровъ.

Герцогъ, герцогиня, маркизъ и одна изъ камеристокъ, безъ услугъ которой не могла обойтись избалованная дама, размѣстились въ первой гондолѣ. Почуявъ въ пріѣзжихъ знатныхъ господъ, гондольеръ услужливо заговорилъ:

— Беппо Лаццаро, синьоры! Лучшій гондольеръ гильдіи Кастеллани, венеціанской аристократіи.

Затѣмъ подъѣхала вторая гондола, гондольеръ которой молча, съ очевиднымъ презрѣніемъ отнесся къ болтовнѣ Беппо. Въ ней помѣстились Антуанетта, ея камеристка и Жеромъ Гривэ.

Въ этотъ вечеръ стемнѣло очень рано; густой туманъ окуталъ лагуны, и наступила такая темная непроглядная ночь, что не было видно даже своей руки. Чтобы не сбиться съ пути, гондольеры должны были употребить всю свою ловкость и вниманіе, пробираясь сквозь густую бѣловато-сѣрую завѣсу, окутавшую со всѣхъ сторонъ Венецію и ея каналы.

Слабо свѣтившіе фонари гондолъ были окружены тусклымъ вѣнцомъ, дальше котораго ничего нельзя было видѣть. Свѣтъ ихъ не могъ проникнуть сквозь густой туманъ, за которымъ пріѣзжихъ, казалось, ожидало что-то зловѣщее.

Когда Антуанетта боязливо спускалась въ гондолу, свѣтъ фонаря освѣтилъ ея лицо.

Гондольера поразила миловидность молодой дѣвушки съ нѣжнымъ розовымъ лицомъ, васильковыми глазами и золотистыми локонами, выбивавшимися изъ-подъ капюшона, покрывавшаго голову и плечи этого прелестнаго подростка.

— Santa Madonna! — невольно воскликнулъ онъ, очарованный ея красотой.

Въ то время, какъ гондола скользила по каналамъ, герцогъ и герцогиня сидѣли молча, встревоженные окружавшей ихъ непроглядной тьмою, а маркизъ,

владѣвшій итальянскимъ языкомъ, разговорился съ Беппо. Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ убѣдился, что нашелъ въ немъ сговорчиваго, хитраго, ловкаго и готоваго на всякое дѣло человѣка, незнакомаго съ угрызеніями совѣсти, который могъ быть ему очень полезенъ, и Гонтранъ де-Бершеръ рѣшилъ привязать его къ себѣ щедростью и заманчивыми обѣщаніями.

Въ то же время Антуанетта пріобрѣла расположеніе Марино Фано, такъ звали другого гондольера, благодаря своей миловидности. Молодая дѣвушка показалась гондольеру какимъ-то неземнымъ существомъ, и онъ далъ себѣ слово быть ея преданнымъ слугой.

Хотя оба гондольера были отлично знакомы съ малѣйшими изгибами каналовъ и сначала съ увѣренностью направляли свои гондолы, но по мѣрѣ того, какъ они приближались къ главной части Венеціи, гдѣ находился соборъ св. Марка и дворецъ дожей, они стали затрудняться относительно дальнѣйшаго пути среди окутывавшей ихъ непроглядной тьмы.

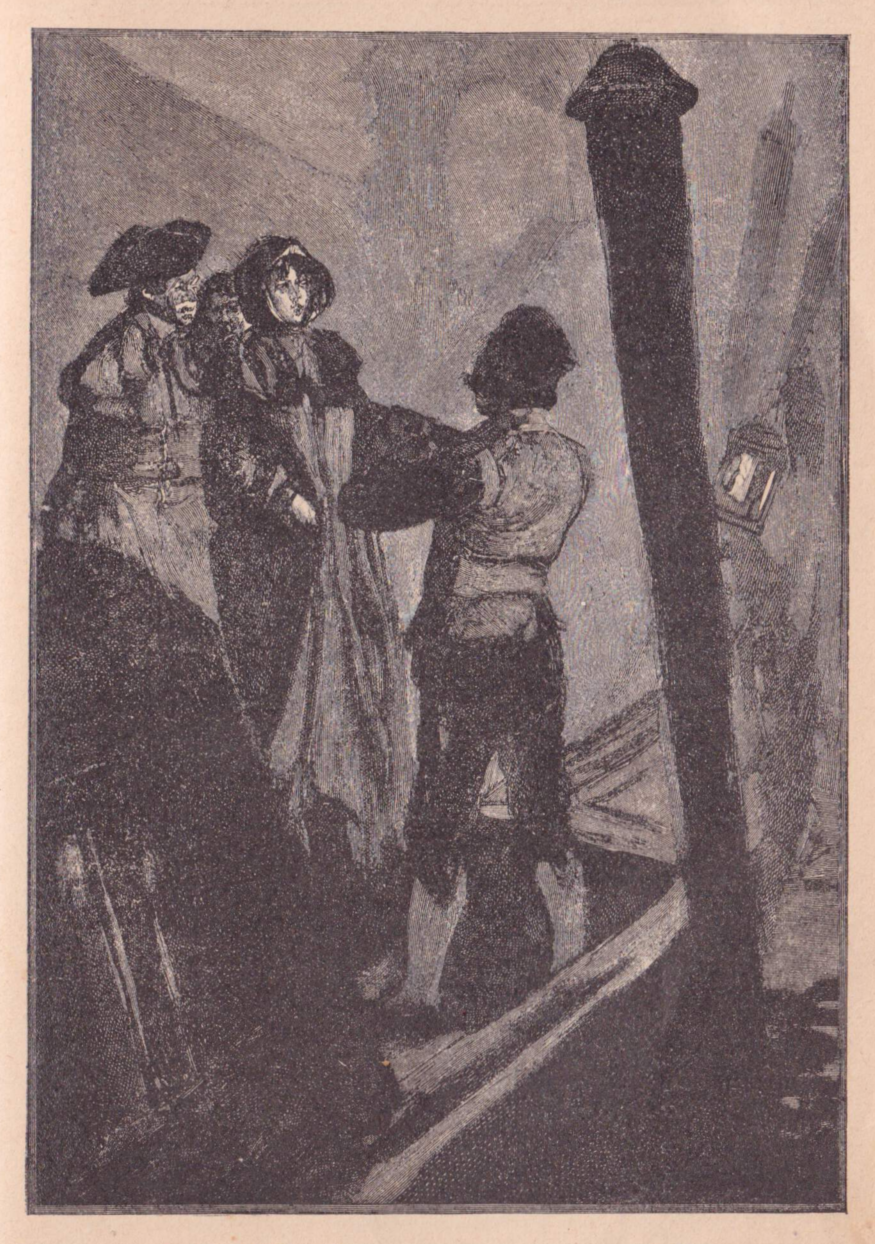
Беппо, только что похвалявшійся тѣмъ, что онъ лучшій гондольеръ Кастеллани [1]), былъ вынужденъ дождаться ѣхавшаго позади него товарища и соперника. Ему пришлось съ нимъ посовѣтоваться и спросить, въ какомъ мѣстѣ канала они находятся.

При другихъ обстоятельствахъ Марино, глубоко презиравшій Беппо, воспользовался бы случаемъ, чтобы подшутить надъ нимъ и предоставить ему самому выпутаться изъ бѣды. Но онъ пожалѣлъ утомленныхъ долгимъ путешествіемъ родныхъ молодой дѣвушки и далъ Беппо необходимыя указанія.

Нѣкоторое время гондолы плыли рядомъ, но затѣмъ Марино поплылъ впереди, указывая путь, и нѣсколько минутъ спустя гондолы ударились о ступени

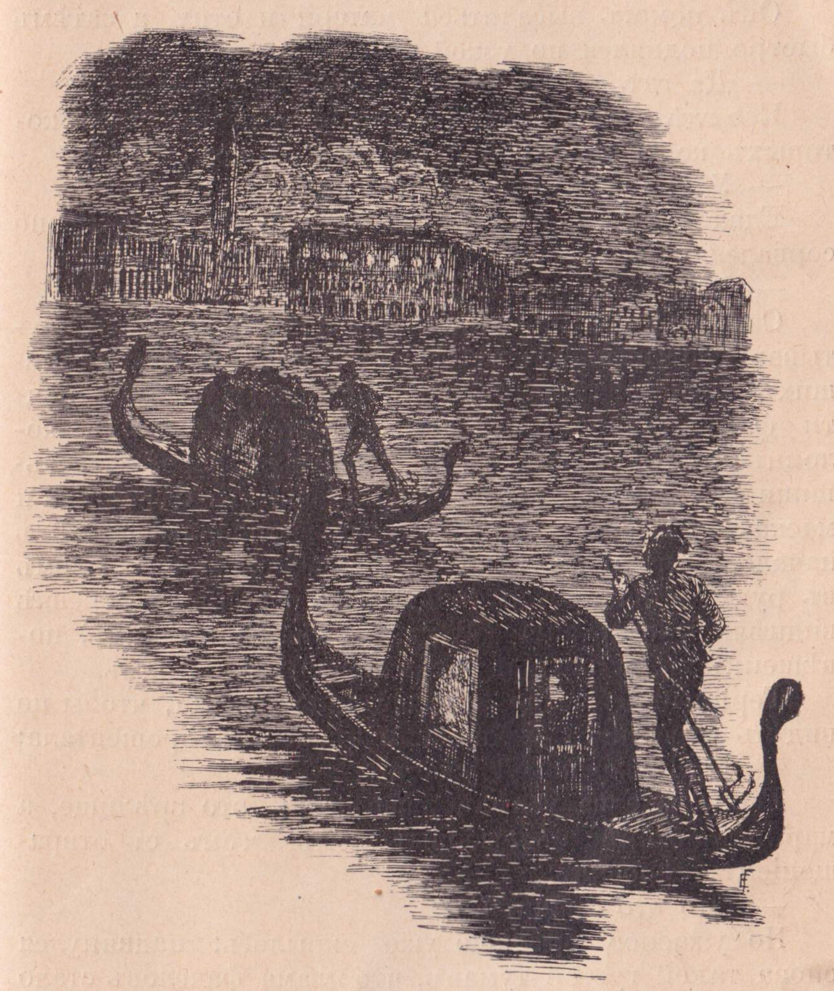
---

[1]) Кастеллани — жители той части Венеціи, которая построена на островѣ дель Кастелло. Эта партія всегда была заклятымъ врагомъ Николотти—жителей другой части Венеціи, построенной на островкѣ Санъ-Николо.



„Santa Madonna!“ невольно воскликнулъ гондольеръ.

пристани, покрытыя тиной и морской травой. Рядомъ съ нею возвышались высокіе пестрые столбы, къ которымъ гондольеры обыкновенно привязывали свои гондолы.



Марино поплылъ впереди, указывая путь.

Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, въ особенности чужестранцы, встревоженные этимъ путешествіемъ въ темнотѣ.

Первымъ выскочилъ на скользкія ступени Гонтранъ.

— Наконецъ-то мы прибыли въ желанную Венецію!—воскликнулъ онъ.

Онъ помогъ высадиться матери и отцу, а затѣмъ быстро поднялся по узкой лѣстницѣ.

— Да гдѣ же мы?—спросилъ Гонтранъ.

Кое-гдѣ среди тумана мерцали факелы, пламя которыхъ колебалось отъ дувшаго съ моря вѣтра.

— У Піацветты, синьоръ!—отвѣтилъ Марино.

Едва успѣлъ онъ отвѣтить, какъ съ устъ Беппо сорвался крикъ ужаса.

— Maladetto!..

Сильный порывъ вѣтра внезапно разорвалъ окутывавшую ихъ пелену тумана, и глазамъ прибывшихъ представилось на одно мгновеніе ужасное, почти фантастичное зрѣлище: у подножія обѣихъ колоннъ на Піацеттѣ стояли, образуя карэ, факельщики и сбиры (полицейскіе) въ черныхъ одѣяніяхъ и маскахъ. Посреди нихъ стояла группа людей, подъ начальствомъ одѣтаго въ черное человѣка съ жезломъ въ рукѣ, а на протянутой между колоннами веревкѣ виднѣлись очертанія двухъ человѣческихъ тѣлъ, повѣшенныхъ за ноги и раскачиваемыхъ вѣтромъ.

Герцогиня быстро закрыла лицо руками, чтобы не видѣть страшнаго зрѣлища, и въ страхѣ прошептала:

— О, Боже! какой ужасъ!

Герцогъ едва успѣлъ разглядѣть это зрѣлище, а маркизъ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ отвращеніемъ, спросилъ:

— Что это значитъ?

Но ужасное зрѣлище уже скрылось: надвинулся снова такой густой туманъ, что пламя факеловъ стало походить на неясныя пятна, а затѣмъ свѣтъ и совсѣмъ исчезъ.

Собирая свой мелкій багажъ въ палаткѣ гондолы, Антуанетта не видѣла этого зрѣлища и потому, не

понимая этихъ восклицаній ужаса, не придала имъ особеннаго значенія.

— Проклятіе! Это дурное предзнаменованіе!—пробормоталъ утомленный герцогъ, какъ-бы предчувствуя грозившее ему здѣсь несчастье.

— Съ нами тутъ случилось, кажется, то же самое, что съ знаменитымъ Марино Фальеро, — беззаботно замѣтилъ маркизъ.—Отецъ, ты помнишь его исторію? Это тотъ дожъ, котораго неловкій гондольеръ привезъ къ этому мѣсту, и голова котораго впослѣдствіи пала подъ топоромъ палача. Но какое намъ дѣло до всего этого!.. Мы не венеціанцы и не собираемся быть дожами!..

Беппо Лаццаро злобно посмотрѣлъ на Марино.

— Въ этомъ виноватъ Марино! — воскликнулъ онъ. — Онъ съ умысломъ присталъ къ этому мѣсту, зная, что тутъ происходитъ!.. Его гондола приноситъ всѣмъ несчастье!

— Отъ судьбы не уйдешь!—насмѣшливо замѣтилъ Марино и, обращаясь къ герцогу, добавилъ:—Я долженъ сознаться, что не подозрѣвалъ, что мы причалили къ этому мѣсту. Мнѣ казалось, что мы подъѣхали къ Цеккѣ!.. Но не все ли это равно!.. Беппо напрасно придаетъ всему этому какое-то значеніе!.. И зачѣмъ онъ самъ не продолжалъ руководить гондолами, а обратился ко мнѣ за помощью?.. Я всюду послѣдовалъ бы за нимъ и не сталъ бы потомъ несправедливо упрекать его!

— Ну, довольно, другъ мой! Объясни намъ, по крайней мѣрѣ, что тутъ происходитъ?—вмѣшался Гонтранъ въ пререканія гондольеровъ.

— Синьоръ,—отвѣтилъ мрачно Марино,—вы видѣли сейчасъ проявленіе тайнаго, безотчетнаго правосудія нашей венеціанской аристократіи. Казнили двухъ сбировъ. Ихъ обвинили въ томъ, что они, вопреки запрещенію, вооруженные переходили черезъ Піаццетту въ ту минуту, когда высокіе сановники республики

собирались во дворцѣ дожей на засѣданіе. Арсеналотти остановили ихъ и потребовали, чтобы они вернулись. Но сбиры не послушались и оказали вооруженное сопротивленіе морякамъ, которымъ было поручено наблюдать за тѣмъ, чтобы никто подъ страхомъ смерти не смѣлъ съ оружіемъ появляться въ этомъ мѣстѣ... Послѣдствія ихъ ослушанія вы только что видѣли!.. Ихъ схватили, осудили и задушили въ тюрьмѣ, а теперь трупы ихъ, согласно древнему обычаю, висятъ на площади подъ охраной начальника полиціи!.. Многіе чужестранцы дорого заплатили бы, чтобы видѣть такое зрѣлище. Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ была совершена подобная казнь!.. Но терпѣніе!..— прошепталъ онъ.— Скоро настанетъ часъ, когда...

— Значитъ, тутъ не было ничего необыкновеннаго,— замѣтилъ маркизъ, не разслышавшій послѣднихъ словъ гондольера.—Мы были только свидѣтелями казни преступниковъ, правда, нѣсколько варварской, но совершавшейся согласно съ обычаями страны. Ха, ха, ха!.. Это была особенная удача для насъ увидѣть такое зрѣлище при самомъ прибытіи въ этотъ городъ, гдѣ мы разсчитывали видѣть только веселые карнавалы, музыку и пѣніе!..

Но легкомысленная болтовня Гонтрана не могла изгладить впечатлѣнія отъ ужаснаго зрѣлища. Завѣса была приподнята съ веселаго, сіяющаго лица царицы Адріатики, и передъ пріѣзжими предстала кровавая Венеція въ своемъ настоящемъ видѣ.

Герцогъ де-Бершеръ, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ послами Россіи и Австріи при Высокой Республикѣ, рѣшилъ искать убѣжища въ Венеціи, а не въ Англіи или Германіи, куда эмигрировала большая часть французской знати.

Онъ поспѣшно бѣжалъ изъ своего роскошнаго замка въ предмѣстьѣ Парижа, оставивъ на рукахъ болѣе или менѣе надежныхъ управляющихъ свои замки и помѣстья въ провинціи. Съ собою онъ захватилъ всѣ

свои наличныя деньги, семейныя драгоцѣнности, бриліанты герцогини, разсчитывая нѣкоторое время прожить на чужбинѣ согласно своему званію, какъ онъ къ тому привыкъ въ Парижѣ.

Изъ слугъ за эмигрировавшей семьей послѣдовали только двѣ камеристки и одинъ преданный слуга. То былъ молочный братъ Жана, младшаго сына герцога, Жеромъ Гривэ, рослый и сильный молодой человѣкъ

Герцогъ поспѣшно бѣжалъ изъ своего замка.

лѣтъ восемнадцати, особенно преданный Антуанеттѣ. Онъ поклялся Жану заботиться о его сестрѣ, и обѣщаніе это облегчило Жану де-Бершеръ возможность исполнить свой долгъ передъ родиной и не эмигрировать со своими родными изъ Франціи въ такую пору, когда отечество находилось въ опасности.

Высокомѣрный герцогъ де-Бершеръ надѣялся, что буря революціи, свирѣпствовавшая во Франціи, скоро затихнетъ, и въ странѣ снова возстановится законная власть Бурбоновъ. Поэтому онъ предполагалъ, что пре-

бываніе его въ Венеціи продлится лишь нѣсколько мѣсяцевъ, самое большее годъ. Ему казалось, что въ Венеціи, славившейся на весь міръ своимъ весельемъ и празднествами, онъ проведетъ время лучше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

Но это путешествіе, и притомъ въ числѣ семи человѣкъ, сопряжено было съ большими затрудненіями. Изъ большихъ портовъ было опасно бѣжать, и потому герцогу пришлось со всей семьей пробираться черезъ всю Францію съ сѣвера на югъ, къ небольшому рыбацкому селенію въ окрестностяхъ Марселя. Тамъ ему удалось найти владѣльца небольшого судна, который согласился за крупную сумму доставить бѣглецовъ въ Генуя. Путь въ Венецію герцогъ совершилъ по ранѣе уже намѣченному плану и, почувствовавъ подъ ногами твердую почву Италіи, сталъ снова надѣяться на болѣе свѣтлое будущее. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ цѣли своего путешествія, тѣмъ сильнѣе въ немъ снова заговорили его гордость и высокомѣріе. Но высадка у Піаццетты послѣ плаванія среди тумана и внезапно представшее передъ нимъ ужасное зрѣлище вызвали въ немъ новыя опасенія и подавляюще подѣйствовали на него. А когда Гонтранъ легкомысленно напомнилъ о страшной судьбѣ Марино Фальеро, онъ вспомнилъ поговорку, возникшую послѣ грустной кончины этого дожа:

„Остерегайся мѣста между двумя колоннами!“

И герцогъ невольно задалъ себѣ вопросъ, слѣдовало ли ему искать убѣжища въ этомъ городѣ, гдѣ еще господствовали такіе варварскіе обычаи?

Къ несчастью, жребій былъ брошенъ, и приходилось покориться судьбѣ.

Взглянувъ на сына, спокойно стоявшаго рядомъ съ нимъ, и на грустное покорное лицо герцогини и дочери, къ счастью, не видѣвшей ужаснаго зрѣлища, онъ нѣсколько успокоился, и къ нему вернулась смутная надежда на лучшее будущее.

Колонны, факелы, палачи и ихъ жертвы давно уже исчезли за густой пеленой тумана, и все видѣнное показалось ему миражемъ.

На зовъ Беппо и Марино прибѣжали носильщики-факкини и, забравъ багажъ эмигрантовъ, повели ихъ въ гостиницу, гдѣ герцогъ намѣревался остановиться лишь временно, до пріисканія подходящаго помѣщенія. Уже нѣсколько дней спустя онъ переѣхалъ съ семьей въ одинъ изъ палаццо близъ площади св. Марка въ кварталѣ Сенъ-Мозэ. Дворецъ этотъ отдавался въ наемъ, и, несмотря на недостатокъ въ меблировкѣ, красивый фасадъ въ италіано-византійскомъ стилѣ прельстилъ тщеславнаго герцога.

Онъ надѣялся занять подобающее его сану мѣсто среди занесенной въ золотую книгу венеціанской аристократіи. Прежніе друзья герцога, послы иностранныхъ державъ при венеціанской республикѣ, встрѣтили его съ глубокимъ уваженіемъ. Это нѣсколько утѣшило герцога, и онъ запасся терпѣніемъ въ ожиданіи того счастливаго дня, когда можно будетъ вернуться во Францію и занять тамъ прежнее положеніе.

Съ той ночи прошло четыре года. Но этотъ долгій рокъ не поколебалъ вѣры герцога въ скорую перемѣну къ лучшему, несмотря на многія разочарованія, испытанныя старымъ вельможей при смѣнѣ событій во Франціи, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ— сначала, въ 1793 г., господство террора, затѣмъ казнь короля и королевы и, наконецъ, гильотина въ Парижѣ и въ провинціи.

И, вспоминая ужасное зрѣлище, видѣнное имъ при высадкѣ на Піацеттѣ въ туманную бурную ночь 1792 года, онъ не разъ спрашивалъ себя, не предвѣщаетъ ли это и его семьѣ несчастье.

Гнѣвъ герцога противъ младшаго сына Жана, который отказался послѣдовать за семьей въ изгнаніе, усиливался, и онъ смотрѣлъ на него, какъ на отступника отъ древнихъ традицій. Жанъ громко и смѣло

объявилъ отцу, что онъ считаетъ своимъ долгомъ защищать Францію отъ нападеній другихъ державъ, и вступилъ добровольцемъ въ ряды республиканской арміи, вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру другихъ аристократовъ и въ арміи Кондэ сражаться за династію Бурбоновъ.

Съ тѣхъ поръ герцогъ никогда не произносилъ его имени и даже не освѣдомлялся, живъ ли онъ.

При видѣ заплаканныхъ глазъ жены и дочери, онъ сознавалъ, что память о сынѣ и братѣ не изгладилась въ сердцахъ ихъ, но дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Не позволяя дѣлать при себѣ ни малѣйшаго намека о сынѣ-отступникѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшалъ женѣ и дочери добывать о немъ свѣдѣнія.

Но герцога безпокоили не только несбывавшіяся надежды на скорую перемѣну положенія вещей на родинѣ, но также и то, что его денежныя средства стали изсякать. Годы шли, терроръ якобинцевъ кончился, и во Франціи, повидимому, прочно установилась новая форма правленія — директорія. Республиканскія войска подавили возстанія на западѣ и въ Вандеѣ, внѣшній врагъ на Рейнѣ и на Альпахъ отступалъ, и французская армія наконецъ перешла границу.

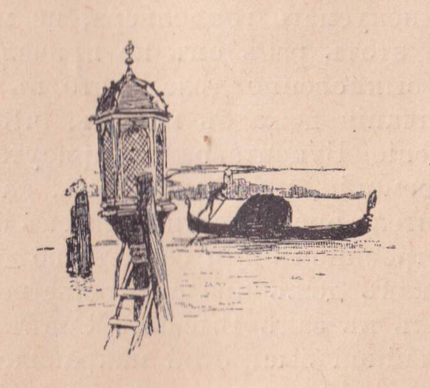
Во время своего пребыванія въ Венеціи герцогъ, привыкшій къ довольству и роскоши, а также маркизъ, страстный игрокъ, сорили деньгами. Старый вельможа не привыкъ къ экономіи и, твердо вѣруя въ скорое возстановленіе королевства во Франціи, хотѣлъ занять въ венеціанскомъ обществѣ подобающее своему сану положеніе. Но вскорѣ привезенныя имъ денежныя средства истощились, и для покрытія расходовъ пришлось сначала заложить, а затѣмъ и продать нѣкоторыя семейныя драгоцѣнности. Изъ Франціи нельзя было ожидать помощи, такъ какъ управляющіе его имѣній воспользовались смутнымъ временемъ и присвоили себѣ его имущество за весьма низкую цѣну.

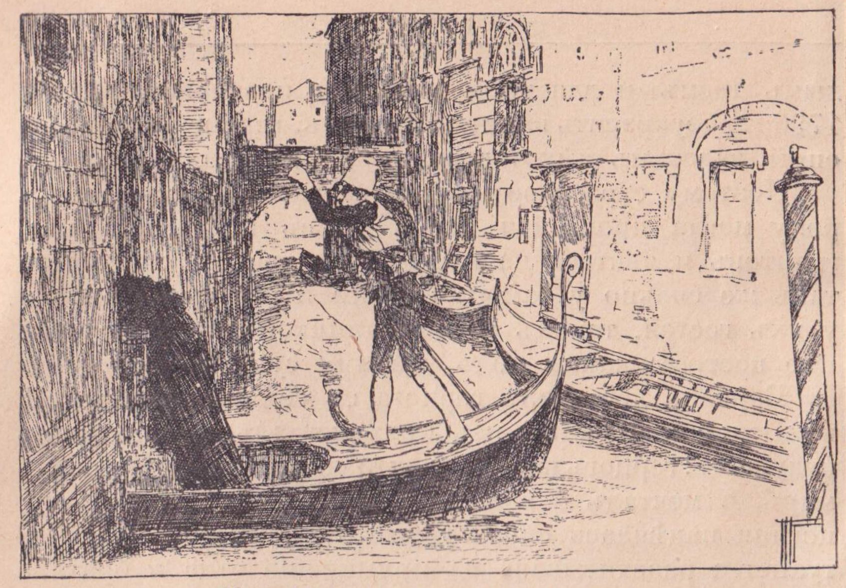
Между тѣмъ денежныя затрудненія росли съ каж-

дымъ днемъ, и для того, чтобы къ празднеству 5 мая 1796 г. разукрасить нанятый баркасъ, герцогу пришлось опять заложить нѣкоторыя драгоцѣнности герцогини.

Поэтому страстное желаніе мира, благодаря которому могла произойти перемѣна въ положеніи эмигрантовъ и явиться надежда на лучшее будущее, было такъ же сильно у самого герцога и его сына, какъ и у ихъ гостей, такихъ же изгнанниковъ, но еще сильнѣе пострадавшихъ подъ ударами судьбы.

Баркасъ доставилъ герцога съ семьей и его гостей въ Венецію. Каждый изъ нихъ мечталъ о счастливомъ будущемъ: герцогъ надѣялся, что директорія заключитъ миръ, и мечталъ о возстановленіи своихъ правъ; герцогиня надѣялась снова увидѣть любимаго сына, Антуанетта разсчитывала на примиреніе отца и брата, а маркизъ—на осуществленіе таинственнаго предпріятія, надъ которымъ онъ вмѣстѣ съ Беппо Лаццаро работалъ уже съ нѣкотораго времени. Въ случаѣ успѣха, предпріятіе это должно было доставить ему въ избыткѣ средства для удовлетворенія его страсти къ игрѣ. Никто изъ нихъ уже не хотѣлъ вспоминать о грозной опасности, о которой Беппо напомнилъ маркизу, указавъ на быстро плывшую гондолу Марино Фано, которая, какъ говорилъ взволнованный Беппо, приносила всѣмъ несчастье и гибель.





Марино ввелъ гондолу подъ своды.

ГЛАВА III.

Наслѣдникъ тайны.

Между тѣмъ Марино продолжалъ плыть съ такой быстротой, что ни одна гондола, даже подъ управленіемъ самаго искуснаго гондольера, не могла бы догнать его. На этотъ разъ онъ не причалилъ къ Піацеттѣ, какъ обыкновенно дѣлалъ это въ день торжественнаго вѣнчанія дожа съ моремъ, чтобы выждать тутъ возвращеніе Буцентавра и присутствовать при окончаніи церемоніи, послѣ чего онъ, какъ гастальдо, т. е. представитель арсеналотти, долженъ былъ принять участіе на устроенномъ ими банкетѣ во дворцѣ дожей, въ то время какъ дожъ предсѣдательствовалъ за трапезой вельможъ въ залѣ Высшаго Совѣта.

Съ необычайной быстротой направился онъ въ каналъ Гранде, по обѣ стороны котораго дома и палаццо

были разукрашены пестрыми тканями и коврами, затѣмъ проскользнулъ подъ высокой дугой моста Ріальто и уже на другомъ концѣ Венеціи, поблизости отъ канала Канареджіо, въѣхалъ въ едва замѣтный, узкій мрачный каналъ.

Тамъ онъ занималъ маленькій домикъ, подъ которымъ былъ сдѣланъ низкій въѣздъ для гондолы, снабженный рѣшетчатой калиткой; калитка была заперта тяжелой желѣзною цѣпью съ висячимъ замкомъ.

Отворивъ калитку, Марино ввелъ гондолу подъ своды и исчезъ подъ ними, предварительно убѣдившись, что никто его не видѣлъ, и что всѣ выходящія на каналъ окна были закрыты. И это было вполнѣ естественно въ такой день, потому что все населеніе города находилось въ это время на мосту Ріальто, на площади св. Марка и на Лидо, чтобы видѣть великое торжество.

Когда Марино нѣсколько минутъ спустя снова выѣхалъ въ узкій каналъ, на носу его гондолы все еще развѣвался флагъ св. Николая, но она по какой-то странной причинѣ утратила свою сказочную быстроту, вызывавшую утромъ столько завистливыхъ замѣчаній его соперниковъ Кастеллани.

Когда онъ снова подъѣзжалъ къ Піаццеттѣ, собравшаяся тамъ толпа восторженно встрѣтила его криками:

— Evivva, evivva le Gastaldo!

Такъ привѣтствовали его товарищи, опасавшіеся, что онъ въ такую важную для нихъ минуту не явится.

Буцентавръ былъ уже прикрѣпленъ къ набережной передъ дворцомъ дожей, откуда его должны были доставить обратно въ арсеналъ.

Тѣмъ временемъ дожъ, патриціи и иностранные послы уже собрались въ залѣ Высшаго Совѣта, гдѣ долженъ былъ состояться банкетъ высшей знати, на который были приглашены и именитые чужестранцы, въ томъ числѣ графъ д'Антрэгъ, герцогъ и маркизъ де-Берѳеръ.

Въ то время, какъ подъѣзжалъ Марино Фано, Беппо Лаццаро прикрѣплялъ свою гондолу къ столбу у Піаццетты. При ликованіи толпы, привѣтствовавшей Марино, у Беппо отъ ярости сжалось горло, и онъ гнѣвно процѣдилъ сквозь зубы:

— Они всѣ съ ума спятили!

Затѣмъ онъ быстро обернулся къ наблюдавшему за толпой сбиру, котораго тотчасъ можно было узнать по черной одеждѣ, и шепнулъ ему:

— Видѣлъ, Цезарь? Это ужъ не та гондола...—и онъ указалъ на гондолу Марино съ флагомъ Николотти, медленно пробиравшуюся среди другихъ судовъ.

Полицейскій наклонился впередъ и, внимательно всмотрѣвшись по указанному направленію, пожалъ плечами.

— Развѣ можно безъ ошибки узнать ее? — спросилъ онъ.

— Да, да, можно! Я готовъ поклясться въ этомъ! Взгляни-ка внимательнѣе на стальныя зубья на носу, — блестятъ они далеко не такъ, какъ на той гондолѣ!.. И къ тому же эта не такъ изящна и стройна, какъ та!.. Видишь, какъ тяжеловѣсно эта плыветъ!.. Я узналъ бы *ту* гондолу среди тысячи другихъ!..

— Ну, ладно,—возразилъ насмѣшливо Цезарь, — во всякомъ случаѣ, только ты и можешь замѣтить эту разницу! А я думаю, Беппо, что страхъ застилаетъ тебѣ глаза! Даже самъ верховный судья, несмотря на свой умъ и проницательность, ошибся бы, а отъ него и тѣхъ тамъ наверху не легко скрыть что-либо!—прибавилъ онъ, кивнувъ головой по направленію дворца дожей.

Но Беппо не унимался.

— Я питаю должное почтеніе къ нашему высокому властелину, дожу Манини, а также и къ верховному судьѣ, но, мнѣ кажется, бѣдный гондольеръ понимаетъ больше въ гондолахъ, нежели ихъ премудрыя сіятельства. Вѣдь я съ малыхъ лѣтъ, а мнѣ теперь

52 года, плаваю на гондолахъ и научился различать ихъ до мельчайшихъ подробностей. Повѣрь мнѣ, Цезарь, старый гондольеръ съ перваго взгляда замѣтитъ качества любой гондолы, потому что у каждой гондолы своя внѣшность, свои особыя качества и, скажу, своя душа. И эта гондола во всякомъ случаѣ не та, на которой съ такою наглостью ѣхалъ сегодня утромъ этотъ чортъ Фано!.. Я готовъ прозакладывать на этомъ мою душу!

Сбиръ недовѣрчиво пожалъ своими широкими плечами. Шея у него была короткая, мускулистая; лицо походило на морду бульдога, изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей смотрѣли пронизывающіе глаза, а большой ротъ съ сильными зубами напоминалъ кровожаднаго звѣря.

— Я согласенъ, Беппо, что этотъ Марино Фано опасенъ для Высокочтимой Республики, и что за нимъ надо слѣдить! Прежде съ такимъ человѣкомъ не поцеремонились бы, и онъ давно уже гнилъ бы въ одномъ изъ подземелій или сушился бы подъ свинцовыми крышами [1]). Но, Беппо, времена перемѣнились! Нынѣшняя Венеція уже не та, какой она была сто лѣтъ тому назадъ! Господа сенаторы дрожатъ при малѣйшемъ скопленіи народа на улицахъ и каналахъ! Схватить этого безпокойнаго человѣка, этого Марино Фано нельзя безъ того, чтобы не навлечь на себя мести всѣхъ Николотти и вмѣстѣ съ ними всей черни. Они пойдутъ на все, если только коснутся ихъ привилегій. Ихъ дожъ, ихъ гастальдо, значитъ для нихъ больше, чѣмъ самъ дожъ Луиджи Манини! Поэтому страшные „Повелители ночи“, когда-то столь могущественные, отказались... на время...

Послѣднія слова, произнесенныя имъ послѣ небольшой паузы, очень обрадовали Беппо, который при этомъ злорадно улыбнулся.

[1]) Тюрьмы венеціанской инквизиціи.

— Значитъ, можно надѣяться, что въ одно прекрасное утро...

И, не докончивъ своей мысли, онъ злобно разсмѣялся, заранѣе предвкушая ту радость, которая ожидаетъ его, когда онъ отомститъ своему сопернику, котораго больше боялся, чѣмъ ненавидѣлъ.

— Если только подтвердятся хорошія вѣсти, тогда мы снова будемъ господами въ Венеціи, и аристократіи нечего будетъ бояться народа, глупыя понятія котораго о независимости и свободѣ занесены къ намъ французами и ихъ арміей, находящейся недалеко отсюда.

Хорошія вѣсти, на которыя намекалъ сбиръ, были не что иное, какъ слухъ о скоромъ заключеніи мира, о чемъ говорили во всей Венеціи послѣ заключенія перемирія въ Хераско.

Когда Беппо услышалъ, что осуществленіе его мести зависитъ отъ заключенія мира, на лицѣ его отразилось разочарованіе, и онъ съ досадою возразилъ:

— Другъ мой, Цезарь Беккаруцци, мнѣ кажется, что еще не скоро наступитъ миръ, а для нашего дѣла онъ необходимъ!

Сбиръ тихо разсмѣялся.

— Нѣтъ, Беппо, будь спокоенъ! Что бы ни случилось, наше дѣло подвигается впередъ. Я твердо рѣшилъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, если ничего не достигну добромъ или угрозами!... Господинъ маркизъ де-Бершеръ останется мною доволенъ!.. Но будь остороженъ, Беппо! Ни единаго неосторожнаго слова,— никто не долженъ подозрѣвать, что мы заинтересованы въ сокровищахъ, которыя хранятся за тѣми стѣнами.

И сбиръ едва замѣтно подмигнулъ по направленію къ Цеккѣ [1]), находившейся на Піаццеттѣ противъ дворца дожей.

Беппо съ сіяющимъ лицомъ посмотрѣлъ въ ту сторону и нѣжно прошепталъ:

---

[1]) Монетный дворъ.

— Цекка!

Затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и прибавилъ:

— Лишь бы только этотъ проклятый Марино съ своей гондолой не разрушилъ наши планы. Я боюсь его и въ особенности его гондолы!

Беккаруцци презрительно пожалъ плечами.

— Ба! — сказалъ онъ. — Вы всѣ дрожите передъ этимъ призракомъ, который существуетъ лишь въ вашемъ воображеніи! Вѣдь это пустое пугало, которымъ можно пугать только малыхъ ребятъ!

Но Беппо продолжалъ волноваться.

— Ты ошибаешься!—воскликнулъ онъ.—И ты отлично знаешь, что *ее* боятся даже тамъ наверху, что дотронуться до нея безнаказанно нельзя, и что никто не посмѣетъ завладѣть *ею*, изъ опасенія, что его постигнетъ неминуемая гибель!

Цезарь презрительно засмѣялся.

— Да, да,—вся ея сила въ вашемъ суевѣріи и трусости. Поэтому и обладатель ея неуязвимъ!..

— Умоляю тебя всѣми святыми, не шути надъ этимъ и не насмѣхайся надъ *нею!..*

— Ну, до свиданія, трусъ! Я не боюсь ничего и надѣюсь на самого себя,—крикнулъ сбиръ гондольеру, удаляясь быстрыми шагами по направленію къ дворцу дожей.

Беппо глубоко задумался, посматривая то на Цекку, то на своего соперника Марино Фано.

Тѣмъ временемъ Марино привязалъ свою гондолу къ столбу, а затѣмъ, выйдя на берегъ, при громкомъ ликованіи арсеналотти направился во главѣ ихъ на банкетъ.

Убѣдившись, что никто за нимъ не слѣдитъ, Беппо съ напускнымъ равнодушіемъ медленно направился къ тому мѣсту, гдѣ находилась гондола Марино Фано.

Осмотрѣвшись, онъ осторожно спустился по лѣстницѣ и подтащилъ за канатъ гондолу Марино къ берегу. Сначала онъ сталъ со страхомъ осматривать и

ощупывать ее, какъ это дѣлаютъ при покупкѣ лошадей, затѣмъ провелъ рукой по бортамъ и тамберсамъ гондолы и внимательно осмотрѣлъ блестящія части желѣзной обивки и палатку. Окончивъ осмотръ, онъ нѣсколько успокоился.

— Я такъ и зналъ, что это не *она*!—пробормоталъ Беппо задумчиво, возвращаясь къ своей гондолѣ.

Тѣмъ временемъ во дворцѣ дожей шелъ пиръ горой. Согласно древнему обычаю дожъ послалъ каждому арсеналотти по четыре бутылки греческаго мускатнаго вина съ своимъ гербомъ, коробку со сластями и другую съ мелкою серебряною монетою и разными лѣкарствами, которыя могли имъ пригодиться. Кромѣ того, каждый участвовавшій въ пиршествѣ могъ взять съ собою свой бокалъ и свой приборъ.

Вокругъ дворца дожей толпился народъ въ маскахъ и національныхъ костюмахъ, ожидая окончанія празднества Вознесенія Господня, которое длилось въ Венеціи двѣ недѣли и походило на карнавалъ

Съ наступленіемъ темноты, по всему городу зажгли иллюминацію, и блестящее ночное торжество смѣнило дневное. При свѣтѣ нѣсколькихъ тысячъ факеловъ и разноцвѣтныхъ фонарей воды лагунъ и канала Гранде приняли сказочный видъ, отражая въ себѣ цѣлые потоки огня.

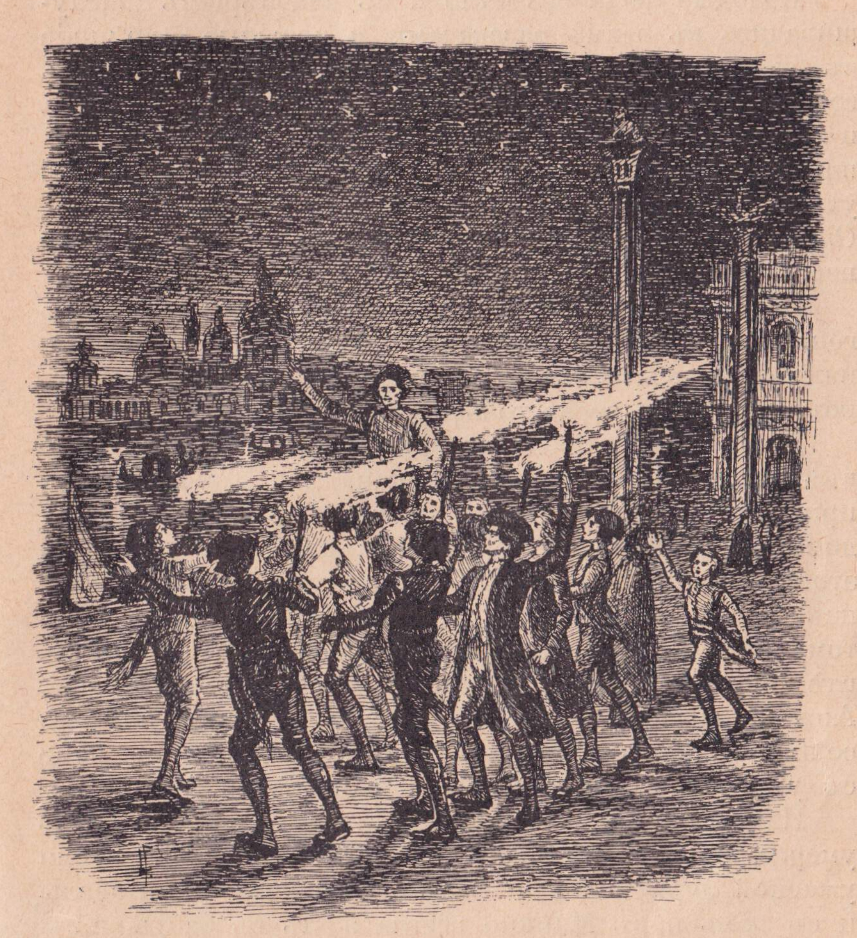
Когда банкетъ арсеналотти сталъ подходить къ концу, Марино Фано произнесъ тостъ, какъ то требовалъ обычай, за дожа Луиджи Манини, а затѣмъ онъ вторично поднялся и, указывая на возвышавшуюся на Піацеттѣ колонну, крикнулъ съ воодушевленіемъ:

— Да здравствуетъ левъ св. Марка, левъ венеціанскаго народа!

Большая часть присутствовавшихъ повторила его слова, не придавая имъ особаго значенія, но нѣкоторымъ показалось, что за ними скрывается пророческій намекъ на какое-то тайное желанное событіе.

Но сильнѣе всѣхъ рукоплескали своему гастальдо

Николотти и по окончаніи банкета понесли его при свѣтѣ факеловъ къ его гондолѣ, на которой все еще развѣвался флагъ съ изображеніемъ св. Николая.



Николотти понесли Марино при свѣтѣ факеловъ къ его гондолѣ.

Простившись съ своими друзьями, Марино Фано медленно поплылъ по каналу Гранде, воды котораго отражали въ себѣ тысячи разноцвѣтныхъ огней, между тѣмъ какъ среди Николотти, собравшихся на Піаццеттѣ

и на каналѣ Гранде, долго еще слышались разговоры и намеки на участіе таинственной гондолы въ утреннихъ торжествахъ.

Молодые люди безпечно и съ недовѣріемъ прислушивались къ этимъ разсказамъ, а пожилые, окрѣпшіе въ буряхъ моряки перешептывались таинственно, и въ голосѣ ихъ слышалось безпокойство и страхъ, а иногда и многозначительныя слова: „Венеція въ опасности!" или: „Безъ сомнѣнія, то была *она*, и надъ ней сегодня утромъ развѣвался флагъ св. Николая! Это не къ добру!.. *Она* является только во время опасности, и за ней всегда слѣдуютъ горе и смерть!"

Впрочемъ все это говорилось только среди бѣдныхъ гондольеровъ и рыбаковъ. Ни одинъ патрицій не понялъ бы этихъ намековъ и полусловъ, тайный смыслъ которыхъ былъ ясенъ только посвященнымъ.

Пока Венеція продолжала веселиться, Марино Фано въѣхалъ въ узкій маленькій каналъ у Канареджіо и, прикрѣпивъ свою гондолу, вошелъ въ свой одинокій домикъ. Вспоминая въ своей комнаткѣ подробности этого празднества, въ умѣ его вдругъ всплыли событія изъ далекаго прошлаго. Около одиннадцати лѣтъ тому назадъ, 1 декабря 1785 г., въ этой же комнаткѣ, гдѣ онъ сегодня замечтался, умирала его бабушка, Анжіолина Фано. Блѣдные лучи тусклаго зимняго солнца слабо освѣщали комнату, гдѣ Марино Фано съ ужасомъ слѣдилъ за агоніей старушки.

Изъ всей семьи у него осталась она одна. Мать умерла при его рожденіи, а отецъ погибъ во время ужасной бури на пути отъ Лидо къ мысу Квинтаваль, и съ тѣхъ поръ Марино всегда жилъ съ бабушкой.

Марино очень любилъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ передъ ней какой-то страхъ, который испытывали и всѣ другіе, знавшіе ее: ей приписывали знаніе разныхъ тайнъ, невѣдомыхъ простымъ смертнымъ. Страхъ охватывалъ всѣхъ, когда она иногда начинала произносить непонятныя слова и предсказанія.

„Я должна передать тебѣ тайну,“ сказала Анжіолина.

Въ то время Марино только что пошелъ двадцатый годъ. Склонный вѣрить во все сверхъестественное, онъ съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ его восьмидесятилѣтняя бабушка боролась со смертью.

При этомъ она много бредила: то она въ бреду переживала прекрасные веселые дни своей далекой юности, то ею овладѣвали страшныя видѣнія, и изъ устъ ея вырывались отрывистыя слова, которыя Марино ловилъ съ жадностью.

Слова эти намекали на весьма важное событіе, которое должно было случиться въ будущемъ, и въ которомъ Марино Фано, какъ послѣдній отпрыскъ злосчастнаго рода, долженъ былъ сыграть важную роль.

Тихимъ голосомъ произнесла она пророчество Аламани, относившееся къ будущности Венеціи и сдѣланное болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Марино часто слышалъ его, но раньше не вникалъ въ его смыслъ:

„Если ты не измѣнишься, то свобода твоя, уже пошатнувшаяся, продлится не болѣе тысячи ста лѣтъ!"

И въ эту печальную ночь, когда мозгъ его работалъ быстрѣе обыкновеннаго, онъ понялъ смыслъ этого пророчества, вспомнивъ, что въ 697 году было положено начало свободѣ Венеціи избраніемъ перваго дожа. Такимъ образомъ въ 1797 году долженъ былъ наступить самой судьбой предназначенный конецъ Венеціи.

Марино сильно смутился, и ему показалось, что передъ нимъ въ исходѣ этого 1785 года, повидимому, уже носятся грозные предвѣстники неизбѣжной судьбы.

Въ это время умирающая прошептала слѣдующія вѣщія слова:

„Когда святой Маркъ покинетъ свой гротъ,
И въ колесницу впряжетъ четырехъ славныхъ коней,
Тогда Буцентавръ разобьется на щепы,
И владычеству Льва настанетъ конецъ".

Въ этихъ словахъ Марино узналъ древнюю легенду, которая переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе и была извѣстна всему населенію Венеціи.

Въ этой легендѣ говорится, что смертные останки св. Марка, покровителя этого города лагунъ, покоятся въ таинственной подземной часовнѣ, мѣстонахожденіе которой извѣстно лишь дожу, четыремъ высшимъ сановникамъ и патріарху.

Проникнуть въ нее можно лишь однимъ путемъ, но этотъ путь въ святилище преграждаютъ крѣпкія бронзовыя ворота, тяжелые подъемные мосты и глубокія пропасти, среди которыхъ вертятся колеса съ острыми ножами.

Далѣе легенда разсказываетъ, что могущество Венеціи падетъ въ тотъ день, когда мощи святого будутъ увезены на колесницѣ, въ которую впряжены четыре бронзовыхъ коня, стоящія надъ входными вратами собора св. Марка, и что въ то же время будетъ уничтоженъ Буцентавръ.

Марино уже не разъ слышалъ это древнее преданіе, но онъ не вѣрилъ ему, считая его сказкой.

Но, когда онъ услышалъ это преданіе изъ устъ умирающей бабушки, по спинѣ его пробѣжалъ ознобъ, и онъ невольно спросилъ себя, не скрывается ли за этими словами какой-нибудь таинственный смыслъ.

Съ наступленіемъ утра Анжіолина нѣсколько успокоилась, и къ ней вернулось сознаніе.

— Марино, мальчикъ мой, ты тутъ?.. Слышишь ли ты меня?.. Понимаешь ли меня?.. Тутъ нѣтъ постороннихъ?..

— Никого нѣтъ, бабушка.

Старушка вздохнула съ облегченіемъ и, какъ-бы собравшись съ силами, заговорила, тяжело переводя дыханіе:

— Я должна передать тебѣ тайну, которую не смѣю унести съ собою въ могилу!.. Вскорѣ все сбудется!.. Ты послѣдній отпрыскъ нашего древняго рода... единственный наслѣдникъ той ужасной тайны, которая тяготѣетъ надъ нами нѣсколько столѣтій...

— Тайны? — спросилъ взволнованнымъ голосомъ Марино.

— Да, ужасной тайны!—простонала старуха.—За нею какъ тѣнь всегда слѣдовала смерть въ теченіе многихъ поколѣній!.. Да будетъ тебѣ, мой дорогой Марино, извѣстно, что ты происходишь изъ знаменитаго рода Фано, такъ звали того гондольера, который привезъ въ Венецію Марино Фальеро [1]), который затѣмъ былъ избранъ дожемъ.

— Марино Фальеро!—пробормоталъ юноша, блѣднѣя отъ ужаса.—Вѣдь это тотъ самый дожъ, портретъ котораго виситъ въ залѣ Высшаго Совѣта и покрытъ черной кисеей, а подъ нимъ подпись: „Это мѣсто назначено для Марино Фальеро, который обезглавленъ за свои преступленія“.

— Преступленія?!—воскликнула старуха. — Нѣтъ, это аристократія считала его преступникомъ, но народъ восхвалялъ его, какъ человѣка добродѣтельнаго и справедливаго!.. Голова этого честнаго восьмидесятилѣтняго старца пала отъ руки палача... тамъ наверху... на ступеняхъ дворца дожей. И за что?.. за то, что онъ хотѣлъ освободить народъ отъ несноснаго тяжелаго ига знати... Да, нашъ великій предокъ, гондольеръ Маркъ Фано, привезъ на своей гондолѣ въ сильную бурю дожа Марино Фальеро къ Піацеттѣ и высадилъ его у пристани противъ тѣхъ двухъ колоннъ, между которыми казнятъ государственныхъ преступниковъ. Марино Фальеро умѣлъ цѣнить услуги преданныхъ ему людей и хорошо платилъ за нихъ. Онъ высоко цѣнилъ ловкость гондольера, который спасъ его среди разбушевавшихся волнъ, и съ тѣхъ поръ пользовался только его услугами. При этомъ онъ разрѣшилъ нашему предку, въ знакъ благодарности, поставить на гондолѣ его гербъ... Съ тѣхъ поръ злопо-

---

[1]) Фальеро, избранный въ дожи въ 1354 году, вступилъ въ союзъ съ вожаками народа для низложенія знати и установленія наслѣдственной власти рода Фальеро.

лучную гондолу берегли, какъ святыню; она переходила отъ отца къ сыну и всегда оставалась достояніемъ рода Фано, хотя надъ ней тяготѣетъ страшный рокъ... Пожелтѣвшіе пергаменты сохранены нами и свидѣтельствуютъ объ этомъ. Послѣ моей смерти ты ихъ прочтешь.

— А гондола?.. Гдѣ же она? — спросилъ Марино, дрожа отъ волненія.

— Она скрыта въ сараѣ въ большомъ ящикѣ. Со времени гибели твоего отца никто ее не видѣлъ. Ее помнятъ, можетъ быть, только самые старые гондольеры. Когда ее выводили изъ сарая, то вслѣдъ за ея появленіемъ на лагунахъ всегда случалось несчастье. Твой несчастный отецъ только одинъ разъ рискнулъ спустить ее на воду, чтобы взять призъ во время гонокъ, и, дѣйствительно, прибылъ первымъ къ цѣли, послѣ чего его избрали въ гастальдо. А недѣлю спустя, когда онъ уже сталъ надѣяться, что судьба будетъ милостива къ нему, его застигла сильная буря при возвращеніи съ Лидо... Трупа его не нашли!.. О, дорогой Марино, ради самого Бога, берегись искушенія! Эта гондола приносила всѣмъ несчастье... принесетъ и тебѣ! Это призракъ кроваваго прошлаго!.. Ее еще увидятъ и это будетъ конецъ... конецъ всего!.. Гибель!.. Смерть!..

Старушка захрипѣла и испустила свой послѣдній вздохъ.

Нѣсколько дней спустя Марино случайно нашелъ пергаменты, которые подтверждали разсказъ бабушки о роковой гондолѣ. Несмотря на предостереженія старушки, онъ не могъ противостоять желанію посмотрѣть на таинственную гондолу и направился въ сарай.

Когда Марино открылъ ящикъ, то пришелъ въ восторгъ: никогда не видѣлъ онъ гондолы, построенной съ такимъ совершенствомъ. Онъ сталъ гордиться тѣмъ, что владѣетъ ею, и у него явилось страстное желаніе испытать ея ходъ и убѣдиться въ таинственной силѣ, связанной съ нею.

Гондола была построена изъ какого-то особеннаго, неизвѣстнаго ему, дерева, твердаго какъ желѣзо и темнаго какъ черное дерево. Палатка была изъ дорогого чернаго сукна, съ шелковой подкладкой того же

Марино съ восторгомъ смотрѣлъ на гондолу.

цвѣта. На скамьяхъ внутри палатки такъ же, какъ и на боковыхъ сидѣньяхъ, лежали крытыя сафьяномъ подушки. Фонарь былъ сдѣланъ изъ искусно кованаго желѣза, борта гондолы были какъ-бы полированы, а окованный желѣзомъ носъ, изящно изогнутый на по-

добіе лебединой шеи, оканчивался шестью точеным стальными зубьями. Хотя эта гондола въ общемъ походила на другія, но при внимательномъ осмотр опытный гондольеръ всегда отличилъ бы ее.

Какъ и на всѣхъ принадлежащихъ знатнымъ в нецiанцамъ гондолахъ, и на этой былъ прикрѣплен съ внутренней стороны лѣвыхъ дверей палатки ма ленькій серебряный гербъ, а подъ нимъ висѣлъ в рамкѣ подъ стекломъ миніатюрный золотой образок св. Марка въ знакъ того, что гондола находится под покровительствомъ великаго святого.

Гербъ принадлежалъ роду Фальеро, и надъ ним помѣщалось изображеніе шапочки дожа; это подтвер дилъ найденный Марино документъ, писанный н пергаментѣ. Послѣ этого нельзя было уже сомнѣваться что это была роковая гондола.

Хотя Марино Фано ни съ кѣмъ не подѣлился свое тайной послѣ смерти бабушки, но вскорѣ разнесся слухъ, что онъ получилъ роковое наслѣдство. Въ чемъ оно состояло, никто не зналъ, но его въ насмѣшку стали называть „наслѣдникомъ тайны“. Старые гондольеры стали утверждать, что скоро снова появится таинственная гондола, о которой ходило столько легендъ среди народа, и бывшая причиной рокового конца Марино Фальеро, существованіе которой однако отрицало все молодое поколѣніе Венеціи.

Когда же вскорѣ послѣ того во время гонки Марино Фано остался побѣдителемъ и былъ избранъ въ гастальдо партіей Николотти, многіе, въ томъ числѣ и Беппо Лаццаро, стали утверждать, что побѣдилъ онъ только благодаря *ей*.

Наконецъ, въ день торжества вѣнчанія дожа съ моремъ снова пронесся слухъ, что *она*, эта проклятая гондола, снова появилась на лагунахъ, и что Венеціи угрожаетъ большое несчастье, такъ какъ обладатель ея, повидимому, бросаетъ вызовъ судьбѣ и до сихъ поръ остается невредимымъ.

Одинъ Марино Фано могъ бы объяснить, сколько правды заключалось во всемъ этомъ. Но никто не рѣшался обращаться къ нему съ такимъ вопросомъ,—всѣ были убѣждены, что достаточно было только заговорить о *ней*, чтобы навлечь на себя гибель и несчастье.

* * *

Въ этотъ вечеръ Марино весело улыбался, вспоминая, съ какою радостью всюду встрѣчалъ его народъ, созрѣвшій, какъ ему казалось, для свободы. Но, вспомнивъ предвѣщанный пророчествомъ Аламани 1797 годъ, онъ со вздохомъ произнесъ:

— Придется ждать еще девять мѣсяцевъ, раньше чѣмъ я увижу свободную Венецію!..

Въ дверяхъ показалась высокая фигура сбира.

ГЛАВА IV.

Alla Stella d'Oro.

Три мѣсяца спустя, въ теплую прекрасную іюльскую ночь въ скромномъ ресторанѣ, на вывѣскѣ котораго была изображена золотая звѣзда, съ надписью „Alla Stella d'Oro", въ сторонѣ отъ посѣтителей сидѣлъ замаскированный человѣкъ.

Таинственный гость отпивалъ понемногу изъ своего стакана лимонадъ и съ нетерпѣніемъ посматривалъ на входную дверь.

Онъ былъ съ головы до ногъ укутанъ въ черное шелковое домино, на головѣ у него была треуголка,

а лицо было скрыто бѣлой шелковой маской, изъ прорѣзовъ которой глядѣли безпокойные холодные глаза.

Этотъ скромный ресторанъ посѣщалъ по преимуществу простой народъ, который не долго засиживался тутъ, и потому посѣтители въ немъ постоянно мѣнялись: приходили моряки, рабочіе, гондольеры, уличные пѣвцы, и никто не обращалъ вниманія на сидѣвшую одиноко молчаливую маску.

Наконецъ на порогѣ показался гондольеръ съ краснымъ поясомъ и въ такой же шапочкѣ. Быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ сидѣвшихъ за столиками гостей. Маска съ нетерпѣніемъ окликнула его:

— Наконецъ-то ты пришелъ, Беппо!

— Синьоръ маркизъ,—началъ подобострастно гондольеръ, но маркизъ съ досадой прервалъ его:

— Зачѣмъ ты кричишь во все горло? Самъ знаешь, что даже стѣны имѣютъ уши, а у Верховнаго судьи всюду свои шпіоны и главнымъ образомъ въ этихъ ресторанчикахъ, гдѣ собираются недовольные патриціи, чтобы потолковать о своихъ нуждахъ и обидахъ.

— Ба!—возразилъ гондольеръ, понизивъ голосъ.— Капитанъ Кристофоло Кристофоли меня хорошо знаетъ и не повѣритъ никакимъ наговорамъ. При исполненіи тайныхъ порученій онъ такъ часто пользовался моими услугами, что знаетъ меня отлично. Къ тому же теперь онъ занятъ болѣе важнымъ дѣломъ. Да и пріятель нашъ, Цезарь Беккаруцци, служитъ намъ достаточной охраной въ этомъ отношеніи!

— Во-первыхъ, этого пріятеля Цезаря еще тутъ нѣтъ,— рѣзко возразилъ маркизъ,—а во-вторыхъ, я не желаю, чтобы кто-нибудь зналъ, что я былъ въ этомъ ресторанѣ.

— Такъ, такъ,—пробормоталъ неслышно Беппо.— Должно быть, тебя опять порядкомъ пощипали за зеленымъ столомъ, и оттого ты такой злой сегодня!

Затѣмъ онъ громко обратился къ маркизу:

— Какъ прикажете, синьоръ, я всегда къ вашимъ услугамъ!

*

И гондольеръ съ напускнымъ равнодушіемъ сѣлъ за столикъ маркиза, но коварный, хитрый взглядъ его выражалъ столько безпокойства, что, несмотря на свою досаду, маркизъ снова заговорилъ:

— Я съ большимъ нетерпѣніемъ жду извѣстій, которыя твой товарищъ обѣщалъ мнѣ добыть!.. Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, и надежды наши далеко не такъ блестящи, какъ были въ день передъ Вознесеніемъ Господнемъ!.. А наши денежныя дѣла никогда еще не были въ такомъ плохомъ состояніи!..

— Да, да,—отвѣтилъ Беппо,—о мирѣ, кажется, перестали поговаривать. На полѣ сраженія дѣла обстоятъ хуже, чѣмъ когда либо, и въ этомъ виноватъ этотъ окаянный французскій генералъ! Намъ даже тутъ въ Венеціи грозитъ опасность! Есть у меня еще вѣсточка для вашей милости, но только не веселая! Но и въ этомъ случаѣ намъ также нуженъ нашъ другъ Беккаруцци. Безъ него мы совсѣмъ безпомощны...

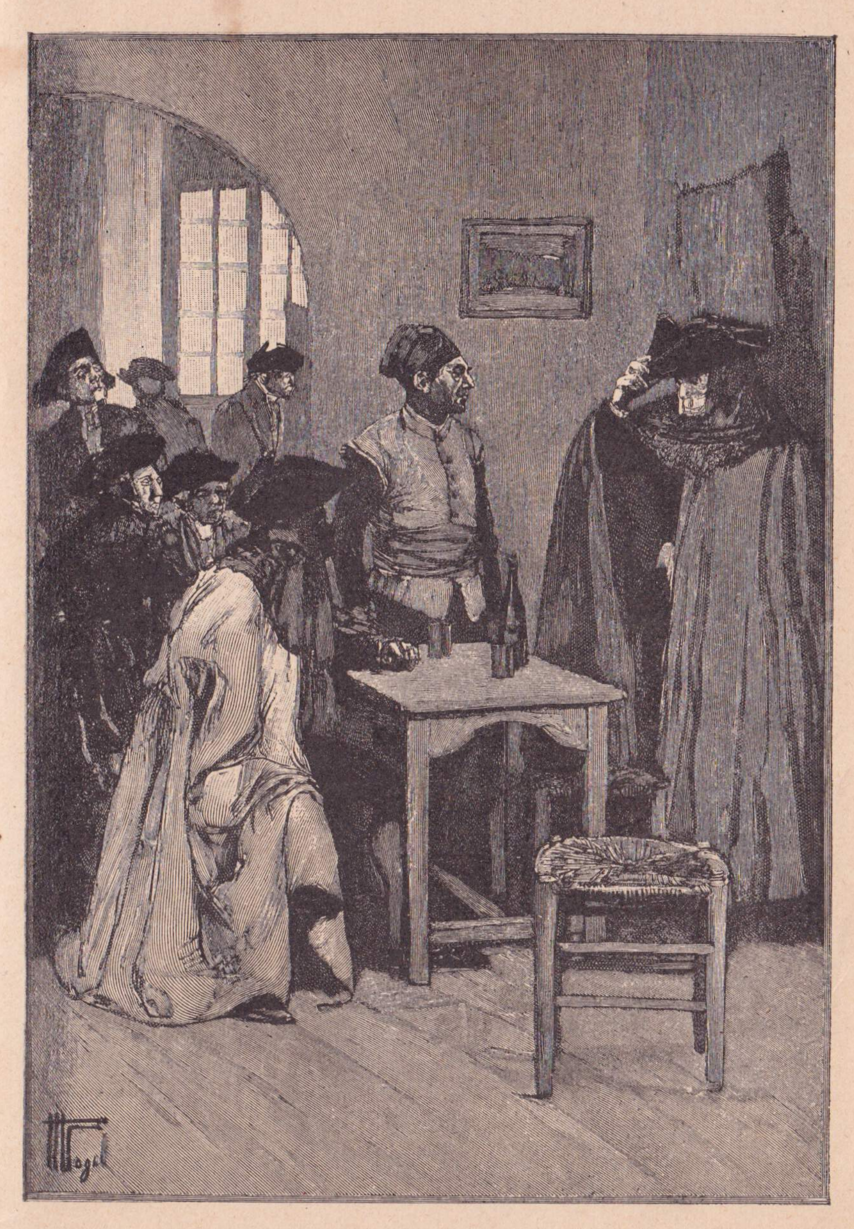
Не успѣлъ гондольеръ договорить, какъ вдругъ радостно вскрикнулъ:

— А! да вотъ и онъ!

Въ открытой двери показалась высокая фигура, также закутанная въ домино. На головѣ у входившаго была одѣта такая же треуголка, какъ у маркиза. Чтобы войти, онъ приподнялъ одной рукой висѣвшую въ дверяхъ рѣдкую сѣтку, которая въ Венеціи употребляется вмѣсто портьеръ во всѣхъ лавкахъ, ресторанахъ и магазинахъ... Изъ-за маски видны были только коварные пронизывающіе глаза. Но по широкимъ плечамъ и короткой шеѣ опытный глазъ гондольера тотчасъ узналъ давно поджидаемаго пріятеля.

Внимательно оглянувъ комнату и посѣтителей, Беккаруцци подошелъ къ столу маркиза и усѣвшись прошепталъ:

— Здѣсь не слѣдуетъ называть другъ друга по имени и говорить надо тихо. Это единственное мѣсто во всей Венеціи, гдѣ мы безопасно можемъ погово-



Беккаруцци подошелъ къ столу маркиза.

рить. Мнѣ знакомы всѣ постоянные посѣтители этого ресторана, и я убѣдился, что тутъ нѣтъ ни одного изъ шпіоновъ Верховнаго судьи... Да и кто бы посмѣлъ связаться со мною!—добавилъ онъ, потрясая своимъ огромнымъ кулакомъ. И, снова окинувъ быстрымъ взглядомъ всѣхъ посѣтителей, онъ продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ, произошло нѣчто, что дало нашему дѣлу новый поворотъ!

— Къ лучшему или къ худшему? —перебилъ его съ нетерпѣніемъ гондольеръ.

— Къ лучшему,—отвѣтилъ односложно сбиръ.

При этихъ словахъ Беппо недовѣрчиво взглянулъ на сбира и хотѣлъ снова задать ему вопросъ, но сбиръ перебилъ его:

— Да, къ лучшему. Я нахожу, синьоръ маркизъ, что вы напрасно тревожитесь изъ-за событій въ Ломбардіи и побѣдъ французовъ!

— Однако,—съ живостью прервалъ его маркизъ,— владѣніямъ Венеціи на сушѣ грозитъ опасность. Вѣдь Бресчіа, Пескіера входятъ въ составъ Высокой Республики! Я узналъ отъ своихъ друзей пословъ, что сенатъ въ тревогѣ, и что высшія власти очень озабочены непрерывнымъ наступленіемъ французовъ! Мнѣ говорили, что они находятся теперь передъ вратами Вероны. Тамъ всѣ всполошились! Безсовѣстные манифесты Бонапарта всюду вызываютъ неповиновеніе начальству и существующему правленію. И онъ осмѣливается еще говорить о свободѣ и братствѣ всѣхъ народовъ! Даже Венеціи грозитъ опасность, и аристократія не безъ основанія встревожена настоящимъ положеніемъ, которое...

— Тѣмъ лучше! — грубо прервалъ Беккаруцци маркиза.—Для нашего дѣла страхъ выгоднѣе самоувѣренности, которой сенаторы снова стали-было предаваться. Это помѣшало бы нашему дѣлу. По-моему, намъ легче удить въ мутной водѣ, и только благодаря

страху мы сможемъ достигнуть своей цѣли. Сенаторы, увѣренные въ своемъ могуществѣ, едва ли обратятъ вниманіе на ваше требованіе выдать вамъ наслѣдство того француза, которое хранится въ подвалахъ Цекки. Но, когда эти господа увидятъ близкую опасность вторженія французовъ, когда у нихъ явится опасеніе, что тѣ смогутъ завладѣть этими суммами, сенаторы охотнѣе выслушаютъ меня, и тогда я смогу энергичнѣе выступить передъ ними съ вашимъ предложеніемъ.

— Неужели вы думаете,—сказалъ маркизъ, покачавъ головой,—что для насъ французскихъ эмигрантовъ было бы выгодно, если бы Венеція отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ и, уступивъ директоріи, потребовала бы, чтобы глава Бурбоновъ, наслѣдникъ французскаго престола, покинулъ Верону и искалъ себѣ другое убѣжище?

Но сбиръ не обратилъ вниманія на возраженіе маркиза и продолжалъ:

— Сами же вы мнѣ говорили, что вы въ правѣ выступить повѣреннымъ въ дѣлахъ каждаго умершаго въ Венеціи француза! Что указалъ вамъ на это графъ д'Антрэгъ, уступившій вамъ по дружбѣ свои полномочія, какъ представитель главы Бурбоновъ при Высокой Республикѣ!..

— Это совершенно вѣрно, и я разсчитываю, что онъ вручитъ мнѣ эти полномочія еще сегодня на маскарадѣ, куда я отправлюсь вечеромъ.

— Я также буду тамъ,—сказалъ Беккаруцци.—Но обратите вниманіе, синьоръ маркизъ, на слѣдующее: хотя Венеція и должна уступить требованію директоріи объ удаленіи вашего повелителя изъ своихъ владѣній, но, съ другой стороны, для Сената, который дорожитъ сохраненіемъ вліятельнаго нейтралитета, очень желательно дать вашему законному преемнику престола удовлетвореніе за нанесенную обиду. Поэтому я полагаю, что Сенатъ съ большою готовностью согласится на все, что можетъ засвидѣтельствовать его доброе располо-

женіе къ главѣ Бурбоновъ, и тайкомъ постарается содѣйствовать его выгодѣ. Я еще сегодня ночью постараюсь вывѣдать все у графа д'Антрэгъ, не выдавая нашихъ плановъ... Успокойтесь, я буду дѣйствовать дипломатично! Такимъ образомъ Венеція удостоится милости того, который, быть можетъ, будетъ королемъ Франціи, а, можетъ быть, и благодарности за то, что выдала вамъ, синьоръ маркизъ, это наслѣдство, которое вы намѣреваетесь поднести вашему господину!.. Такъ, по крайней мѣрѣ, вы говорили мнѣ!

Маркизъ гордо поднялъ голову, задѣтый за-живое злымъ намекомъ:

— Да, я такъ говорилъ вамъ и готовъ подтвердить это, синьоръ Беккаруцци. Большую часть этихъ денегъ я хочу повергнуть къ стопамъ моего повелителя, его величества короля Франціи, и этимъ способствовать, по мѣрѣ моихъ силъ, скорому восшествію его на престолъ его предковъ, и потому прошу правительство Венеціи выдать мнѣ эти несмѣтныя богатства. Благодаря накопленію процентовъ, въ теченіе болѣе чѣмъ одного столѣтія, они возросли до громадной суммы. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ этотъ послѣдній Севранъ, имѣвшій право на наслѣдство, все это состояніе, на основаніи законныхъ постановленій, отходитъ къ Франціи но не къ революціонерамъ, захватившимъ въ данную минуту незаконнымъ образомъ власть, а къ главѣ Бурбоновъ, брату несчастнаго Людовика XVI.

Гордый французскій вельможа торжественно произнесъ свою длинную рѣчь съ очевиднымъ намѣреніемъ произвести на своихъ собесѣдниковъ должное впечатлѣніе.

Но замѣтивъ, что они молчатъ, онъ какъ-бы угадалъ ихъ тайныя мысли и продолжалъ ласково и вкрадчиво:

— Никто изъ тѣхъ, кто поможетъ мнѣ вернуть эти деньги, не будетъ забытъ! Помните это! Въ этомъ я вамъ ручаюсь! До сихъ поръ, еще никто не осмѣливался не вѣрить моему слову. Къ тому же нѣсколько милліо-

новъ, потраченныхъ на вознагражденіе тѣмъ, кто помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, не много значатъ, если только вѣрно все то, что вы говорили. Вѣдь объ этомъ извѣстно только намъ троимъ!

— Я въ точности не знаю, какая тамъ хранится сумма. Но вспомните только о томъ, синьоръ, что первый вкладъ въ Цекку былъ сдѣланъ въ 1624 г., второй внесенъ въ 1654 г., и съ тѣхъ поръ никто не трогалъ этого клада!

— Значитъ, онъ хранится тамъ уже 172 года, т. е. съ того времени, когда королемъ Франціи былъ Людовикъ XIII,—замѣтилъ маркизъ.—Но если даже считать со второго вклада, съ 1654 г., то все-таки получится 142 года. Слѣдовательно, съ нароставшими процентами въ Цеккѣ долженъ былъ образоваться огромный капиталъ.

— Примите во вниманіе, синьоръ, что и первый вкладъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ золотыхъ!—замѣтилъ сбиръ.

Беппо Лаццаро слушалъ этотъ разговоръ съ вытаращенными глазами и открытымъ отъ удивленія ртомъ, при чемъ пальцы его сжимались и разжимались, какъ-бы готовясь схватить что-то.

— Какая же тамъ хранится груда денегъ!—воскликнулъ онъ, но затѣмъ, глубоко вздохнувъ, продолжалъ:—Но мы, пожалуй, ничего не получимъ!

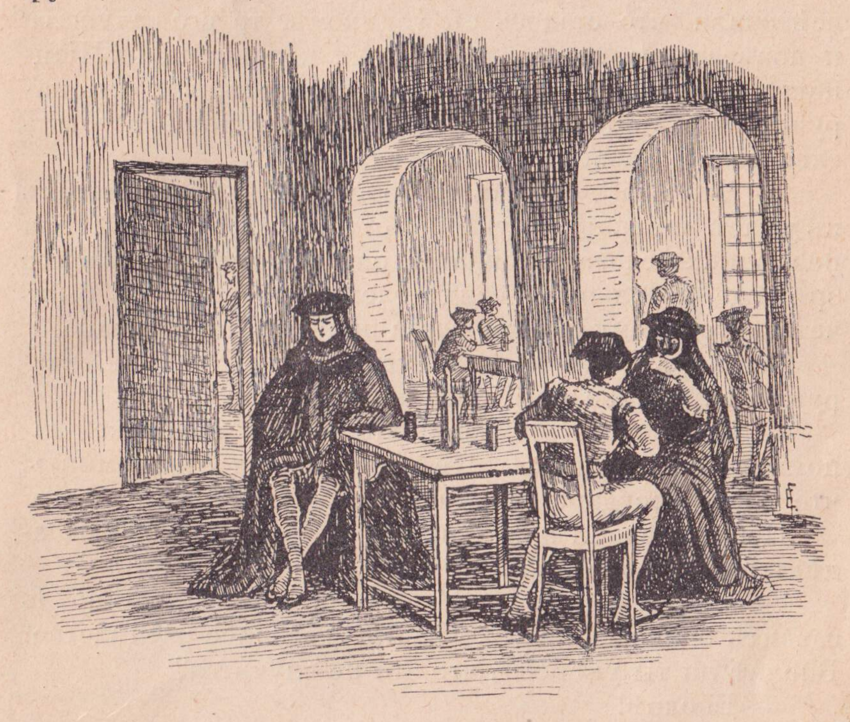
Въ отвѣтъ на это Беккаруцци пожалъ только своими могучими плечами и произнесъ презрительно:

— Кто же ихъ получитъ въ такомъ случаѣ?.. Ужъ навѣрное не тотъ, чьи кости покоятся подъ песками Лидо! Думаю, что онъ не вернется заявлять о своихъ правахъ!

— О, нѣтъ!.. Безъ сомнѣнія, не вернется! Господи, упокой его душу и душу великаго грѣшника, виновнаго въ его безвременной кончинѣ,—пробормоталъ блѣднѣя гондольеръ.

Беккаруцци злобно взглянулъ на него и, нагнувшись къ нему, тихо прошипѣлъ, чтобы маркизъ не могъ разслышать:

— Оставь при себѣ свои размышленія, Беппо, и не касайся этого давно забытаго событія, если не хочешь имѣть дѣло со мной... Безъ моей помощи тотъ чужестранецъ не спалъ бы тамъ вѣчнымъ сномъ; такой трусъ, какъ ты, никогда не избавилъ бы насъ отъ



„Оставь при себѣ свои размышленія, Беппо,“ сказалъ Беккаруцци.

него. Берега Лидо надежны и никому не повѣдаютъ о томъ, что извѣстно лишь имъ! Съ этой стороны намъ нечего опасаться!

Беппо испугался угрозы и поспѣшно сказалъ:

— Вѣдь ты знаешь, что можешь положиться на меня, что я не выдамъ этой тайны!.

— Знаю, — замѣтилъ Беккаруцци и, повысивъ голосъ какъ-бы для того, чтобы его слышали посторонніе, продолжалъ: — а свинцовыя крыши и подзем-

ные колодцы еще лучше хранятъ тайну, чѣмъ таинственные своды Цекки, и кто туда попадетъ, уже не выйдетъ оттуда, развѣ только въ томъ случаѣ, когда ночью съ камнемъ на шеѣ будетъ выброшенъ въ глубокій каналъ д'Орфано, или если пожелаютъ, чтобы всѣ знали, что сталось съ узникомъ, то его задушатъ и повѣсятъ за ноги между двумя колоннами на Піаццеттѣ! Тамъ всѣ увидятъ его и узнаютъ, что онъ нарушилъ довѣріе Высокочтимой Республики и былъ схваченъ и казненъ какъ предатель.

— Что это?.. о чемъ вы говорите?..—прервалъ ихъ въ ужасѣ маркизъ, очнувшись отъ своихъ мечтаній при послѣднихъ словахъ сбира. И онъ вспомнилъ ужасное зрѣлище, невольнымъ свидѣтелемъ котораго онъ былъ четыре года тому назадъ, когда прибылъ въ Венецію.

Взглянувъ еще разъ съ угрозой на Беппо, Беккаруцци вкрадчиво обратился къ маркизу:

— Это ничего, синьоръ! это только маленькое напоминаніе болтунамъ!.. Имъ не мѣшаетъ напомнить, что благо государства выше всякой дружбы!

Поблѣднѣвшій при этой угрозѣ Беппо вскорѣ овладѣлъ собой и замѣтилъ:

— Все это прекрасно! А если вдругъ кто-нибудь заявитъ о своихъ правахъ на это сказочное наслѣдство? Вполнѣ ли ты увѣренъ, что это не случится?

— Вполнѣ!

— Не хочу противорѣчить и очень радъ буду, если это такъ... Но не можешь ли ты мнѣ сказать, кто этотъ Севранъ, о которомъ на-дняхъ говорилъ Марино Фано съ своимъ другомъ, Жеромомъ Гривэ? Я подслушалъ ихъ разговоръ!

— Севранъ!?—вырвалось у изумленнаго сбира, и онъ злобно прошипѣлъ:

— Нѣтъ, въ Венеціи нѣтъ никого съ этимъ именемъ, кромѣ того... ну, да ты знаешь тамъ, на Лидо!..—и онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ-бы собираясь заколоть кого-то.

— Что все это значитъ? — спросилъ встревожившись маркизъ. — Какимъ образомъ нашъ камердинеръ Жеромъ замѣшанъ въ это дѣло?... Объясните мнѣ это.

— Хотя я не могъ понять всего, что они говорили,— продолжалъ гондольеръ, не обращая вниманія на вопросъ маркиза,—но ясно слышалъ, что они упоминали два имени—Жанъ де-Берщеръ и Севранъ.

— Какое отношеніе къ этому дѣлу можетъ имѣть мой братъ?...—снова прервалъ его маркизъ.—Развѣ онъ можетъ знать что-нибудь о нашей тайнѣ? Или это случайное совпаденіе?

Гонтранъ глубоко задумался, но минуту спустя продолжалъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собою:

— Я знаю, что этотъ Марино часто доставляетъ сестрѣ свѣдѣнія о братѣ черезъ Жерома, молочнаго брата Жана... Къ сожалѣнію, я тутъ безсиленъ, потому что отецъ это терпитъ. Но меня очень безпокоитъ, что имя Севрана, извѣстное только намъ, интересуетъ сестру, и о немъ упоминалъ Марино!... Вѣроятно, ты, Беппо, не разслышалъ, какъ слѣдуетъ!.. Вѣдь ты почти не понимаешь по-французски!

— Правда, я почти ничего не понимаю,—согласился Беппо.—Но если я и не понялъ смысла ихъ разговора, то, во всякомъ случаѣ, эти имена я разслышалъ ясно!

— Возможно, — вмѣшался Беккаруцци, слушавшій ихъ внимательно,—что Марино, много лѣтъ тому назадъ возившій Севрана, который потомъ безслѣдно исчезъ, разсказывалъ объ этомъ Жерому. Въ этомъ я не вижу ничего тревожнаго. За исключеніемъ инквизиторовъ Совѣта Трехъ и насъ, никто ничего не знаетъ объ этомъ наслѣдствѣ. Даже дожу и Совѣту Десяти ничего не извѣстно объ этомъ. Я дѣйствовалъ только по тайному приказу Совѣта Трехъ и могу присягнуть, что не выдалъ тайны. Чего же намъ опасаться? Вѣроятно, Беппо ослышался или не понялъ!...

— Хотя я и не все понялъ,—настаивалъ Беппо,—но за послѣдніе годы я научился французскому языку на-

столько, что могъ разобрать, что этотъ Севранъ молодой офицеръ и товарищъ графа де Берферъ.

— Ты въ этомъ увѣренъ?—спросилъ маркизъ.

— Вполнѣ увѣренъ! Вѣроятно, рѣчь шла не о томъ Севранѣ, который когда-то пропалъ здѣсь безъ вѣсти. Можетъ быть, говорили о его родственникѣ, котораго мы скоро увидимъ здѣсь!.. Говорятъ. французская армія идетъ на Венецію.

— Этого еще недоставало!—вскричалъ маркизъ внѣ себя отъ гнѣва. — До Венеціи Бонапарту еще далеко! Надѣюсь, на пути онъ встрѣтитъ нѣсколько хорошо вооруженныхъ австрійскихъ армій! Ахъ, если бы Сенатъ только захотѣлъ, какую выдающуюся роль могъ бы онъ теперь сыграть! Какое вліяніе могъ бы онъ имѣть на политику всей Европы!.. А если бы Сенатъ взялся за оружіе и выставилъ противъ Бонапарта свои 50.000 кроатовъ, словаковъ и далматовъ, и потомъ разжегъ бы возстаніе среди крестьянъ въ своихъ провинціяхъ на сушѣ, а лагуны защитилъ бы сильными укрѣпленіями...

— Браво, браво, синьоръ маркизъ! Вы говорите такъ, какъ сказалъ бы я!—взволнованно вскричалъ Беккаруцци.—Однихъ нашихъ монаховъ и крестьянъ-фанатиковъ было бы достаточно, чтобы уничтожить этихъ революціонеровъ, если бы только нашелся опытный вождь, а я бы сумѣлъ поднять противъ нихъ всю чернь!

Но спохватившись, онъ движеніемъ руки напомнилъ, что слѣдуетъ быть осторожными.

— Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, — обратился онъ къ маркизу, — надо покончить наше дѣло раньше, чѣмъ правительство прибѣгнетъ къ такимъ мѣрамъ! Мнѣ кажется. для дѣла нашего лучше, если сенаторы напуганы, чѣмъ если бы они чувствовали себя въ безопасности!

— Для насъ очень важно, — замѣтилъ маркизъ, — какъ можно скорѣе благополучно кончить это дѣло!

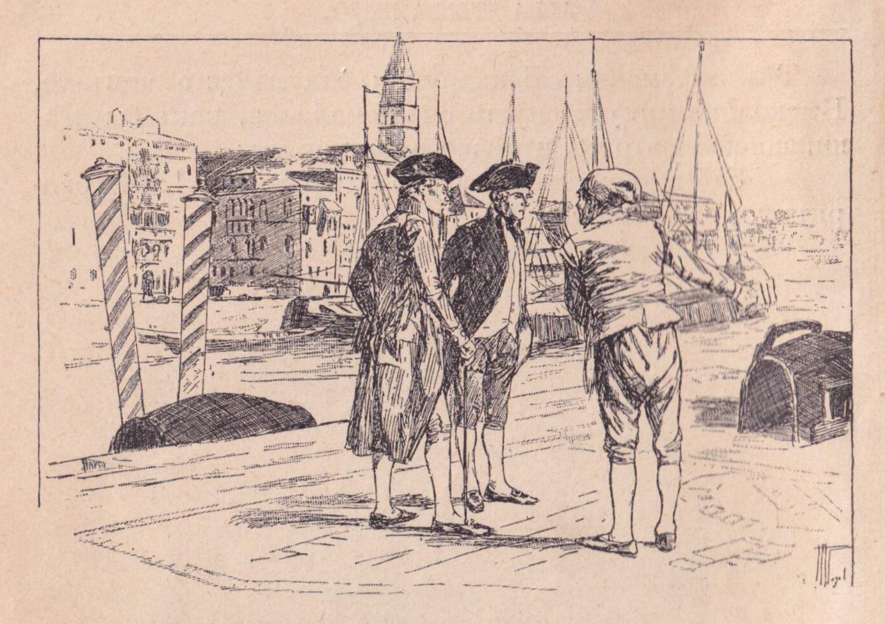
— Мы вполнѣ довѣряемъ тебѣ, Беккаруцци, — поспѣшилъ сказать Беппо, — ты одинъ можешь съ успѣхомъ кончить это дѣло!

Тѣмъ временемъ Беккаруцци задумался о чемъ-то. Нѣсколько минутъ спустя онъ поднялся, какъ-бы рѣшившись на что-то, и рѣзко проговорилъ:

— Это необходимо!... Надо идти къ нему!.. Заговоритъ ли онъ наконецъ?...

Беккаруцци направился къ площади св. Марка.

Въ то время, какъ Беппо вернулся къ своей гондолѣ, а Гонтранъ де-Берперъ отправился на маскированный балъ къ графу д'Антрэгъ, Беккаруцци направился къ площади св. Марка, весь поглощенный только что слышанной вѣстью, и повторялъ сквозь зубы: „Севранъ! Севранъ!“



Марино согласился перевезти французовъ въ Венецію.

ГЛАВА V.

Таинственный узникъ.

Притворное равнодушіе, съ которымъ Беккаруцци выслушалъ неожиданную вѣсть, сообщенную гондольеромъ Беппо, смѣнилось сильной тревогой, когда онъ переходилъ Піаццетту.

Онъ шелъ въ глубокомъ раздумьѣ, не поднимая головы и не замѣчая, что прохожіе сторонились его и оглядывались, встревоженные зловѣщимъ выраженіемъ его лица. Въ душѣ онъ снова переживалъ ту страшную драму, жертвой которой погибъ человѣкъ, ставшій на его пути одиннадцать лѣтъ тому назадъ, и имя котораго ему такъ неожиданно сегодня снова пришлось услышать.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1785 г. Марино Фано, недавно схоронившій свою бабушку, укрылся въ Местрѣ, спасаясь отъ настигшей его сильной бури.

При наступленіи сумерекъ его окликнули два француза и стали нанимать перевезти ихъ въ Венецію.

Сначала Марино колебался везти ли ихъ, но не изъ опасенія не справиться съ гондолой въ бурю, а изъ какого-то инстинктивнаго чувства, предостерегавшаго его не перевозить чужестранцевъ въ этой черной стройной гондолѣ, на которой онъ выѣхалъ въ этотъ день въ первый разъ.

Уступивъ наконецъ ихъ настоятельной просьбѣ, онъ согласился перевезти ихъ въ Венецію. Когда гондола отчалила, съ устъ Марино сорвались странныя слова, бросавшія какъ-бы вызовъ какой-то таинственной силѣ.

— Можетъ быть, имъ такъ суждено!

Но путники не обратили вниманія на слова гондольера, хотя и владѣли итальянскимъ языкомъ.

Они залюбовались стройной изящной гондолой, удивляясь ея красотѣ, и Марино услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, указывая на образъ святого, находившійся внутри палатки, сказалъ:

— Это св. Маркъ, мой покровитель! Присутствіе образа этого святого служитъ намъ хорошимъ предзнаменованіемъ Мы находимся подъ его защитой, и онъ поможетъ мнѣ въ моемъ дѣлѣ. Я уповаю на него и вручу ему на храненіе мое сокровище!

Что могли означать эти слова?.. Марино разслышалъ ихъ и, нагнувшись впередъ, увидѣлъ, что одинъ изъ путниковъ какъ-бы съ молитвой коснулся образка.

Марино пересталъ обращать вниманіе на чужестранцевъ, продолжая искусно управлять гондолой. Несмотря на бурю, они благополучно прибыли въ Венецію. Высаживаясь они разспросили гондольера, гдѣ сдаются дешевыя комнаты, при чемъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Теперь намъ не по средствамъ остановиться въ гостиницѣ, но скоро мы разбогатѣемъ!

Марино не обратилъ вниманія на эти слова, но впослѣдствіи онъ не разъ задумывался надъ ними.

Весь багажъ путниковъ состоялъ изъ маленькаго чемодана. Марино провелъ ихъ къ скромному дому на Канареджіо, къ одному изъ своихъ друзей, и тамъ они заняли двѣ комнаты, сказавъ хозяину, что будутъ столоваться въ сосѣднемъ ресторанчикѣ, и назвались: Матье-Маркъ Севранъ и Тома Лаберъ, французы. Послѣдній былъ довѣреннымъ слугой и другомъ своего господина, приблизительно его же лѣтъ.

Все свое время чужестранцы посвящали осмотру достопримѣчательностей Венеціи; они часто пользовались гондолой Марино, чтобы съѣздить въ городъ, и вступали иногда съ нимъ въ разговоръ. Но вскорѣ Марино совсѣмъ потерялъ ихъ изъ виду и почти забылъ о нихъ.

Но однажды онъ снова увидѣлъ ихъ на Піаццеттѣ, гдѣ они съ возбужденіемъ разговаривали о чемъ-то съ Беппо Лаццаро. Хотя Марино совсѣмъ не довѣрялъ своему сопернику, онъ однако не счелъ удобнымъ предостеречь чужестранцевъ отъ коварнаго Беппо. Опасенія Марино усилились, когда онъ нѣсколько дней спустя увидѣлъ ихъ въ гондолѣ Беппо въ обществѣ Беккаруцци.

Марино вспомнилъ тѣ тяжелыя предчувствія, которыя охватили его, когда онъ согласился перевезти ихъ на своей черной гондолѣ въ Венецію.

— Они кончатъ плохо! — пробормоталъ Марино, — этотъ негодяй сбиръ и Беппо Лаццаро плохіе товарищи!

Вскорѣ встрѣтивъ случайно Севрана и Лабера, онъ предупредилъ ихъ, что небезопасно сближаться съ такими людьми, какъ Беппо Лаццаро и въ особенности сбиръ Беккаруцци.

Матье-Маркъ Севранъ видимо встревожился и поблагодарилъ за участіе, которое гондольеръ выказывалъ имъ съ первыхъ дней ихъ знакомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что не можетъ быть слишкомъ разборчивъ

въ выборѣ помощниковъ, если хочетъ съ успѣхомъ кончить дѣло, ради котораго пріѣхалъ въ Венецію.

— Жребій брошенъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—

„Я вручу св. Марку мое сокрозище,“ сказалъ французъ.

мой покровитель св. Маркъ поможетъ мнѣ, и я довѣрчиво вручилъ свою судьбу въ его руки!

Спутникъ его молча кивнулъ головой въ знакъ одобренія, а Марино невольно вспомнилъ слова, сказан-

ныя чужестранцемъ при переѣздѣ изъ Местра въ Венецію. Но какъ странно... Марино былъ почти увѣренъ, что этимъ голосомъ говорилъ тогда не Севранъ, а Тома Лаберъ!

— Если я пропаду безъ вѣсти, Марино,—продолжалъ Севранъ торжественно, — и ты ничего не услышишь обо мнѣ, то не забудь моего имени—Матье-Маркъ Севранъ — и постарайся всѣми средствами узнать, что сталось со мной, и наконецъ обратись за разъясненіями къ св Марку, моему покровителю,—онъ тебѣ объяснитъ все!

Товарищъ его опять одобрительно кивнулъ головой.

Это таинственное порученіе произвело сильное впечатлѣніе на суевѣрнаго Марино, но онъ не сталъ далѣе допытываться и просто отвѣтилъ:

— Клянусь св. Маркомъ, я не забуду вашего порученія!

Съ этого дня онъ больше не встрѣчалъ обоихъ французовъ.

Когда нѣсколько времени спустя онъ справился о нихъ у ихъ квартирнаго хозяина на Канареджіо, тотъ сообщилъ, что они выѣхали неизвѣстно куда.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и этотъ эпизодъ почти изгладился изъ памяти Марино. Но проходя однажды черезъ еврейское кладбище, находившееся на Лидо, онъ замѣтилъ въ концѣ его камень, какъ-бы нарочно поставленный въ сторонѣ отъ еврейскихъ могилъ.

Онъ изъ любопытства подошелъ къ этой одинокой могилѣ и къ своему удивленію увидѣлъ, что надпись на ней не еврейская, а латинская. Онъ сталъ разбирать ее и прочелъ:

„Матье-Маркъ Севранъ, французъ".

У гондольера по спинѣ пробѣжала дрожь, и онъ въ ужасѣ прошепталъ:

— Какъ же это случилось?..

При этомъ онъ невольно вспомнилъ о Беккаруцци и Лаццаро. И въ душѣ его воскресло воспоминаніе о

прибытіи чужестранцевъ въ Местръ и произнесенныхъ имъ при этомъ словахъ: „Можетъ быть, имъ такъ суждено!“

Но Марино тотчасъ пожалъ плечами и засмѣялся, называя свои былыя предчувствія глупымъ бредомъ. Правда, только онъ одинъ зналъ, что гондола, на которой онъ впервые выѣхалъ въ тотъ вечеръ, была именно та роковая гондола, погубившая когда-то его отца. Но тогда Марино мужественно бросилъ вызовъ судьбѣ и выѣхалъ въ бурю на этой гондолѣ.

Справившись съ бурей, бушевавшей въ тотъ вечеръ надъ Венеціей, онъ пересталъ вѣрить въ предсказанія своей покойной бабушки, считая ихъ бредомъ умирающей. Но при видѣ этой одинокой могилы онъ вздрогнулъ и снова вспомнилъ зловѣщія пророчества старушки.

Нѣсколько разъ у него являлось желаніе разспросить Беппо о французахъ, но вспоминая при этомъ злобное коварное лицо его друга Беккаруцци, онъ терялъ охоту вступать съ нимъ въ разговоръ.

Между тѣмъ проходили годы, и эти роковыя событія мало-по-малу были почти забыты.

Впрочемъ, Беппо не могъ бы сообщить ему ничего опредѣленнаго о пропавшихъ безъ вѣсти чужестранцахъ, хотя часто возилъ ихъ въ своей гондолѣ.

Единственный человѣкъ, который могъ бы дать точныя свѣдѣнія о нихъ, былъ Беккаруцци; но онъ былъ сбиръ и находился на службѣ у Совѣта Трехъ, который составлялъ гнусное орудіе государственной инквизиціи старой аристократической Венеціи.

Случай свелъ обоихъ чужестранцевъ съ Беппо, который своей вкрадчивостью и навязчивостью сумѣлъ уговорить ихъ пользоваться его услугами, а не гондолой Марино, на которой они ѣздили сначала. Беппо оказывалъ имъ много мелкихъ услугъ, сразу почуявъ, что эти скромные французы представляютъ весьма цѣнную добычу.

Вскорѣ эти хорошія отношенія перешли почти въ дружескія, и однажды подъ вліяніемъ чувства благодарности Лаберъ сказалъ ему:

— Ужъ мы, Беппо, сумѣемъ вознаградить тебя за всѣ твои услуги!

А Севранъ добавилъ въ подтвержденіе словъ своего слуги:

— И вознаградимъ тебя такъ щедро, какъ ты себѣ представить не можешь.

Первыя свѣдѣнія о настоящей причинѣ пріѣзда французовъ въ Венецію Беппо получилъ отъ самого Севрана, когда они однажды вечеромъ поѣхали на Лидо. Въ тотъ вечеръ Севранъ немного злоупотребилъ сладкимъ греческимъ виномъ, что, къ сожалѣнію, случалось съ нимъ нерѣдко. При возвращеніи съ Лидо онъ между прочимъ сказалъ, что прибылъ въ Венецію не для катанья и прогулокъ, а для полученія наслѣдства, благодаря которому онъ будетъ очень богатымъ человѣкомъ.

Когда Беппо съ удивленіемъ и отчасти съ сомнѣніемъ взглянулъ на костюмъ будущаго богача, этотъ смѣясь замѣтилъ:

— Подожди немного, когда Высокая Республика признаетъ права Матье-Маркъ Севрана на хранящіеся въ Цеккѣ милліоны, тогда ты будешь удивляться нашимъ роскошнымъ нарядамъ и великолѣпнымъ празднествамъ, которыя мы будемъ задавать.

Тома Лаберъ, какъ показалось гондольеру, сдѣлалъ своему болтливому господину знакъ прекратить откровенныя изліянія, но Лаццаро насторожившись поспѣшилъ сказать:

— Если вы говорите серьезно, синьоръ, то я могу познакомить васъ съ человѣкомъ, который можетъ оказать вамъ очень важныя услуги въ этомъ дѣлѣ.

— А кто этотъ человѣкъ?—спросилъ заинтересованный Лаберъ.

— Это мой пріятель, синьоръ, очень вліятельное лицо. Онъ находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ высшими служащими во дворцѣ дожей и можетъ быстро подвинуть ваше дѣло. Но главное, необходимо полное молчаніе! Вы никому не должны говорить объ этомъ!..

При этомъ онъ движеніемъ руки указалъ на виднѣвшійся вдали дворецъ дожей.

Беппо со свойственнымъ ему лукавствомъ тотчасъ смекнулъ, что тутъ пахнетъ выгоднымъ дѣломъ. Онъ сразу понялъ, что одинъ ничего не достигнетъ, а съ помощью своего друга Беккаруцци, которому онъ не разъ оказывалъ услуги, онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Само собою Беппо не открылъ французамъ настоящее званіе своего пріятеля, потому что, какъ ни простъ и довѣрчивъ былъ Севранъ, онъ задумался бы вступить въ сношенія съ полиціей и ея тайнымъ агентомъ и шпіономъ, которымъ безконтрольно располагала государственная инквизиція.

Поэтому Беппо сказалъ, что Беккаруцци тайный секретарь Республики и по своимъ служебнымъ обязанностямъ постоянно находится въ сношеніяхъ съ тѣми лицами, которыя должны разсмотрѣть требованія Севрана.

И въ тотъ же вечеръ Беппо устроилъ свиданіе Севрана съ Беккаруцци въ одномъ ресторанѣ.

Хотя злое и коварное лицо сбира произвело на Севрана непріятное впечатлѣніе, онъ все-таки сообщилъ ему всѣ подробности о себѣ и о принадлежащемъ ему огромномъ наслѣдствѣ, которое хранится въ Цеккѣ.

Сообщеніе это сильно заинтересовало Беккаруцци, и съ этой минуты онъ началъ мечтать, какъ бы лишить простодушныхъ французовъ этого клада и получить, если не все, то хоть большую его долю.

Послѣ этого разговора сбиръ рѣшилъ прежде всего завладѣть бумагами, которыя свидѣтельствовали о пра-

вахъ Матье-Маркъ Севрана на это наслѣдство, а затѣмъ тотчасъ избавиться отъ самого наслѣдника. Но такъ какъ ему отчасти необходимо было считаться съ совѣстью суевѣрнаго и трусливаго Беппо Лаццаро, то онъ рѣшилъ воспользоваться его услугами настолько, чтобы всегда имѣть его, какъ сообщника, въ своей власти.

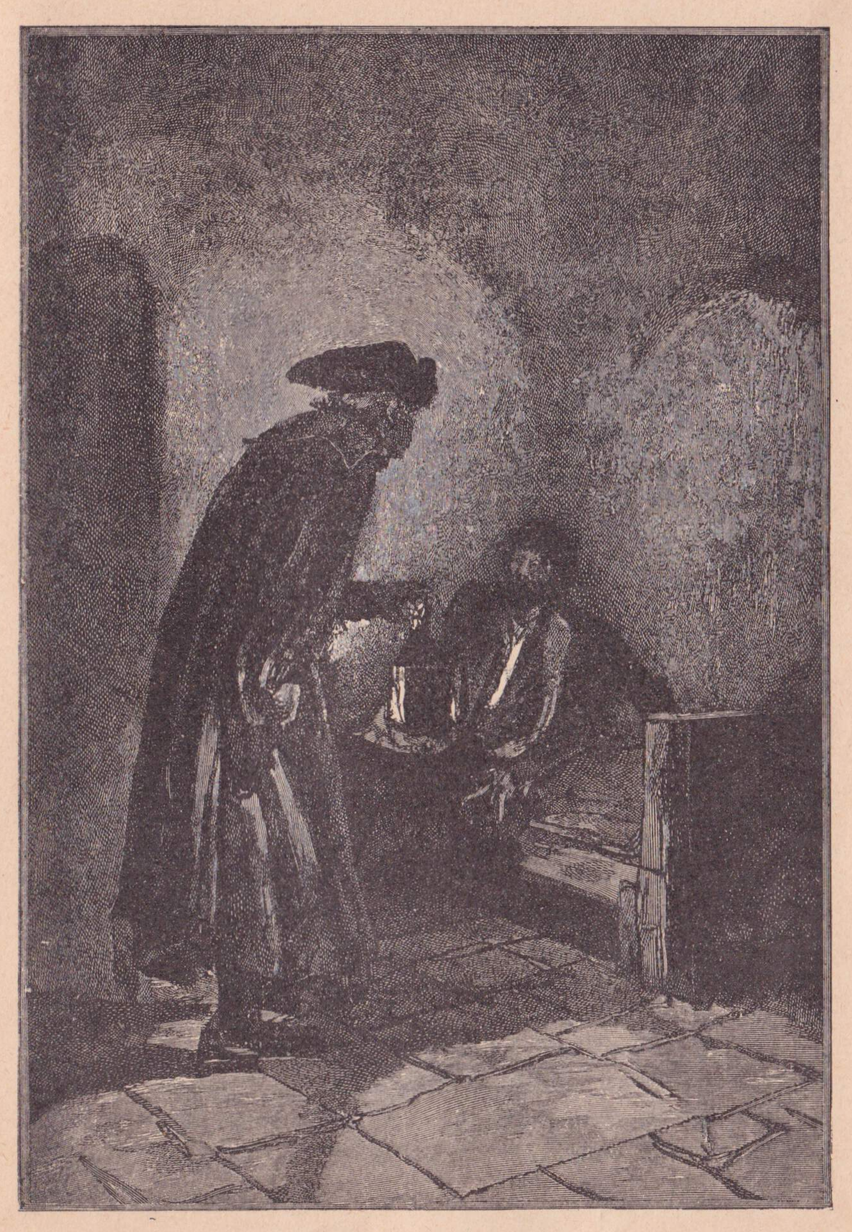
Беккаруцци быстро составилъ планъ дѣйствій и столь же быстро выполнилъ его.

Нѣсколько дней спустя на пустынномъ берегу Лидо рыбаки нашли трупъ Матье-Маркъ Севрана, а вблизи въ кустарникѣ окровавленный кинжалъ, очевидно, служившій орудіемъ преступленія. На судѣ Беппо Лаццаро заявилъ, что кинжалъ принадлежалъ Лаберу и былъ купленъ имъ за нѣсколько дней до убійства. Беппо былъ убѣжденъ, что Лаберъ совершилъ убійство съ цѣлью завладѣть наслѣдствомъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ трупъ Севрана былъ похороненъ на Лидо, Лаберъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Увѣреніямъ его, что онъ невиновенъ въ смерти своего господина, никто не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ бумаги, касавшіяся наслѣдства, найдены были при немъ. Затѣмъ всѣмъ свидѣтелямъ было сдѣлано тайное предписаніе подъ угрозой смертной казни не разглашать вѣсть объ убійствѣ французскаго подданнаго, во избѣжаніе дипломатическихъ осложненій, а, можетъ быть, и по другимъ причинамъ.

Рыбаки были убѣждены, что убійца былъ тайно казненъ ночью, а трупъ его, по обыкновенію, бросили въ каналъ д'Орфано.

Такъ какъ не было сдѣлано никакихъ запросовъ объ убитомъ и его спутникѣ, то прошли мѣсяцы и годы, и убійство это было всѣми забыто.



Беккаруцци вошелъ въ камеру съ фонаремъ въ рукѣ.

Вѣроятно, воспоминанія объ этомъ событіи настроили Беккаруцци такъ мрачно, когда онъ проходилъ по двору дворца дожей. Одного слова его, сказаннаго шепотомъ на ухо, было достаточно, чтобы караулъ, состоявшій изъ словаковъ, далматовъ и албанцевъ, тотчасъ пропустилъ его.

Такимъ образомъ онъ достигъ зала засѣданій Совѣта Десяти, а оттуда направился въ потайной коридоръ, который оканчивался лѣстницей и велъ въ мрачныя подземелья.

Разбудивъ преданнаго ему старика-тюремщика, онъ приказалъ ему посвѣтить себѣ и направился въ камеры, называвшіяся Поцци [1]) и находившіяся въ вѣдѣніи Совѣта Десяти и Совѣта Трехъ.

Поцци—это сырые и мрачные погреба, находящіеся на уровнѣ съ землей, но не ниже уровня воды въ каналахъ. какъ то утверждали прежде.

Въ противоположность имъ Піомби находятся подъ крышей. Но вслѣдствіе ихъ свинцовыхъ плоскихъ крышъ пребываніе въ нихъ невыносимо, особенно въ знойные лѣтніе мѣсяцы.

Стѣны выведены изъ огромныхъ плитняковъ, проходы темные и узкіе, притокъ воздуха очень недостаточный и проникаетъ лишь черезъ узкія задѣланныя рѣшеткой щели; все это дѣлало эти мѣста заключенія настоящими могилами. Во времена инквизиціи въ подземельяхъ и подъ свинцовыми крышами въ теченіе столѣтій раздавались ужасные крики пытаемыхъ заключенныхъ и предсмертный хрипъ несчастныхъ, которыхъ душилъ палачъ.

Тяжело ступая, еще полусонный, шелъ тюремщикъ впереди съ фонаремъ и связкой звенящихъ ключей. За нимъ молча слѣдовалъ Беккаруцци.

---

[1]) Поцци—колодезь. Camerotti di sotto—подземныя камеры, въ противоположность Піомби—свинцовыя крыши или camerotti di sopra—камеры подъ крышей.

Вблизи канала, черезъ который перекинутъ мостъ Вздоховъ [1]), въ концѣ узкаго коридора находилась на уровнѣ воды низкая дверь. Беккаруцци на минуту остановился передъ ней и задумчиво посмотрѣлъ на высѣченное въ каменной стѣнѣ углубленіе съ сидѣніемъ. Въ стѣнѣ находились два небольшихъ отверстія на уровнѣ головы сидѣвшаго за стѣной узника.

На этомъ мѣстѣ сидѣло съ трепетомъ не мало людей, еще полныхъ жизни. Мерцающій свѣтъ тусклой лампочки падалъ на ихъ истощенныя лица, а сзади невидимо подходилъ палачъ и накидывалъ имъ на шею тонкую петлю, продѣтую въ оба отверстія, которую потомъ мгновенно затягивалъ.

Беккаруцци приказалъ тюремщику отворить дверь, которая находилась напротивъ роковой каменной скамьи, и, отпустивъ старика, вошелъ въ камеру одинъ съ фонаремъ въ рукѣ.

Когда дверь заскрипѣла, на жалкой кровати съ соломенной подстилкой приподнялся узникъ.

Беккаруцци поставилъ фонарь въ маленькое углубленіе въ стѣнѣ и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати.

Приподнявшись на локтѣ, узникъ устремилъ свой взглядъ на вошедшаго, изъ-подъ бѣлой маски котораго сверкали тревожные глаза.

Откинувъ изсохшей рукой спадавшіе на лобъ волосы, узникъ съ горькой усмѣшкой обратился къ ночному посѣтителю:

— Зачѣмъ пришелъ ты ночью нарушать мой покой?

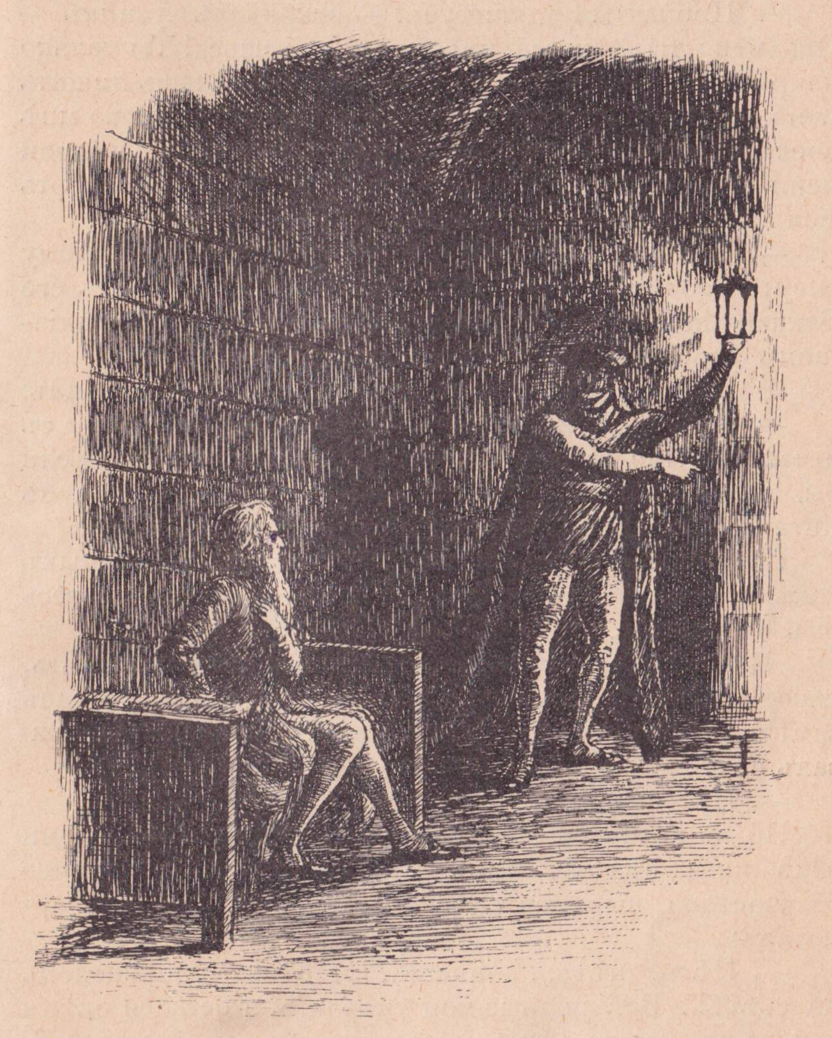
Замаскированный молча смотрѣлъ на него.

— Цезарь Беккаруцци,—продолжалъ узникъ, не получая отвѣта,—сними маску! Потѣшься надъ своей жертвой!

— Зачѣмъ я пришелъ?.. Я пришелъ узнать, не одумался ли ты наконецъ, не надоѣлъ ли тебѣ этотъ

[1]) Мостъ Вздоховъ—перекинутъ высоко надъ каналомъ и соединяетъ дворецъ дожей съ тюрьмой для обыкновенныхъ преступниковъ.

застѣнокъ, и долго ли еще ты будешь упорствовать? Ты отлично знаешь, Томазо, что только мнѣ обязанъ



„Тебя задушатъ и бросятъ въ каналъ,“ злобно крикнулъ Беккаруцци.

своею жизнью! Я до сихъ поръ доказывалъ твоимъ судьямъ, что твоя жизнь еще можетъ быть имъ полезна, и сумѣлъ отсрочить вызовъ твой на тотъ

страшный судъ, который приговорилъ бы тебя къ смерти, какъ убійцу и врага Высокочтимой Республики...

— Проклятый душегубъ! — вскричалъ узникъ — Отъ меня ты никогда ничего не добьешься! Ты только напрасно тратишь время! Если же ты хочешь лишить меня и той искры жизни, которая еще таится во мнѣ послѣ многолѣтнихъ страданій, то поспѣши, освободи меня отъ дальнѣйшихъ мученій! Можетъ быть, смерть моя принесетъ пользу...

— Что?.. Что?.. Что ты хочешь сказать?.. Кому смерть твоя можетъ принести пользу?..—перебилъ его Беккаруцци въ волненіи, находясь все еще подъ вліяніемъ разсказа гондольера Беппо.

И, чтобы не выдать свою тревогу, онъ спросилъ:

— Ты съ намѣреніемъ говоришь это или съ отчаянія? Или это лихорадочный бредъ у тебя?.. Если бы ты пересталъ упорствовать, я сообщилъ бы тебѣ интересную вѣсть!..

Потухшіе глаза узника заблестѣли, на блѣдныхъ какъ воскъ щекахъ показался легкій румянецъ, и весь онъ задрожалъ.

Беккаруцци стоялъ рядомъ съ нимъ, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ его слова; онъ тотчасъ замѣтилъ возбужденіе узника и съ волненіемъ сказалъ ему:

— Ну говори, говори же!..

Но лицо Лабера, обрамленное длинными прядями сбившихся сѣдыхъ волосъ, снова приняло прежнее безучастное выраженіе, и онъ равнодушно пробормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... ничего!.. Я одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ!.. Всѣ родные мои умерли, и я остался одинъ съ своимъ несчастьемъ и застѣнкомъ—моей могилой.

Беккаруцци весь затрясся отъ злобы.

— Твое освобожденіе зависитъ отъ тебя! Скажи мнѣ, гдѣ спрятано завѣщаніе, и ты будешь свободенъ!.. Вѣдь ты совсѣмъ одинокъ... если только не...

Узникъ насмѣшливо улыбнулся и повторилъ:

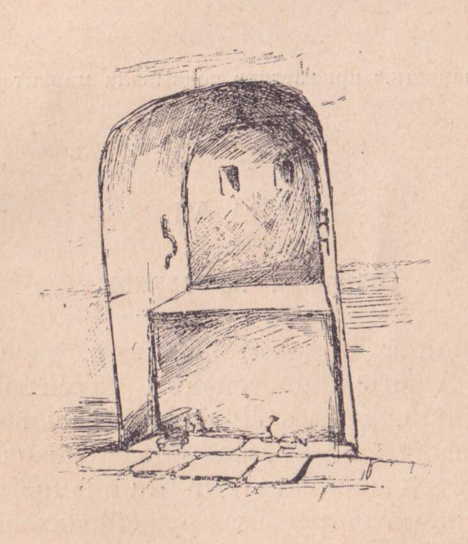
— Если только не...

Беккаруцци рѣзко распахнулъ дверь камеры, быстро схватилъ фонарь и, освѣтивъ каменную скамью на противоположной стѣнѣ, злобно крикнулъ:

— Я отдамъ тебя въ руки судей, которымъ незнакомо милосердіе!.. А знаешь ли, что тогда послѣдуетъ?... Тебя задушатъ, а потомъ бросятъ въ каналъ д'Орфано!..

— Жизнь моя въ рукахъ Всевышняго,—спокойно сказалъ узникъ.

— Я зайду къ тебѣ еще разъ, Томазо, и это будетъ въ послѣдній разъ!—крикнулъ гнѣвно Беккаруцци, выходя изъ камеры и замыкая за собою дверь.



„Подходите, товарищи,“ привѣтливо подзывала маркитанка солдатъ.

ГЛАВА VI.

Товарищи по оружію.

На большой и широкой равнинѣ, расположенной у подножія Альпъ и постепенно спускающейся отъ Кіёза къ Минчіо, черезъ Лонато, Кастильоне и Сольферино, повсюду загорѣлись бивачные огни. Въ теченіе всего этого знойнаго дня эта долина оглашалась грохотомъ пушекъ и трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ, послѣ чего наступила тишина и прохладная ночь.

Въ этотъ день нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ съ яростью сражались въ этой долинѣ, заливая своей кровью эту пустынную равнину.

Теперь же со всѣхъ концовъ раздавалось пѣніе, веселые окрики и громкій говоръ, свидѣтельствовав-

шіе о побѣдѣ и радости, что опасность миновала; а иногда съ поля сраженія доносились сигналы трубачей и барабанный бой. Этотъ шумъ заглушалъ стоны умирающихъ и раненыхъ, которыхъ отвозили на перевязочные пункты, гдѣ врачи и фельдшера выбивались изъ силъ.

Ружья стояли въ козлахъ, и всюду были разведены костры, вокругъ которыхъ толпились солдаты, наблюдая за котлами, въ которыхъ варился ужинъ.

Надъ однимъ изъ этихъ костровъ весело клокотала похлебка, распространяя кругомъ пріятный запахъ. Тутъ же хлопотливо суетилась маркитантка, прислуживая двумъ офицерамъ и группѣ солдатъ.

Не отыскавшіе своего полка или батальона сгруппировались около этой женщины, въ надеждѣ, что она охотнѣе накормитъ ихъ, чѣмъ солдаты у другихъ костровъ. Всѣ спѣшили поскорѣе утолить мучившій ихъ голодъ и жажду.

Маркитантка была одѣта въ плотно обхватывавшую талію куртку съ отворотами, обшитыми блестящими пуговицами и шнурами, какъ у гусаровъ, и короткую юбку изъ краснаго сукна, а на головѣ была ухарски надѣта жандармская шапочка. Краснощекое оживленное лицо маркитантки дышало энергіей и отвагой.

— Подходите поближе, товарищи!..—привѣтливо подзывала она нерѣшительныхъ солдатъ, стоявшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.—Не стѣсняйтесь!.. Рагу скоро будетъ готово и хватитъ на всѣхъ, если только вы поможете немножко теткѣ Пьереттѣ!

И она махнула длинной чумичкой по направленію громаднаго котла, въ которомъ уже клокотало рагу, распространяя пріятный запахъ, который жадно вдыхали около дюжины солдатъ въ разнообразныхъ мундирахъ.

Ихъ загорѣлыя, возбужденныя послѣ ожесточеннаго боя лица, изодранные мундиры и грязныя отъ порохового дыма руки и ружья, взъерошенные волосы, а

главное, сношенные сапоги,—все это свидѣтельствовало о безпрерывныхъ и продолжительныхъ переходахъ и многочисленныхъ стычкахъ, предшествовавшихъ сегодняшнему сраженію.

Вскорѣ вокругъ котла завязался оживленный разговоръ, при чемъ нѣкоторые изъ солдатъ заѣдали супъ хлѣбомъ, благоразумно забраннымъ ими въ попутныхъ деревняхъ. Когда кто-то упомянулъ имя Бонапарта, въ разговоръ вмѣшалась маркитантка:

— Правду сказать,—сказала она,—сегодня онъ заслужилъ галуны!.. И если онъ согласится, то тетка Пьеретта сама нашьетъ ихъ на его генеральскій мундиръ!—и, обращаясь къ унтеръ-офицеру, подкидывавшему въ костеръ хворостъ, она продолжала:—Николай, а ты что на это скажешь?.. Не правда ли, давно пора дать повышеніе гражданину главнокомандующему итальянской арміей?..

— Конечно, Пьеретта? И я не отказался бы, если бы онъ предложилъ мнѣ быть его товарищемъ!..

Эту шутку произнесъ человѣкъ съ лицомъ, походившимъ на дубленую кожу, и такимъ носомъ, который при свѣтѣ костра блестѣлъ какъ огромный карбункулъ. Глаза его сверкали, какъ раскаленные уголья, а огромные, свисавшіе усы скрывали ротъ, изъ котораго торчала короткая трубка...

Онъ постучалъ обгрызаннымъ мундштукомъ по выцвѣтшимъ и запачканнымъ галунамъ, нашитымъ подъ острымъ угломъ на рукавахъ его поношеннаго мундира, и продолжалъ:

— Итакъ... я, сержантъ Николай Гуло 75-го полка, буду гордиться сержантомъ Бонапартомъ!.. А вы товарищи 75-го и вы представители другихъ полковъ, что вы скажете на это?

Сказавъ это своимъ громовымъ голосомъ, онъ медленно обвелъ глазами стоявшихъ вокругъ костра солдатъ, не сводившихъ глазъ съ хлопотавшей около котла маркитантки.

— Я, съ своей стороны, совсѣмъ согласенъ съ гражданкой-маркитанткой и ея мужемъ, гражданиномъ сержантомъ. Послѣ Лоди мы произвели его въ капралы, а справедливость требуетъ, чтобы послѣ Лонато и Кастильоне, не говоря уже о двухъ послѣднихъ подвигахъ, мы произвели его въ сержанты!—сказалъ маленькій изсохшій солдатъ съ крючковатымъ носомъ, нависшимъ надъ торчащими кверху усами, и съ сверкающими глазами.

— Превосходно!—откликнулся его сосѣдъ,—и если капралъ Кириллъ Ламалу находитъ это необходимымъ, то весь 32-ой полкъ того же мнѣнія!.. Не такъ ли, Жанъ Палава?.. Я, Цезарь Капестангъ, и всѣ мы добровольцы, причисленные къ храброму 32-му полку, мыслимъ и дѣйствуемъ какъ одинъ человѣкъ!

Со всѣхъ сторонъ стали собираться солдаты и начали, тѣснясь, выкрикивать свои фамиліи, чтобы принять участіе въ этомъ неожиданномъ производствѣ. Между ними находились Мимизанъ и Бискароссъ, бывшіе пастухи, ходившіе на ходуляхъ по глубокимъ пескамъ Гасконіи, а теперь гренадеры 75-го полка. Они были давно знакомы съ Николаемъ Гуло и его женой Пьереттой, или теткой Пьереттъ, какъ ее запросто называли солдаты;—это была настоящая парижанка съ головы до ногъ, живая, подвижная и заботливая какъ мать.

Въ числѣ другихъ тутъ находился гренадеръ Кукуронъ изъ Ардеши тоже изъ 75-го полка и Жанъ Тука бывшій доброволецъ 5-го полка изъ Вара, считавшійся лучшимъ стрѣлкомъ роты. Онъ съ восторгомъ восхвалялъ Бонапарта.

— Онъ чуть ли не землякъ мой!—съ гордостью прибавлялъ Жанъ Тука. — Вѣдь рѣка Варъ отдѣляется отъ Корсики только моремъ.

Но молодымъ генераломъ восторгались не только южане, двое солдатъ изъ дивизіи Массены также были очарованы имъ. Они особенно отличились въ этотъ

день при Кастильоне въ послѣднемъ натискѣ, благодаря которому дрогнувшіе ряды австрійцевъ были отброшены.

Одного изъ нихъ звали Самоа: это былъ долговязый солдатъ съ стальными мускулами и рѣшительнымъ отважнымъ лицомъ; онъ принадлежалъ къ батальону парижскихъ гренадеровъ-добровольцевъ, который вошелъ въ составъ 18-го полка.

Другой былъ небольшого роста съ широкой грудью и длинными мускулистыми руками. Онъ служилъ въ томъ же полку, какъ и Самоа.

Изъ всѣхъ этихъ храбрыхъ удальцовъ, собравшихся у костра, сержантъ Гуло былъ старшій. Онъ участвовалъ уже въ осадѣ Майнца и былъ старымъ солдатомъ Западной Рейнской арміи. Ему уже было тридцать три года, между тѣмъ какъ другимъ солдатамъ было отъ двадцати одного до двадцати шести лѣтъ. Но всѣ собравшіеся тутъ сходились въ желаніи почтить генерала Бонапарта.

Въ то время Наполеону было всего двадцать семь лѣтъ! За нѣсколько дней до этого сраженія всѣ эти воины никогда не слышали его имени, и до принятія имъ командованія надъ арміей никто изъ нихъ его не видѣлъ. Но своимъ необыкновенно быстрымъ походомъ онъ привелъ всю армію въ восторгъ.

Начиная съ 11 апрѣля 1796 г., со дня побѣды подъ Монтеноттомъ, молодой генералъ побѣдоносно провелъ свою армію черезъ всю сѣверную Италію: Миллезимо, Дего, Мондови, Піаченца, Лоди, Боргетто громко говорили о его славѣ. А за ними послѣдовалъ этотъ шестидневный походъ, который завершился сегодняшнимъ славнымъ днемъ 5-го августа: благодаря этой побѣдѣ, одержанной на обширной долинѣ Кастильоне, гдѣ теперь расположились бивуакомъ утомленныя войска, грозный генералъ Вурмзеръ былъ разбитъ на-голову и вынужденъ былъ покинуть Италію.

Всѣ солдаты ликовали и съ восторгомъ говорили о

молодомъ вождѣ. Съ оживленіемъ перечисляли они важнѣйшія событія, выдающіяся сраженія, геніальные маневры и переходы, благодаря которымъ юный генералъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ апрѣля по августъ, достигъ апогея своей славы.

Передъ блестящей звѣздой Бонапарта меркли звѣзды остальныхъ славныхъ французскихъ полководцевъ,

Всѣ солдаты съ восторгомъ говорили о своемъ вождѣ.

которые готовы были безъ зависти преклониться предъ изумительнымъ военнымъ геніемъ юнаго вождя.

Солдаты постарше, какъ Николай Гуло, участвовавшіе въ походахъ на Рейнъ, при осадѣ Майнца и въ ожесточенныхъ схваткахъ въ Вандеѣ, сначала не очень увлекались юнымъ полководцемъ; они находились еще подъ обаяніемъ побѣдъ, одержанныхъ въ походахъ съ славными вождями Марсо, Гошомъ и Клеберомъ; но

восторгъ и преданность молодыхъ солдатъ Альпiйской армiи къ Ожеро и Массенѣ сразу остыли при побѣдахъ юнаго Бонапарта.

Съ прибытiемъ новаго главнокомандующаго, посланнаго директорiей въ Италiю, молодые солдаты, воодушевленные его воззванiями и рѣчами, сдѣлали изъ него своего кумира: къ нему одному питали они довѣрiе, и уже одно имя его было равносильно побѣдѣ.

— Это мы первые вмѣстѣ съ 75-ымъ полкомъ, послѣ дѣла подъ Лоди, возвели его въ капралы!—воскликнулъ Кириллъ Ламалу, съ восторгомъ вспоминая тотъ вечеръ.

И дѣйствительно, 32-ой полкъ первый задумалъ произвести Бонапарта въ капралы. Къ нему тотчасъ присоединился 75-й полкъ, а черезъ нѣсколько часовъ всѣ баталiоны, полки и вся армiя единогласно одобрили это производство.

— Лоди! Да, это было славное дѣло!—важно замѣтилъ Гуло.—Я ужъ вдоволь насмотрѣлся такихъ дѣлъ; участвовалъ при осадѣ Майнца и въ этомъ проклятомъ походѣ въ Вандею! Но честь и слава прежде всего сраженiю на мосту при Лоди. Чортъ возьми! Вотъ гдѣ дымъ стоялъ коромысломъ! Помните, какъ наши 6.000 гренадеръ, съ ружьями наперевѣсъ, ринулись на 16.000 австрiйцевъ съ ихъ 20 орудiями! Это была схватка на славу! Правду сказать, надо умѣть шевелить мозгами, чтобы знать, на что способны солдаты!

— Онъ умѣетъ говорить съ нами!—вскричалъ Жанъ Тука съ увлеченiемъ.—Помните, какъ онъ, указывая на Италiю, сказалъ намъ: „Ганнибалъ перешелъ черезъ Альпы, а мы обошли ихъ!..“

— Это было благоразумнѣе,—перебилъ его Палава.—Ну, и ловкачъ же нашъ генералъ!

— А знаете, чему я больше всего удивляюсь?—замѣтилъ Капестангъ.—Это, когда онъ обратился къ намъ съ своей удивительной рѣчью послѣ заключенiя перемирiя подъ Хераско, послѣдствiемъ котораго былъ

миръ съ Пьемонтомъ, доставившій намъ необходимый отдыхъ. Онъ сказалъ намъ слѣдующее: „Побѣдители при Монтеноттѣ, Миллезимо, Дего и Мондови сгораютъ отъ желанія распространить еще дальше славу французскаго оружія!" Вѣдь это было равносильно обѣщанію, что намъ не придется гнить, сидя на мѣстѣ, и что намъ предстоитъ пройти еще не одну милю... И дѣйствительно, всѣ мы готовы были идти впередъ!

— Но еще лучше онъ намъ растолковалъ, что оставалось еще сдѣлать послѣ взятія Милана!—воскликнулъ Кириллъ Ламалу.—Я теперь еще слышу его слова: „Солдаты, вы ринулись съ Апеннинъ, какъ бурный потокъ, вы смыли и разсѣяли всѣ преграды на своемъ пути!.. Ваши отцы и матери, жены и сестры гордятся вашей славой!.. Да, солдаты, вы совершили великое дѣло!.. Но развѣ вамъ уже болѣе нечего дѣлать?.. Въ будущемъ ваши сограждане съ гордостью будутъ говорить, указывая на васъ: „Смотрите, это одинъ изъ героевъ итальянской арміи!"

Восторженное, громкое ура раздалось со всѣхъ сторонъ при воспоминаніи объ этихъ словахъ, которыя воспламеняли солдатъ и заставляли ихъ безъ колебанія идти впередъ.

— Помяните мое слово, нашъ „Маленькій капралъ" еще не разъ заговоритъ съ нами такимъ образомъ!— сказалъ въ заключеніе Ламалу.

— Ты хотѣлъ, вѣроятно, сказать сержантъ? — спросилъ Муссонъ.

— Это пустяки!—вмѣшалась въ разговоръ маркитантка.—Хотя я первая предложила возвести его въ сержанты, но теперь убѣждена, что чинъ капрала ему больше къ лицу, и званіе „Маленькій капралъ" больше польститъ ему! Это первый разъ, что солдаты даютъ своему генералу новый чинъ!.. Не правда ли, граждане?.

— Что касается титуловъ,—вмѣшался Самоа, подмигивая,—то я того мнѣнія, что онъ будетъ шагать впередъ такъ быстро, что намъ не поспѣть за нимъ!

Я думаю, что недалеко то время, когда онъ будетъ генералъ надъ генералами! Ему нужно лишь время, чтобы сорвать всѣ листья съ дерева побѣды! И тѣ, которые не будутъ отставать отъ него, не пожалѣютъ, что слѣдовали за нимъ! Онъ награждаетъ щедро, но и наказываетъ строго, все равно будь то командиръ или простой солдатъ!.. Главное, надо ему угодить, и мы ужъ постараемся это сдѣлать!

— Непремѣнно... угодимъ, если только не покончатъ съ нами на какомъ-нибудь проклятомъ полѣ,— пробормоталъ Бискароссъ.—Было бы очень досадно, если бы намъ не пришлось участвовать во всѣхъ походахъ!.. Не такъ ли, Мимизанъ?

— Да, все зависитъ отъ случая!—философски замѣтилъ Николай Гуло, выколачивая табакъ изъ трубки.—Ну, взгляните на меня! Одному Богу вѣдомо, чего я только не пережилъ съ тѣхъ поръ, какъ ношу свой ранецъ! И что же?.. Я такъ же легко работаю ружьемъ и штыкомъ, какъ и прежде, и убѣжденъ, что въ этомъ походѣ не лягу костьми, хотя бы для того только, чтобы не огорчить Пьеретту.

Маркитантка съ трудомъ подавила глубокій вздохъ.

— Пока я буду ухаживать за ранеными въ пути,— сказала она,—никто не останется въ аріергардѣ, ни ты, Николай, и никто другой. Было бы очень обидно не услышать больше своего имени отъ кого-либо изъ васъ!—при этихъ словахъ она указала своей чумичкой на солдатъ 75-го полка и поспѣшила скрыть свое волненіе, крикнувъ: — Рагу готово, пора поужинать!

— Отлично сказано,—замѣтилъ изголодавшійся Муссонъ,—это будетъ легче сдѣлать, чѣмъ взять редутъ Медолано, которымъ такъ быстро овладѣлъ генералъ Вердье во главѣ трехъ батальоновъ гренадеръ.

Въ это время костеръ ярко разгорѣлся отъ подброшеннаго хвороста и освѣтилъ двухъ офицеровъ, стоявшихъ невдалекѣ отъ бесѣдовавшихъ вокругъ костра солдатъ. Пьеретта указала на нихъ солдатамъ.

— Взгляните-ка,—сказала она,—на этихъ товарищей по оружію, какъ мы прозвали ихъ послѣ пережитаго ими приключенія!.. Вамъ всѣмъ они могутъ служить примѣромъ. Они молоды и такъ храбры, что этого нельзя было ожидать, глядя на ихъ розовыя нѣжныя лица. Посмотрите-ка, какъ они беззаботно болтаютъ тамъ, точно дома у матери передъ печкой!.. Одинъ рисуетъ съ другого портретъ, и это послѣ такого тя-

„Взгляните на этихъ товарищей по оружію!“ сказала маркитантка.

желаго дня, какъ сегодня, когда у всѣхъ въ животѣ бушуетъ голодъ! Ну, и молодцы!..

Всѣ оглянулись на двухъ офицеровъ.

Одинъ изъ нихъ неподвижно стоялъ въ треуголкѣ, опираясь лѣвой рукой на ефесъ своей сабли и стараясь не шевелиться. Его гордое отважное лицо съ тонкими чертами лица освѣщалось костромъ, при свѣтѣ

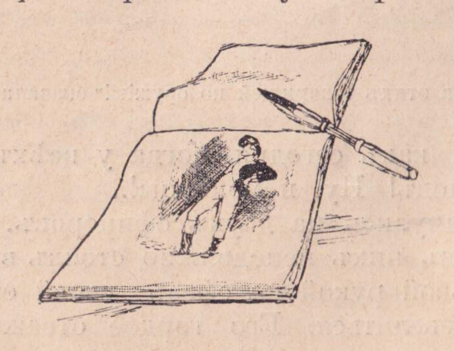
котораго можно было разглядѣть его кроткіе голубые глаза и слегка вьющіеся волосы. Другой сидѣлъ на барабанѣ, и смѣлыми штрихами набрасывалъ въ альбомъ контуры молодой, мужественной головы своего друга. Онъ такъ углубился въ свою работу, что не видѣлъ и не слышалъ ничего, что творилось кругомъ.

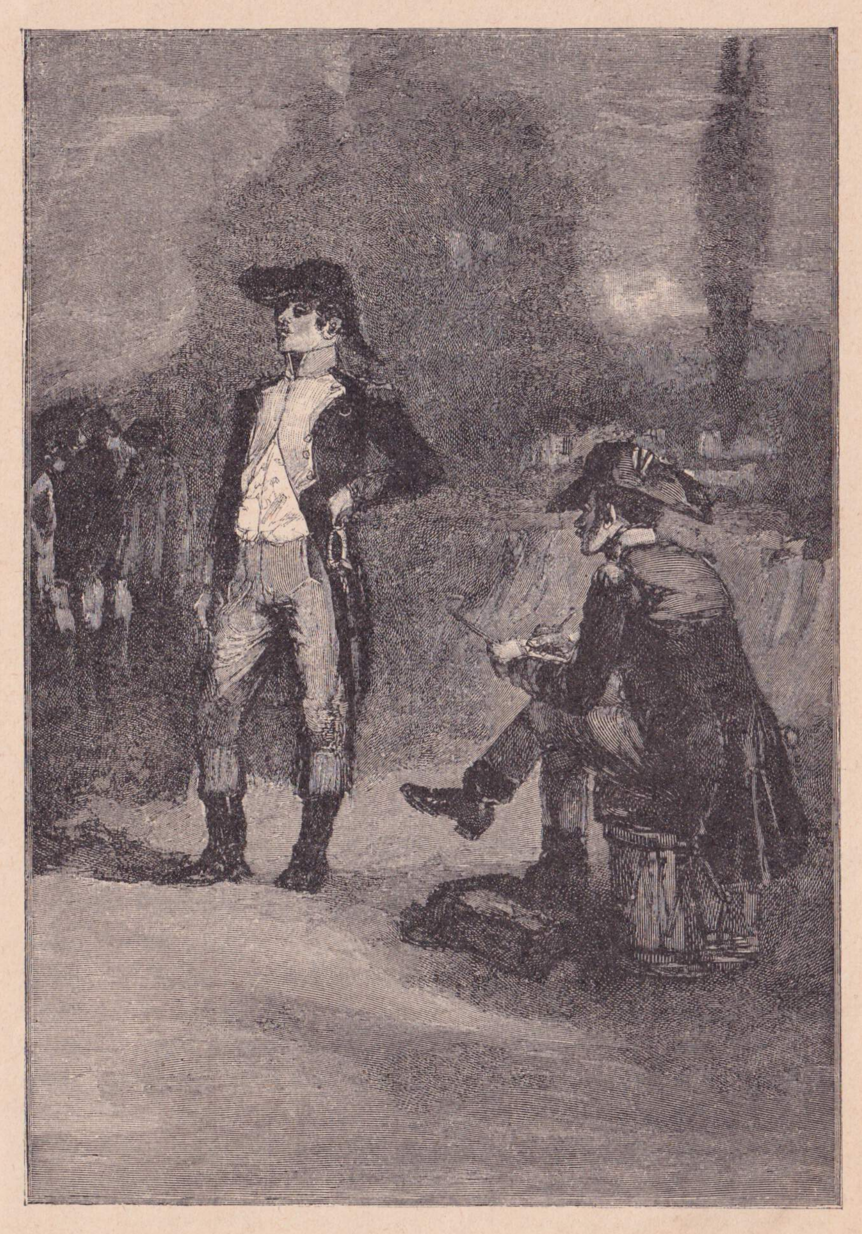
Это занятіе на пропитанномъ кровью полѣ сраженія, гдѣ только что замолкли пушечные выстрѣлы, и беззаботное спокойствіе обоихъ офицеровъ были такъ необыкновенны, что солдаты на мгновеніе забыли о ѣдѣ и посмотрѣли на молодыхъ офицеровъ.

— Что это онъ тамъ дѣлаетъ?—спросилъ бретонецъ Плуэ.—Не составляетъ ли онъ какой-нибудь планъ?

— Сразу видно, что онъ дѣлаетъ,—возразила Пьеретта, улыбнувшись невѣжеству солдата.—Вотъ этотъ, капитанъ Севранъ нашего полка, рисуетъ портретъ своего „товарища по оружію", капитана Бершера, который перешелъ въ нашъ полкъ послѣ того, какъ подъ Мондови Севранъ ему спасъ жизнь. Это храбрые офицеры, хотя они еще очень молоды. Одинъ бросилъ свои кисти и карандаши, а другой свой графскій титулъ и, сдѣлавшись простыми гражданами, поступили въ армію, чтобы принять участіе въ защитѣ отечества!

Между тѣмъ, оба молодыхъ офицера, дружески бесѣдуя, не замѣчали, что на нихъ устремлены любопытные взоры собравшихся у костра солдатъ.





Севранъ рисуетъ портретъ де-Бершера.

Севранъ шпагой пронзилъ грудь пьемонтца.

ГЛАВА VII.

Наслѣдникъ клада.

— Побольше въ профиль!.. Голову повыше!.. Вотъ такъ отлично!.. Пожалуйста, повернись лицомъ къ костру!.. Чудесное освѣщеніе!.. Когда я подправлю красками, то получится превосходный портретъ! Кажется, я удачно передалъ твое кроткое, но энергичное лицо, дорогой Жанъ, и когда твоя сестричка увидитъ портретъ своего брата съ подписью: „Поле сраженія подъ Кастильоне“, то не мало будетъ гордиться своимъ братомъ!

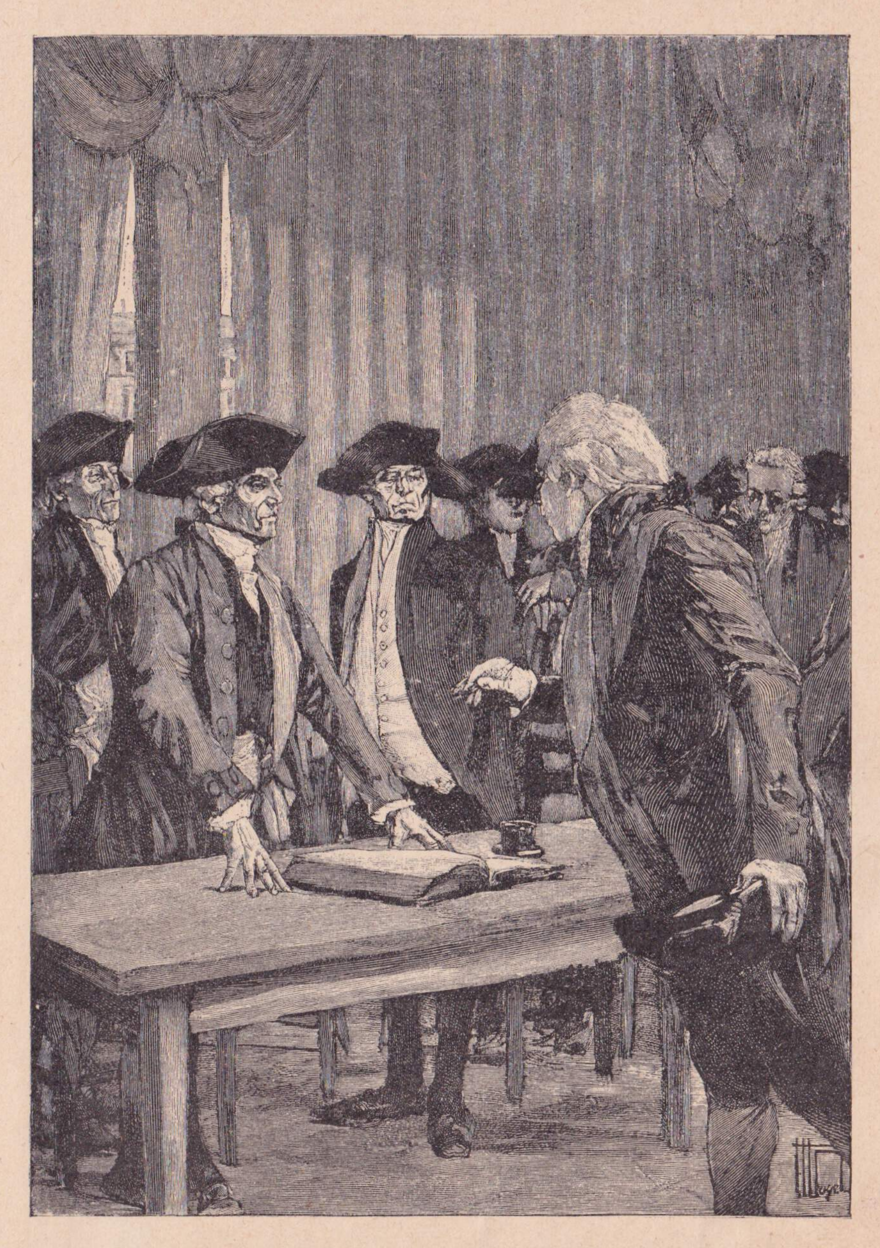
— Бѣдняжка Антуанетта! — сказалъ Жанъ Берперъ. — Больше всего она будетъ рада тому, что я не погибъ тутъ на полѣ битвы. Она, правда, гордится тѣмъ,

что я офицеръ, но она не имѣетъ понятія о томъ, какія требованія предъявляютъ офицеру, и съ какими опасностями связано это званіе.

— Мы въ одинъ и тотъ же день вступили въ армію! — сказалъ Севранъ.—И день этотъ навсегда останется самымъ дорогимъ для меня! Ты знаешь, что я охотно говорю объ этомъ, когда вспоминаю трибуну у Понтъ-Невъ, на которой мы въ сентябрѣ 1792 г. впервые встрѣтились, ты—аристократъ изъ знатной семьи Бершеръ, я—бѣдный, неизвѣстный художникъ, ищущій славы. Но обоихъ насъ привело туда одно и то же желаніе записаться въ ряды защитниковъ отечества, которое находилось въ опасности!

— Да, Францiя! Я только и думалъ о нашей дорогой Франціи! Мои близкіе видѣли ее лишь въ королѣ и сторонникахъ монархіи. Я же чувствовалъ, что Франція взрастила меня, я сросся съ нею всѣмъ моимъ существомъ. Покинуть родину въ то время, когда ее тѣснили всѣ державы Европы, казалось мнѣ предательствомъ!.. Жизнь моя принадлежитъ моему отечеству! Оно для меня дороже всего на свѣтѣ! — воскликнулъ съ возбужденіемъ Жанъ, и глаза его заблестѣли, а рука, опиравшаяся на ефесъ шпаги, слегка задрожала.

— И какая чудесная картина представилась намъ тогда!—воскликнулъ Севранъ, передъ глазами котораго ясно всплыли былыя событія начала революціи.—Пушечные выстрѣлы, барабанный бой, со всѣхъ сторонъ громкое пѣніе марсельезы... Кругомъ рукоплесканія несмѣтной толпы народа, когда мы вмѣстѣ съ другими гражданами поднимались по эстрадѣ, разукрашенной флагами, а затѣмъ вписали свои имена на заполненныя подписями страницы Книги отечества. Рядомъ съ нами толпились люди всѣхъ званій: художники, ученые, рабочіе, аристократы,—всѣ спѣшили откликнуться на призывъ отечества. Передо мною вписалъ свою фамилію Жанъ Бершеръ, бывшій графъ де-Бершеръ; онъ также жертвовалъ собою для отечества, а вслѣдъ за



Добровольцы вписываютъ свои имена въ Книгу отечества.

нимъ и я вписалъ свою фамилію въ Книгу. Въ ту минуту я не предполагалъ, что судьба черезъ четыре года сведетъ насъ на полѣ брани...

— Не забудь, что ты въ тотъ роковой день спасъ мнѣ жизнь,—перебилъ его взволнованнымъ голосомъ Жанъ.—Никогда не забуду я Мондови, гдѣ мы снова встрѣтились послѣ столькихъ важныхъ событій!.. Родные мои, покинувъ родину, отвернулись отъ меня за то, что во мнѣ голосъ долга заговорилъ громче голоса крови!.. И тѣмъ не менѣе я люблю своего отца, мою добрую нѣжную мать и брата, несмотря на его суровую нетерпимость! Какъ тяжело было бы мнѣ оставаться безъ вѣстей о нихъ! Но при нихъ находится моя дорогая сестра и славный Гривэ, мой молочный братъ!..

При этомъ воспоминаніи слезы затуманили его глаза.

Чтобы отвлечь своего друга отъ этихъ думъ, Севранъ перемѣнилъ разговоръ.

— Ты забылъ, Жанъ,—сказалъ онъ,—что мы снова встрѣтились во время штурма главнаго форта Мондови и не узнали другъ друга!..

— Не помню, какъ тогда обстояло дѣло,—отвѣтилъ Бершеръ улыбаясь. — Сильный ударъ прикладомъ свалилъ меня съ ногъ, и я потерялъ сознаніе! Безъ тебя...

— Пустяки!... Ты преувеличиваешь мои заслуги! Мои гренадеры тоже не мало потрудились тогда, чтобы выручить тебя! Благодаря имъ, я успѣлъ проколоть шпагой того молодца, который хотѣлъ прикончить тебя вмѣстѣ съ восхитительнымъ портретомъ молодой дѣвушки, висѣвшимъ у тебя на груди на тонкой цѣпочкѣ. Я бросился спасать это произведеніе искусства...

Говоря это Маркъ Севранъ усердно продолжалъ рисовать.

— Я не забуду, что обязанъ тебѣ жизнью!—сказалъ Бершеръ, протягивая Севрану руку.

— Хорошо, хорошо! Только не шевелись, а то портретъ не будетъ похожъ!

Дѣйствительно, во время штурма редута ла-Бикокъ подъ Мондови, которымъ руководилъ генералъ Серюрье, лейтенанту Севрану удалось спасти жизнь Жану Берперъ, который первымъ проникъ въ бастіонъ и чуть не палъ жертвой своей безразсудной отваги въ ту минуту, когда непріятель сдѣлалъ неожиданно отчаянную вылазку!

Казалось, гибель Жана Бершеръ была неминуема, когда онъ свалился съ ногъ отъ удара прикладомъ; но въ ту же минуту Севранъ успѣлъ пронзить грудь нападавшаго пьемонтца шпагой и прикрыть собою павшаго товарища; тѣмъ временемъ его гренадеры успѣли отбросить непріятеля. Севранъ самъ перенесъ раненаго на перевязочный пунктъ.

Полученная Жаномъ рана въ голову оказалась неопасной. Придя въ себя, онъ замѣтилъ, что другъ его весь ушелъ въ созерцаніе медальона, висѣвшаго у него на груди. Въ медальонъ былъ вставленъ портретъ дѣвочки лѣтъ 12—14, настоящій шедевръ, и Севранъ пришелъ въ восторгъ какъ отъ художественнаго исполненія портрета, такъ и отъ красиваго личика дѣвочки.

— Кто эта дѣвочка? — спросилъ Севранъ своего друга.

— Это моя сестра, маленькая Антуанетта! – сказалъ Бершеръ.—Передъ битвой я всегда обращаюсь къ ней съ такой просьбой: „Дорогая сестричка, будь моимъ ангеломъ-хранителемъ“.

Обоихъ офицеровъ связывала тѣсная дружба. Съ разрѣшенія главнокомандующаго они поступили въ 75-й полкъ, сражавшійся съ такимъ отличіемъ подъ Кастильоне, а послѣ битвы подъ Лоди, 11 мая 1796 г., въ которой оба они участвовали, ихъ произвели въ капитаны.

Маркъ Севранъ часто бесѣдовалъ съ своимъ другомъ о его любимой сестрѣ, которая одна изъ всей семьи не отвернулась отъ брата. Между прочимъ, Жанъ разсказалъ Севрану, что онъ переписывается съ сестрой, благодаря

посредничеству молодого слуги, Жерома Гривэ, его молочнаго брата, и что родители не знаютъ объ этомъ, а если знаютъ, то не мѣшаютъ имъ переписываться.

Севранъ любовался медальономъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1792 г. Севранъ записался въ число добровольцевъ и былъ причисленъ къ 7-му Сенскому батальону, ему пришлось во время походовъ побывать въ разныхъ странахъ.

Когда же его причислили къ 6-му полку, входившему въ составъ итальянской арміи, и онъ попалъ въ Италію,

въ немъ снова пробудилась со всею силой любовь къ искусству. Предстояло завоеванiе страны, гдѣ хранились величайшiя художественныя произведенiя.

Молодой генiальный полководецъ обратился къ войскамъ съ захватывающею рѣчью, рисовавшею самыя заманчивыя перспективы, и Севранъ также увлекся воинскими подвигами и нерѣдко обходилъ послѣ сраженiя поле битвы, зарисовывая въ свою тетрадь сцены или силуэты солдатъ и офицеровъ.

Жанъ де-Бершеръ тоже интересовался искусствомъ, такъ что друзья пользовались всякимъ случаемъ, чтобы осматривать музеи и всѣ достопримѣчательности завоеванныхъ Бонапартомъ городовъ: Турина, Милана, Пармы и Бресчiи.

Вечеромъ послѣ одержанной подъ Кастильоне побѣды Севранъ высказалъ Бершеру свои надежды на близкую возможность снова насладиться искусствомъ.

— Подвигаясь такъ быстро впередъ, мы, безъ сомнѣнiя, скоро будемъ въ прекрасной Венецiи, царицѣ Адрiатики! Тамъ мы увидимъ замѣчательныя произведенiя Джiованни Беллини, Тицiана, Тинторетто, Паоло Веронезе и многихъ другихъ безсмертныхъ художниковъ!.. Венецiя съ ея соборомъ св. Марка, дворцомъ дожей и другими палаццо,—это шедевры, приводящiе въ восторгъ художниковъ.

Слушая своего друга, Бершеръ тяжело вздохнулъ:

— Въ Венецiи находятся мои родные!.. Я познакомлю тебя съ моей сестрой. Рѣдко можно встрѣтить дѣвушку, которая такъ сильно восторгается искусствомъ, въ особенности живописью!

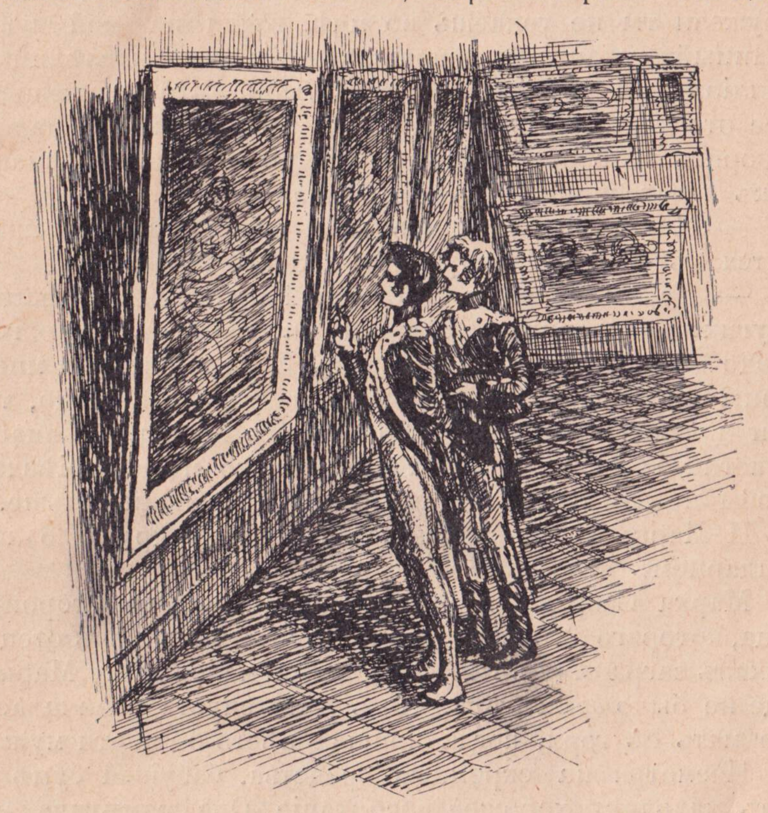
Севранъ промолчалъ съ минуту, а затѣмъ сказалъ:

— Кстати, въ этой Венецiи, куда теперь ведетъ насъ Бонапартъ, хранится нѣчто, о чемъ я тебѣ еще не говорилъ. Правда, это семейная тайна, но я смѣюсь надъ ней. До сихъ поръ я стѣснялся говорить съ тобою о ней и думаю, что ты тоже посмѣешься, когда я разскажу тебѣ, въ чемъ она состоитъ! Но для меня лично тайна

эта связана съ горемъ. Я тебѣ сейчасъ разскажу все. Вообрази себѣ, дѣло это касается клада!..

— Клада?—повторилъ съ изумленіемъ Бершеръ.

— Да, клада, другъ мой, огромнаго клада, и единственный наслѣдникъ его—я, Маркъ Севранъ! Это дол-



Друзья осматриваютъ музей.

гая исторія и походитъ на сказку изъ „Тысячи и одной ночи“. Ты не думай, что я простой капитанъ, который живетъ только своимъ скромнымъ жалованьемъ или неизвѣстный художникъ, которому приходится размалевывать полотно, чтобы прокормить себя. Нѣтъ, я—Язонъ, царь Аргонавтовъ, и ѣду въ Колхиду за золотымъ ру-

номъ!.. Да, представь себѣ, именно за золотымъ руномъ!.. А моя Колхида—это Венеція. Я не преувеличиваю, другъ мой! И если вѣрить этой легендѣ, то рѣчь идетъ о милліонахъ, не объ одномъ или двухъ жалкихъ милліонахъ, а о цѣлой массѣ милліоновъ!.. Неужели ты не узнаешь во мнѣ, глядя на мой изодранный мундиръ и изношенные сапоги, наслѣдника милліоновъ?.. Ха, ха, ха!.. Что ты на это скажешь?.. Все это такъ невѣроятно, что я прежде не рѣшался говорить тебѣ объ этомъ! А теперь я и самъ не знаю, какъ я заговорилъ о своихъ милліонахъ!..

— И ты говоришь, что этотъ огромный кладъ хранится въ Венеціи?—спросилъ недовѣрчиво Жанъ.

— Да, въ Венеціи. Но въ ней хранится множество другихъ сокровищъ, которыя интересуютъ меня гораздо больше, чѣмъ этотъ кладъ. Если только эти милліоны не сгинули въ туманахъ лагунъ или Лидо, то они должны храниться въ погребахъ Цекки, главнаго монетнаго двора. Они ждутъ только моего пріѣзда, чтобы прилетѣть въ мои объятія!.. Но слушай дальше...

И Маркъ Севранъ разсказалъ своему другу о легендарномъ наслѣдствѣ.

Марка Севрана воспитывала бабушка со стороны отца, котораго онъ вовсе не помнилъ, такъ какъ отецъ уѣхалъ заграницу въ 1780 г., когда маленькому Марку еще не было семи лѣтъ. Пять лѣтъ спустя скончалась его мать съ горя, когда пришла вѣсть о смерти мужа.

Несмотря на скромныя средства, бабушка сумѣла дать мальчику хорошее воспитаніе. Она замѣтила во внукѣ дарованіе къ живописи и дала ему возможность учиться этому искусству.

Объ отцѣ его она никогда не говорила съ нимъ; напротивъ, всегда избѣгала отвѣчать, когда мальчикъ ее спрашивалъ, почему отецъ не возвращается изъ своего путешествія. Мало по-малу маленькій Маркъ Севранъ сталъ забывать отца, онъ увлекся живописью и сталъ думать только о томъ, какъ бы заработать

столько, чтобы обезпечить своей бабушкѣ спокойную старость, а себѣ создать почетное положеніе въ обществѣ и среди художниковъ.

Въ 1791 г. бабушка его серьезно захворала и, чувствуя приближеніе смерти, разсказала ему, какъ ихъ постигло несчастье, какъ погибъ его отецъ, гибель котораго была причиною смерти матери и разоренія всей семьи, существовавшей раньше безбѣдно, благодаря заработку отца.

Однажды въ 1779 г. отецъ его, Матье-Маркъ Севранъ, разбирая старыя бумаги, оставленныя ему по наслѣдству отъ давно умершаго родственника, наткнулся на пакетъ пожелтѣвшихъ отъ времени документовъ, написанныхъ на французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Эти старые документы повѣдали ему удивительную исторію. Въ нихъ говорилось, что Севраны были наслѣдниками нѣкоего Атаназіо Рицло изъ Венеціи, который скончался тамъ въ 1624 г. Не имѣя близкихъ родственниковъ, онъ все свое состояніе, помѣщенное въ Цеккѣ, завѣщалъ французу по имени Севранъ, съ которымъ онъ однажды встрѣтился и близко познакомился въ Бресчіи. Молодой умный французъ понравился ему, и онъ сдѣлалъ его своимъ товарищемъ и повѣреннымъ въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ. Чтобы избавить Севрана отъ лишнихъ безпокойствъ и назойливости непрошенныхъ наслѣдниковъ, онъ поручилъ составить духовное завѣщаніе нотаріусу на Корфу, согласно которому главная доля состоянія назначалась Севрану, а остальное онъ отказалъ на благотворительныя дѣла въ Венеціи и другихъ городахъ и кромѣ того тысячу червонцевъ для служенія панихидъ по себѣ.

Севранъ, наслѣдовавшій состояніе Рицло, былъ холостъ и скончался въ 1654 г., завѣщавъ все своему двоюродному брату, жившему во Франціи и носившему то же имя и фамилію, какъ и онъ, и обязавъ его дать старшему сыну своему имя Маркъ, въ честь святого покровителя Венеціи.

Севранъ составилъ свое завѣщаніе также тайкомъ на Корфу и у того же нотаріуса, тоже отказавъ благотворительнымъ учрежденіямъ часть своего состоянія и назначивъ тысячу червонцевъ на панихиды. Унаслѣдованный отъ Риццо капиталъ, а также имъ самимъ нажитыя 800,000 золотыхъ онъ внесъ на храненіе въ Цекку, главный монетный дворъ Венеціи.

Вся эта исторія о наслѣдствѣ казалась неправдоподобной уже потому, что въ Венеціи еще никто никогда не заявлялъ правъ на это наслѣдство. Вѣроятно, жившій въ 1654 г. во Франціи Севранъ не былъ извѣщенъ объ оставленномъ ему наслѣдствѣ, а можетъ быть онъ также уже скончался, и дѣти его или утратили завѣщаніе или оно затерялось среди различныхъ семейныхъ бумагъ. Трудно было рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ въ теченіе 125 лѣтъ, съ 1654—1779 года, никто не касался этой тайны.

Единственнымъ косвеннымъ свидѣтельствомъ въ пользу вѣроятности всей этой исторіи о наслѣдствѣ было то, что уже нѣсколько поколѣній подъ рядъ старшему сыну въ семьѣ давалось имя Маркъ. Но Матье-Маркъ Севранъ не зналъ настоящей причины этого и назвалъ своего сына Маркомъ потому только, что это вошло въ обычай у нихъ въ семьѣ.

Послѣ прочтенія этихъ документовъ у Матье-Марка Севрана совсѣмъ закружилась голова, и онъ сталъ мечтать только объ этомъ громадномъ состояніи и о томъ, какъ бы добыть его.

Не обращая вниманія на увѣщанія матери и просьбы жены, увѣрявшей его, что она вполнѣ счастлива безъ этихъ денегъ, что это громадное состояніе даже пугаетъ ее, онъ въ 1780 г. уѣхалъ изъ Франціи сначала на Корфу. При этомъ онъ уговорилъ своего преданнаго слугу Тома Лабера, молодого здороваго человѣка, однихъ съ нимъ лѣтъ, ѣхать съ нимъ, пообѣщавъ ему крупную сумму изъ того огромнаго состоянія, за которымъ собирался ѣхать.

Въ первые годы жена Северана часто получала письма отъ мужа, въ которыхъ онъ подробно сообщалъ ей о всѣхъ своихъ хлопотахъ по наслѣдству.

Сначала они потерпѣли крушеніе, вслѣдствіе чего имъ пришлось пробыть въ Италіи дольше, чѣмъ они предполагали, а когда прибыли на Корфу ихъ постигли новыя разочарованія: они не могли найти нотаріуса, фамилія котораго встрѣчалась на всѣхъ документахъ. Розыски продолжались мѣсяцы и даже годы. Нужно было поселиться на Корфу на долгое время и жить тамъ такъ, какъ живетъ простой народъ, чтобы съ успѣхомъ продолжать свои поиски. Можетъ быть, въ документахъ фамилія нотаріуса была написана неправильно, или со смерти его прошло слишкомъ много времени, или же онъ покинулъ островъ вскорѣ послѣ 1654 г.

Въ декабрѣ 1785 г. семья Севрана получила отъ него послѣднее письмо изъ Венеціи; оно было очень кратко:

„Меня со всѣхъ сторонъ окружаютъ опасности, поэтому я долженъ быть крайне остороженъ. Теперь у меня довольно основательная надежда, что достигну цѣли. Севранъ.“

Вскорѣ послѣ этого въ началѣ 1786 г. жена получила отъ французскаго посла въ Венеціи извѣщеніе о смерти Матье-Марка Севрана. Всѣ хлопоты, съ цѣлью узнать какія-либо подробности о кончинѣ мужа, не увѣнчались успѣхомъ. О Лаберѣ также не было никакихъ вѣстей.

Сообщивъ внуку горестный разсказъ о поискахъ наслѣдства и смерти его отца, старушка стала умолять его навсегда отказаться отъ этихъ денегъ.

Хотя Маркъ Севранъ по своей молодости и былъ склоненъ ко всякаго рода приключеніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ у него роились другіе планы, и потому онъ охотно обѣщалъ ей это,—тѣмъ болѣе что, прочитавъ всѣ изготовленныя отцомъ копіи со взятыхъ имъ съ

собой бумагъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что вся эта исторія съ наслѣдствомъ имѣетъ крайне шаткое основаніе.

Вскорѣ послѣ смерти бабушки Маркъ Севранъ былъ захваченъ тѣмъ революціоннымъ движеніемъ, которое вызвало во Франціи огромный переворотъ. Онъ тотчасъ отказался отъ намѣренія ѣхать въ Венецію, куда его влекло не таинственное наслѣдство, а желаніе отыскать могилу своего несчастнаго отца.

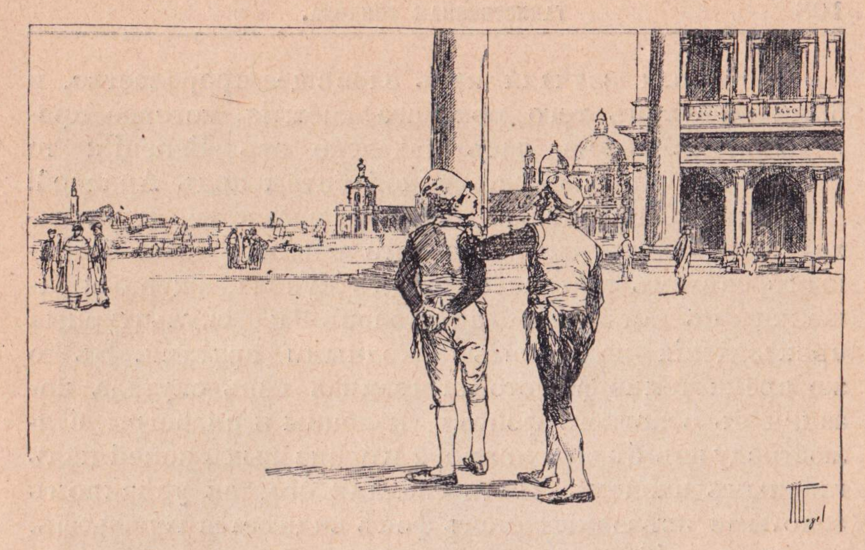
Между тѣмъ во Франціи событія быстро слѣдовали одно за другимъ, и опасности, грозившія Франціи, заставили молодого художника пожертвовать собою ради защиты дорогой родины.

Сегодня онъ въ первый разъ вспомнилъ всѣ эти забытые разсказы объ огромномъ наслѣдствѣ, о которомъ разсказалъ своему другу.

Вдругъ вблизи раздался громкій женскій голосъ, сразу напомнившій друзьямъ о дѣйствительности:

— Господа капитаны, обѣдъ готовъ!

— Обѣдать!—крикнулъ Севранъ, поспѣшно убирая свой альбомъ и шутливо поглядывая на друга,—теперь на цѣлыхъ четверть часа я готовъ отказаться отъ всѣхъ милліоновъ Цекки!



„Не правда ли наши бронзовые кони очень красивы?“ сказалъ Беппо.

ГЛАВА VIII.

Около клада.

— Не правда ли, Марино, наши бронзовые кони, которыми ты такъ залюбовался, очень красивы?.. А ты все еще убѣжденъ, что они покинутъ насъ, какъ говорится въ пѣснѣ, которую ты такъ часто напѣваешь?

Марино Фано задумчиво стоялъ близъ собора св. Марка и смотрѣлъ на знаменитый пьедесталъ работы скульптора Леопардо съ тремя мачтами, на которыхъ весело развѣвались флаги Кипра, Кандіи и Мореи. На вопросъ Беппо онъ зловѣще произнесъ пророчество Аламани:

„Тогда Буцентавръ разобьется на щепы.
И владычеству Льва настанетъ конецъ!“

— Да, я все еще убѣжденъ въ этомъ!

Слова эти звучали, какъ зловѣщее пророчество, и были отзвукомъ того рокового событія, которое происходило въ этотъ часъ недалеко отъ Венеціи: то былъ третій день ожесточенной битвы подъ Арколой!

Какъ-бы предвѣщая близкое несчастье, лучи заходящаго солнца залили въ это время кроваво-багрянымъ свѣтомъ крытые свинцомъ купола, ажурныя башенки съ статуями апостоловъ и скульптурныя произведенія надъ пятью входными вратами. Въ то же время темно-фіолетовая мрачная тѣнь окутала мозаики съ золотымъ фономъ, колонны и пилястры, баллюстраду изъ бѣлаго мрамора и бронзовыхъ коней надъ главнымъ входомъ. Подъ сводами его, на усѣянномъ золотыми звѣздами синемъ фонѣ виднѣется горельефъ, изображающій страшнаго крылатаго льва, опирающагося лѣвой лапой на открытое Евангеліе.

— Ну, братъ, до этого еще далеко!—замѣтилъ насмѣшливо Беппо.

Марино молча указалъ на колонну, на которой возвышалась статуя, залитая въ эту минуту кроваво-краснымъ свѣтомъ заходящаго солнца, и торжественно произнесъ:

— На то воля св. Марка!

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ поднялся вихрь, и, какъ-бы откликнувшись на призывъ гондольера, разнузданныя силы стихіи зловѣще забушевали надъ городомъ. Холодный вѣтеръ пронесся по площади и, съ ревомъ пролетѣвъ мимо высокой Кампаниллы, сталъ захлестывать огромные шелковые флаги на мачтахъ Леопардо. Затѣмъ всколыхнулъ всю лагуну и каналы съ такой силой, что волны съ яростью залили Піаццетту и набережную, угрожая разбить въ щепы легкія гондолы, привязанныя къ берегу. Оттуда буря съ ревомъ понеслась по направленію къ Лидо.

— Слышишь ревъ льва св. Марка? — продолжалъ Марино.—Повторяю тебѣ, настало время! Да хранитъ насъ св. Маркъ!. . .

„Слышишь ревъ льва св. Марка?“ сказалъ Марино. (Стр. 108)

Несмотря на свою обычную хвастливость и самоувѣренность, Беппо почувствовалъ, какъ по спинѣ его пробѣжала легкая дрожь.

— Ужъ и задалъ мнѣ Беккаруцци трудную задачу!... Не знаю, какъ приступить къ такому человѣку и какъ заговорить съ нимъ, не вызывая подозрѣній о томъ, что больше всего насъ теперь интересуетъ! — подумалъ онъ.

— Да при чемъ тутъ ревъ льва св. Марка? — снова насмѣшливо обратился Беппо къ Марино. — Это самая обыкновенная буря! Въ это время года такія бури бываютъ часто, и я при всемъ желаніи не могу усмотрѣть въ этомъ участіе нашего святого покровителя!

Марино молча пожалъ плечами и сталъ разсматривать сцены изъ жизни св. Марка, выложенныя мозаикой на фронтонѣ паперти, и статую самого святого, золотой ореолъ котораго сверкалъ при блескѣ заходящаго солнца. Затѣмъ онъ сталъ прислушиваться въ направленіи къ западу.

— Буря идетъ съ запада! — сказалъ онъ наконецъ. — Она обрушится на Венецію!... Горе всѣмъ, кто слышитъ и не хочетъ понять этого знаменія! Приближается освободитель, и всѣ бѣгутъ передъ нимъ и его непобѣдимымъ войскомъ!

На этотъ разъ Беппо понялъ его и, пожимая плечами, отвѣтилъ:

— Ты говоришь о генералѣ Бонапартѣ и его французахъ? Но потерпи немного и увидишь, что его скоро образумятъ! Дѣла его плохи! Силы Венеціи еще не истощены! Скоро наступитъ конецъ побѣдамъ французовъ, силы которыхъ убываютъ въ каждомъ сраженіи, между тѣмъ какъ австрійцы ежедневно пополняютъ свои полки!.. Хотя Бонапарту и удалось побить генерала Вурмзера, но все же онъ не могъ помѣшать ему укрыться въ неприступной Мантуѣ, а вскорѣ французамъ придется имѣть дѣло съ болѣе опаснымъ противникомъ, съ самимъ маршаломъ Альвинци!

Беппо твердо вѣрилъ своему другу Беккаруцци, отъ котораго добывалъ всѣ свѣдѣнія, и продолжалъ съ убѣжденіемъ:

— Если въ этомъ состоятъ твои пророчества, то ты сильно ошибаешься! Въ этомъ я больше смыслю. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ Италія станетъ могилой французовъ! Припомни потомъ, что я говорилъ тебѣ сегодня!

Марино продолжалъ хранить презрительное молчаніе. Но Беппо не унимался:

— Ну, жалкій пророкъ, что замолчалъ?... Не знаешь, что отвѣтить?... Гибель французовъ уже наступаетъ. Они одни въ Италіи и находятся за тысячи миль отъ своего отечества! Арміи, на помощь которыхъ Бонапартъ съ увѣренностью разсчитывалъ, чтобы пополнить порѣдѣвшіе ряды своихъ полковъ, отбиты и отступаютъ къ Рейну. А послать ему другія изъ Франціи директорія не можетъ! На это у нихъ не хватаетъ денегъ!... Я узналъ изъ надежнаго источника, что маршалъ Альвинци собираетъ огромную армію! Онъ формируетъ ее изъ остатковъ арміи Вурмзера, польскихъ и венгерскихъ войскъ и новобранцевъ!... Ну что? ты все еще думаешь, что я плохо освѣдомленъ?... Даже Венеція, съ которой Бонапартъ до сихъ поръ бралъ деньги, необходимыя на вооруженіе своей арміи, начинаетъ сама вооружаться!... Кромѣ того, я знаю, что Сенатъ нашъ совѣщался съ австрійскимъ посломъ относительно выбора полководца!... Но это государственная тайна!...

Хотя Марино уже зналъ все это, но продолжалъ непоколебимо вѣрить въ молодого французскаго генерала, съ именемъ котораго была связана свобода и независимость, торжества которыхъ онъ такъ жаждалъ для Венеціи.

— Знаешь, Марино, — продолжалъ Беппо, желая выпытать что-нибудь отъ своего соперника, — если бы не я, а кто другой подслушалъ, что ты желаешь побѣды французамъ, тебѣ пришлось бы поплатиться не только свободой, но и жизнью.

— Что-жъ, донеси на меня, если смѣешь, — возразилъ съ презрѣніемъ Марино,—мои вѣрные Николотти сумѣютъ защитить меня и отомстить за нанесенную мнѣ обиду!

— Не горячись, товарищъ!... Вишь, сейчасъ и разсердился!—успокаивалъ его Беппо.—Ты не правъ, Марино! Я такой же гондольеръ, какъ и ты! И хотя Кастеллани и Николотти не ладятъ между собою и даже иногда дерутся, какъ это случилось во время празднества на мосту св. Варнавы, но ни одинъ изъ нихъ никогда не выдастъ товарища!... Хочешь, я докажу тебѣ это на дѣлѣ?... Такъ послушай: я знаю, что ты давно переписываешься съ офицеромъ изъ французской арміи; фамилія его Бершеръ; это, вѣроятно, родственникъ тѣхъ эмигрантовъ, которые живутъ у канала Гранде, — и еще съ другимъ, — продолжалъ онъ, пытливо всматриваясь въ Марино,—его зовутъ, если не ошибаюсь, Севранъ или что-то въ этомъ родѣ!...

Марино быстро обернулся и съ изумленіемъ и любопытствомъ взглянулъ на Беппо, а затѣмъ не торопясь отвѣтилъ:

— А, вотъ оно что!... Тебя интересуетъ эта фамилія?... Странное совпаденіе!... Я тоже вспоминалъ объ одномъ Севранѣ, когда ты заговорилъ со мною. Оттого-то я и всматривался въ статую св. Марка, которая стоитъ наверху такъ неподвижно и молчаливо. Умолкъ на вѣки и тотъ, о которомъ съ такою смѣлостью ты дерзнулъ упомянуть при мнѣ!... Севранъ!... Матье-Маркъ Севранъ!... Онъ тогда вручилъ свою судьбу своему покровителю св. Марку! Что ты хочешь узнать объ этомъ Севранѣ? Ты знаешь о немъ больше, чѣмъ я!... Ты, Беппо Лаццаро, былъ до послѣдней минуты его гондольеромъ!... Вѣдь его уже нѣтъ въ живыхъ!... Неправда-ли?... И могилу его всякій можетъ видѣть тамъ, на Лидо!...

Беппо сильно поблѣднѣлъ и, невольно отступая, возразилъ:

— Ты, может быть, думаешь, что я причастенъ къ смерти этого несчастнаго человѣка?... Но ты ошибаешься!... Мнѣ неизвѣстно, что съ нимъ случилось послѣ того, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Какъ онъ исчезъ?... Клянусь св. Маркомъ, я не виновенъ; руки мои чисты!

— Впрочемъ,—продолжалъ Беппо, осторожно подбирая выраженія,—рѣчь шла не о немъ, а о другомъ, о молодомъ офицерѣ французской арміи!

Наблюдая за своимъ собесѣдникомъ, Марино не прерывалъ его, стараясь узнать, какая цѣль скрывается за всѣми этими разспросами. Не находя отвѣта, онъ рѣшилъ зорко наблюдать за Беппо и при случаѣ вывѣдать у него его намѣренія.

— А, ты уже знаешь?—замѣтилъ онъ равнодушно.— Да, во французской арміи есть молодой офицеръ, котораго также зовутъ Маркъ Севранъ!

Беппо вздрогнулъ. Его выдали радостно сверкнувшіе глаза и быстрый вопросъ:

— Значитъ, есть офицеръ съ этой фамиліей?

Въ первую минуту Марино пожалѣлъ, что заговорилъ объ этомъ офицерѣ, но затѣмъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы узнать что-либо о судьбѣ пропавшаго безъ вѣсти Севрана.

И, чтобы узнать что-нибудь о покойномъ, Марино рѣшилъ говорить о живомъ: французскій офицеръ находился далеко отъ Венеціи среди своихъ солдатъ, и ему не могла грозить какая-либо опасность со стороны Беппо и Беккаруцци. И какая вообще могла быть у нихъ причина преслѣдовать его?.. Марино Фано, не знавшій ничего о наслѣдствѣ, напрасно ломалъ себѣ голову. Наконецъ онъ рѣшилъ, что Беппо только изъ любопытства сталъ его разспрашивать.

— Тебя тоже удивило,—спросилъ онъ,—что у молодого офицера та же фамилія, какъ у того, котораго мы когда-то встрѣчали?... Кажется, съ тѣхъ поръ прошло около двѣнадцати лѣтъ!

Видя, что разговоръ принялъ благопріятный для него оборотъ, Беппо поспѣшно отвѣтилъ:

Марино молился передъ образомъ св. Марка въ своей гондолѣ.

— Да, меня удивило сходство фамилій!... Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до этого француза, котораго я не знаю и, можетъ быть, никогда не увижу!

Онъ произнесъ это такъ простодушно, что послѣднія подозрѣнія Марино сразу исчезли.

Узнавъ наконецъ, что молодой Маркъ Севранъ дѣйствительно существуетъ, Лаццаро очень довольный разстался съ Марино, который снова предался своимъ воспоминаніямъ, къ которымъ уже не разъ возвращался съ тѣхъ поръ, какъ при немъ Антуанетта и Гривэ упомянули фамилію Севрана.

Это случилось въ августѣ мѣсяцѣ, когда Антуанетта получила письмо отъ брата, въ которомъ тотъ писалъ ей, что во время битвы товарищъ его, Маркъ Севранъ, спасъ ему жизнь. Это извѣстіе Жеромъ передалъ Марино на площади, причемъ никто изъ нихъ не замѣтилъ, что во время ихъ разговора вблизи отъ нихъ, на ступеняхъ колонны со львомъ спалъ или притворялся спящимъ Беппо Лаццаро.

Такимъ образомъ Беппо узналъ о существованіи второго Севрана и тотчасъ извѣстилъ объ этомъ своего друга Беккаруцци и маркиза.

Пока Жеромъ и Антуанетта говорили о капитанѣ Севранѣ, Марино не обратилъ на эту фамилію особеннаго вниманія. Но когда Антуанетта однажды назвала его „Маркъ“ Севранъ, то гондольера очень удивило сходство имени и фамиліи, и онъ вдругъ вспомнилъ о томъ чужестранцѣ, который спалъ вѣчнымъ сномъ на краю еврейскаго кладбища.

Передъ нимъ всплыли мельчайшія подробности ихъ короткаго знакомства, хотя ему въ то время было всего 19 лѣтъ. И въ ушахъ его зазвучалъ голосъ француза и послѣднія необъяснимыя слова: „Если я пропаду безъ вѣсти, Марино, не забудь моего имени: Матье-Маркъ Севранъ. Постарайся узнать, что сталось со мной, и обратись къ св. Марку, моему покровителю— онъ объяснитъ тебѣ все.“

Марино обѣщалъ исполнить просьбу француза, но съ теченіемъ времени забылъ о ней.

Что же, однако, хотѣлъ этимъ сказать французъ?..

Марино показываетъ Антуанеттѣ достопримѣчательности Венеціи.

Незадолго передъ тѣмъ, когда Марино перевозилъ Саврана изъ Местра въ Венецію, тотъ сказалъ своему спутнику, что отдалъ свое сокровище св. Марку. Марино въ смущеніи вспоминалъ эти слова и невольно шелъ къ церкви св. Марка, отыскивая въ ней ключъ къ тайнѣ, смутившей покой его души.

Иногда же онъ просиживалъ цѣлые часы передъ маленькимъ образомъ св. Марка въ палаткѣ своей таинственной гондолы и молилъ святого открыть ему эту тайну.

Мысли эти такъ волновали его, что однажды, показывая Антуанеттѣ, гулявшей со своей горничной, достопримѣчательности Венеціи, Марино разсказалъ ей всю исторію о французѣ, пропавшемъ безъ вѣсти въ 1786 г., и сказалъ при этомъ, что память о немъ стала особенно безпокоить его съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что существуетъ второй Маркъ Севранъ.

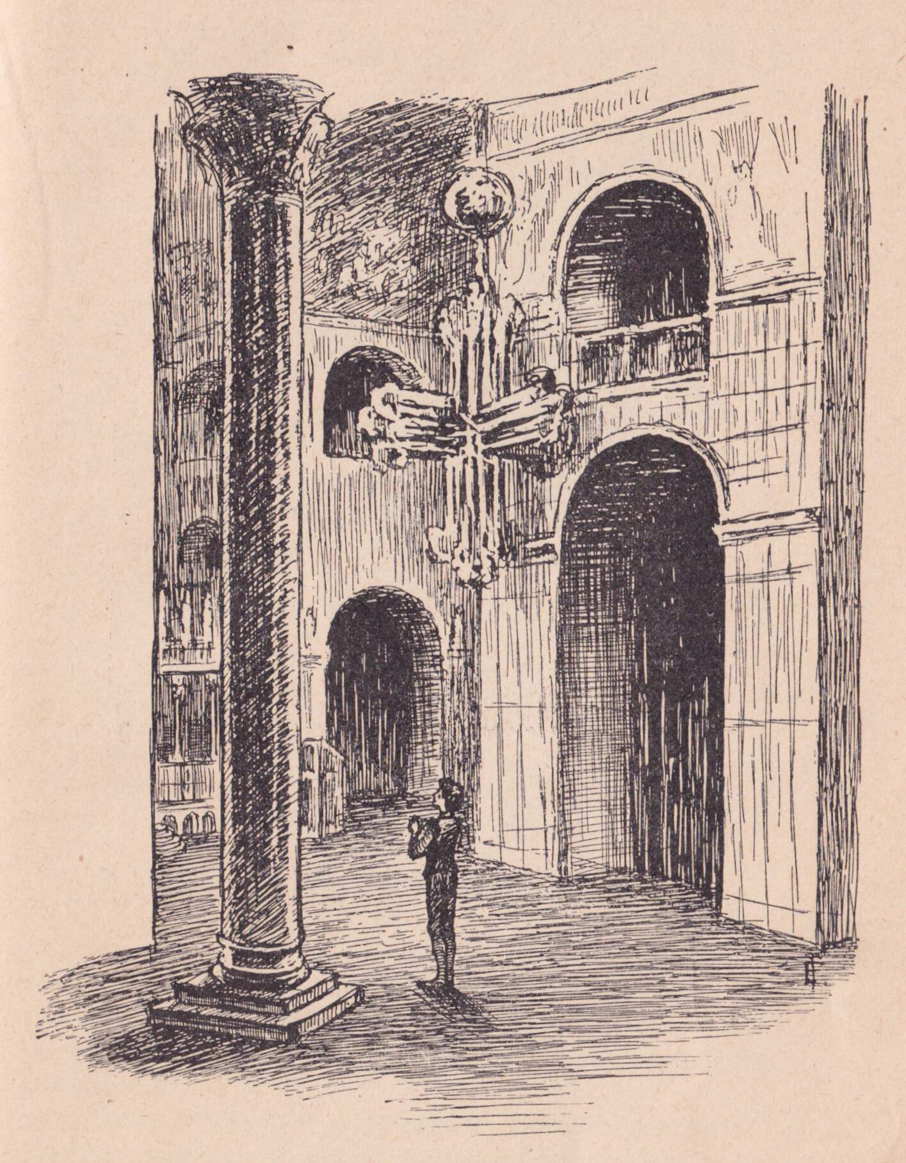
Молодая дѣвушка очень заинтересовалась этой таинственной исторіей и сказала Марино, что напишетъ брату и попроситъ его поговорить объ этомъ съ своимъ товарищемъ, который, можетъ быть, какъ родственникъ того Севрана, сможетъ разъяснить коечто. Она побывала даже на Лидо и возложила цвѣты на забытую могилу.

Въ этотъ день, когда Лаццаро на площади св. Марка пытался вывѣдать кое-что у Марино о молодомъ Севранѣ, послѣдній уже зналъ изъ письма Антуанетты брату эту таинственную исторію о Матье-Маркѣ Севранѣ.

Когда Беккаруцци узналъ отъ Беппо, что существуетъ другой Севранъ, онъ тотчасъ принялся составлять коварный планъ противъ незнакомца, одно имя котораго представляло грозную опасность для его замысла. И онъ рѣшилъ во что бы то ни стало принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы устранить его.

Между тѣмъ мракъ началъ сгущаться, и лишь статуя св. Марка освѣщалась еще багровыми лучами заходящаго солнца.

Марино Фано взглянулъ еще разъ на святителя и вошелъ въ храмъ, чтобы подкрѣпить себя молитвой.



Марино Фано вошелъ въ храмъ.

Жанъ направился къ своему другу.

ГЛАВА IX.

Третій день подъ Арколой.

— Ну, ребята, намъ предстоятъ, если я не ошибаюсь, болѣе славныя дѣла, поважнѣе тѣхъ, въ которыхъ мы участвовали за послѣднее время! Впрочемъ, и они были не плохи!.. Каждый изъ васъ самъ скажетъ это!

Такъ говорилъ сержантъ Гуло солдатамъ, осматривая свое ружье, чисткой котораго онъ былъ занятъ; затѣмъ онъ окинулъ взглядомъ болотистую заросшую тростникомъ равнину, въ которой застряла его рота.

Прохладный осенній вѣтеръ разогналъ тяжелыя дождевыя тучи и туманъ, нависшіе надъ долиной.

Занималась утренняя заря, и скоро первые лучи солнца отразились въ быстрыхъ водахъ Эча и многочисленныхъ болотахъ и лужахъ, покрытыхъ тростникомъ. Черезъ эту болотистую равнину идутъ двѣ дороги, соединяющія Верону съ дорогой въ Бренту. Одна изъ нихъ ведетъ на Гомбіонъ, а другая пересѣкаетъ подъ Арколой небольшую горную рѣчку Альпонъ.

Первую изъ этихъ дорогъ заняли колонны дивизіи Массены—18-й, 32-й и 75-й полки. Тутъ они сражались уже двое сутокъ подъ рядъ, не подвинувшись впередъ ни на одинъ шагъ; по второй дорогѣ наступалъ Ожеро, но безъ особеннаго успѣха.

Всюду мелькали штыки: то наступали отряды изъ Ронко, чтобы завладѣть дорогой изъ Вероны на Бренту, которая занята была австрійцами въ числѣ 40.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ у Бонапарта было всего 15.000.

Численность армій была слишкомъ неравна, и французы стали-было падать духомъ, когда послѣ отчаянной двухдневной борьбы директорія не выслала имъ подкрѣпленій, несмотря на настоятельныя просьбы главнокомандующаго. Тѣмъ временемъ австрійцы успѣли привести изъ Тироля свѣжую, грозную своей численностью армію, подъ начальствомъ знаменитаго маршала Альвинци.

— Да, да, со дня сраженія подъ Кастильоне досталось намъ на орѣхи!—замѣтилъ Гуло, стоя вмѣстѣ съ солдатами около боченка Пьеретты, чтобы согрѣться чаркой вина въ эту туманную, холодную ноябрьскую ночь.

Французы провели плохую ночь; краткій сонъ ихъ часто нарушался ружейными выстрѣлами, которыми обмѣнивались аванпосты; затѣмъ имъ пришлось дѣлать обходы вдоль берега рѣки Эчъ по болотамъ, надъ которыми завывалъ холодный вѣтеръ.

— Да, отъ такой ночи моложе не станешь; кажется, я за эту ночь постарѣлъ на четыре мѣсяца!—замѣтилъ Кукуронъ, закидывая за плечи тяжелый ранецъ.

— Но зато у насъ за эти мѣсяцы не пропала даромъ ни одна минута,—сказалъ весело Самоа.—Да, нашъ Маленькій капралъ, со времени производства его въ сержанты, водилъ насъ черезъ такія крутыя горы, какихъ у насъ нѣтъ въ Парижѣ! Это можетъ доставить удовольствіе только нашему пріятелю Шалина, который въ Оверни привыкъ лазать съ дикими козами по крутизнамъ, какъ это пришлось дѣлать и намъ въ этомъ проклятомъ Тиролѣ. Никогда не забуду я ущелья Санъ-Марко, которое намъ пришлось пройти тѣсно замкнутыми колоннами подъ начальствомъ генерала Виктора. А потомъ Реверbegin Ревередо, Тренто и непрерывная погоня за Вурмзеромъ по дикимъ ущельямъ, и наконецъ большая битва подъ Бассано! Ужасно жалко, что мы не поймали этого маршала, и что онъ успѣлъ укрыться въ Мантуѣ.

— Не безпокойся, парижанинъ! Правда, онъ заперся тамъ, но выйдетъ онъ оттуда только съ позволенія Бонапарта! Это говорю тебѣ я, Кириллъ Ламалу! Развѣ ты не видѣлъ, какъ этотъ великій маршалъ, обжегся во время вылазки при дѣлѣ подъ Сенъ-Жоржомъ, въ которомъ онъ потерялъ до 2.000 человѣкъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! —вмѣшался въ разговоръ Палава.—Невозможно, чтобы такъ шло дальше!.. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ мы спустились съ Альпъ, мы поколотили изрядное число армій!.. Но сегодня произойдетъ величественный фейерверкъ—на насъ набросятся всѣ сразу!

— Не болтай пустяковъ!—крикнулъ сержантъ громовымъ голосомъ.—Вотъ увидите, что мы сегодня зададимъ австрійцамъ такую здоровую трепку, что они ее долго будутъ помнить, а французская армія, къ которой мы имѣемъ честь принадлежать, будетъ праздновать новую побѣду!

— Но вотъ ужъ третьи сутки, гражданинъ сержантъ, какъ мы топчемся на одномъ мѣстѣ, не подвигаясь ни на шагъ впередъ, хотя и сбрасываемъ въ болото направо и налѣво десятками и сотнями этихъ докучливыхъ нахаловъ, чтобы очистить дорогу, которая слишкомъ тѣсна для всѣхъ. Но пора покончить съ этимъ дѣломъ! Они все идутъ и идутъ и плодятся быстрѣе блохъ! Проработавъ штыкомъ цѣлый день, намъ приходится на другое утро снова приниматься за то же дѣло!..

— Успокойся, другъ! Главнокомандующій знаетъ, что дѣлать!.. На дорогѣ стоитъ 40.000 австрійцевъ, а насъ 15.000,—значитъ силы равны, если имѣть въ виду, что на дамбѣ съ обѣихъ сторонъ можетъ помѣститься равное число солдатъ! Умная же башка у него! Предвидѣть это и составить планъ сраженія какъ разъ на этихъ дамбахъ!.. Да развѣ наше ночное выступленіе въ полнѣйшей тишинѣ изъ Вероны не говоритъ о томъ, что онъ придумалъ новый планъ?.. Всѣ были убѣждены, что мы пойдемъ на Миланъ и навсегда покинемъ Италію!.. Жители Вероны тоже смѣялись надъ нами и желали намъ счастливаго пути!.. Ну, а видишь, что вышло потомъ?..

— Ты правъ! Мы всѣ пріуныли, думая, что возвращаемся на родину,—вмѣшался въ разговоръ Капестангъ —Столько разъ побить австрійцевъ, совершить столько переходовъ и все для того, чтобы вернуться назадъ!.. Нѣтъ, это было бы ужасно!..

— А наше удивленіе, наша радость, когда мы послѣ короткаго перехода, потерявъ Верону изъ вида, вдругъ получили приказъ, мгновенно облетѣвшій всѣ батальоны!..—замѣтилъ съ восторгомъ Гуло.—И мы вдругъ повернули налѣво кругомъ и скорымъ шагомъ направились на Эчъ, а потомъ внизъ по теченію къ Ронко!.. А что мы нашли тамъ?.. Ха, ха, ха!.. Прекрасный понтонный мостъ, втихомолку наведенный тамъ по приказанію Бонапарта!.. Онъ все искусно

Бонапартъ на мосту подъ Арколой. (Стр. 125).

придумалъ, все предвидѣлъ, и на слѣдующее утро на зарѣ вся армія наша была уже на другомъ берегу Эча въ тылу и на флангахъ австрійцевъ, которые тоже повѣрили нашему отступленію,

— Да, это была славная штука! — согласился Самоа.—Онъ всегда придумаетъ что-нибудь такое, чего никто не ожидаетъ!

— Вотъ это геніально!—воскликнулъ съ восторгомъ Ламалу.—Жаль, что мой товарищъ Жанъ Тука изъ 69-го полка не участвовалъ въ этомъ, въ особенности въ первый день!.. Онъ остался въ Веронѣ съ 1.500 солдатами подъ начальствомъ генерала Кильмэна. Жанъ Тука обожаетъ Бонапарта и былъ бы въ восторгѣ, если бы видѣлъ нашего главнокомандующаго на мосту подъ Арколой, когда тотъ послѣ того, какъ Ожеро, Ланнъ, Вернъ, Бонъ, Вердье были ранены, соскочилъ съ коня и, схвативъ знамя, пошелъ въ атаку во главѣ своихъ молодцовъ, крикнувъ имъ: „За мной, солдаты!“ несмотря на то, что пули сыпались градомъ!

— Да, никогда въ жизни не испытывала я такого страха,—прервала его маркитантка,—какъ тогда, когда я увидѣла, что онъ увязъ въ болотѣ среди убитыхъ и раненыхъ, сброшенныхъ съ моста градомъ пушечныхъ ядеръ и ружейныхъ пуль! Я думала, что онъ погибъ!..

— Онъ-то?— спросилъ съ удивленіемъ Ламалу.— Да развѣ насъ тамъ не было, чтобы выручить его?.. Онъ даже не замѣтилъ, какъ мы вытащили его, пока Капестангъ и другіе жарили въ австрійцевъ!

— Все равно! Пора кончить!—утверждалъ Мимизанъ.—Вотъ уже второй вечеръ, какъ мы, сражаясь весь день, снова должны возвращаться на другой берегъ Эча, а на слѣдующій день снова начинать атаку на дамбѣ! Надоѣло намъ шлепать по этимъ проклятымъ болотамъ!

Сержантъ строго взглянулъ на обоихъ поселянъ и крикнулъ:

— Что я слышу?.. Ропотъ, укоры, вмѣсто того, чтобы гордиться тѣмъ, что вы принадлежите къ 75-му полку, покрывшему себя такой славой? Неужели вы уже забыли Кальдьеро?.. А прошло съ тѣхъ поръ всего-то пять сутокъ!..

— Гм!—пробормоталъ Бискароссъ.—Забудешь его! Никогда раньше не дулъ мнѣ въ лицо такой ледяной вѣтеръ и не лилъ такой дождь, какъ въ тотъ день, когда мы захватили тѣ высоты, которыя австрійцы забыли занять, и когда Альвинци повелъ на насъ весь свой чертовскій резервъ, чтобы выбить насъ изъ завоеванной позиціи! Въ тотъ день мы промокли и продрогли до костей!

— Значитъ, вы ставите не во что слова генерала Бонапарта?.. Слова, которыя слѣдовало бы начертать на нашихъ знаменахъ, чтобы всѣ могли ихъ прочесть и запомнить навѣки: „75-й выступитъ и побѣдитъ!“ А вы говорите о градѣ, дождѣ и морозѣ!.. Но у меня въ душѣ эти слова начертаны огненными буквами— они согрѣваютъ меня!.. И сегодня мы должны доказать нашему генералу, что мы помнимъ ихъ!

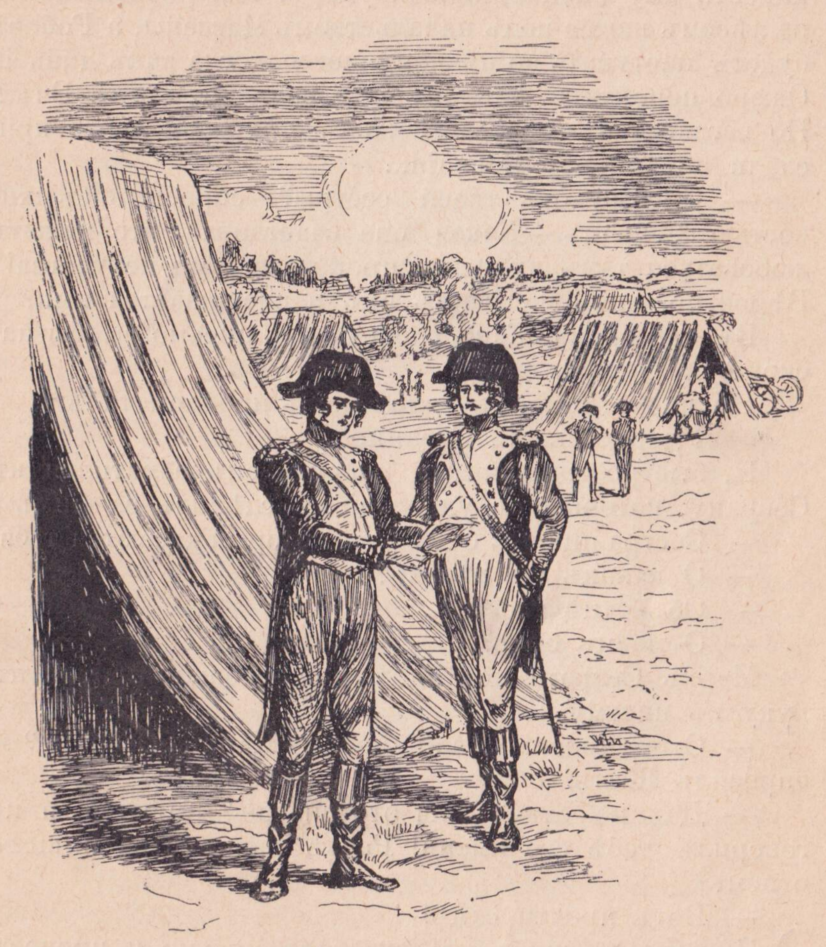
— Отлично сказано, сержантъ Гуло! Я вижу, что на тебя можно надѣяться и послать въ засаду, которую приказано устроить!

Слова эти произнесъ капитанъ Маркъ Севранъ, незамѣтно подошедшій къ солдатамъ. Вслѣдъ за Севраномъ шелъ неразлучный другъ его Жанъ Берперъ съ большимъ пакетомъ бумагъ въ рукѣ.

Подойдя къ сержанту, Севранъ тихо сказалъ ему:

— Мы недолго простоимъ на этихъ шоссе, гдѣ невозможно развернуться, а это необходимо послѣ такихъ потерь, какія понесъ непріятель. Эти узкія дамбы оказали намъ неоцѣнимыя услуги: многочисленный непріятель раздавилъ бы насъ въ открытомъ полѣ, но дамбы мѣшали ему развернуться. И дѣло было бы рѣшено не качествомъ, а количествомъ войскъ!.. Но, сержантъ, какъ бы только солдаты наши не упали духомъ,

глядя на то, что всѣ старанія ихъ, вся отвага въ этихъ постоянныхъ схваткахъ съ непріятелемъ не ведутъ къ видимому успѣху!.. Въ этомъ большая опасность!..



Жанъ читаетъ письмо Антуанетты.

— Не безпокойся, Маркъ! Я только что узналъ о совершенно новомъ планѣ!—и, подойдя ближе къ Севрану, Жанъ указалъ на бумаги, которыя держалъ въ рукѣ.— Главнокомандующій считаетъ, что у непріятеля солдатъ

выбыло изъ строя не менѣе трети, и что войска его деморализованы послѣдними пораженіями. Поэтому онъ собирается неожиданно напасть на него, чтобы нанести ему окончательный ударъ. Мы расположимся на лѣвомъ шоссе подъ начальствомъ Массены, а Роберъ будетъ наступать по правому шоссе, тогда какъ дивизія Ожеро перейдетъ Альпонъ при впаденіи его въ Эчъ... Но взгляни-ка сюда, вмѣстѣ съ приказомъ мнѣ прислали письмо изъ Венеціи...

— Письмо отъ твоей сестры?—спросилъ съ живостью Севранъ.—Какая она счастливая, что можетъ любоваться тамъ чудными произведеніями искусства!.. Вѣроятно, она описываетъ ихъ и восхищается ими?

Въ это время Жанъ распечаталъ письмо, чтобы наскоро пробѣжать его.

Но вдругъ онъ съ удивленіемъ пробормоталъ:

— Удивительно!.. Странно!..

И, быстро пробѣжавъ письмо, онъ обратился къ Севрану, который съ удивленіемъ слѣдилъ за нимъ:

— Сестра пишетъ о дѣлахъ, которыя касаются тебя!

— О какихъ же дѣлахъ?

— Объ отцѣ твоемъ...

— О моемъ отцѣ?!

Маркъ Севранъ поблѣднѣлъ и невольно протянулъ руку къ письму.

— Отца твоего звали Матье-Маркъ Севранъ?—спросилъ Жанъ.

— Да, но откуда ты это знаешь? Кажется, я не говорилъ тебѣ его имени! Развѣ твоя сестра пишетъ о немъ?

— Вотъ прочти самъ!

Севранъ съ живостью схватилъ письмо и прочелъ взволнованнымъ голосомъ:

„Гондольеръ Марино Фано, нашъ преданный посредникъ, недавно разсказалъ мнѣ удивительную исторію. Приблизительно одиннадцать лѣтъ тому назадъ, въ декабрѣ 1785 г., онъ перевезъ двухъ путешествен-

никовъ французовъ изъ Местра въ Венецію. Одного звали Тома Лаберъ, другого Матье-Маркъ Севранъ. Можетъ быть, послѣдній родственникъ твоего друга, капитана Марка Севрана, того художника, о которомъ ты такъ часто упоминаешь въ своихъ письмахъ, и которому мы обязаны твоей жизнью. Сначала Марино часто встрѣчалъ этихъ французовъ и оказывалъ имъ разныя мелкія услуги, но затѣмъ онъ потерялъ ихъ изъ виду. Однажды онъ случайно узналъ о смерти Матье-Марка Севрана, прочитавъ его фамилію на крестѣ одинокой могилы на Лидо. Я недавно побывала тамъ, чтобы положить на нее нѣсколько цвѣтовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Марино узналъ, что у друга твоего та же фамилія, онъ постоянно разспрашиваетъ меня и Жерома о немъ и просилъ написать тебѣ объ этомъ..."

— Это мой отецъ, мой несчастный отецъ!..—воскликнулъ Севранъ. — Значитъ онъ скончался въ Венеціи! И я не ошибался, предполагая, что отыщу тамъ его могилу. Отъ какой только болѣзни скончался онъ тамъ?..

Молодой офицеръ внимательно прочелъ письмо, въ которомъ упоминалось имя его отца, котораго онъ мало помнилъ. Онъ зналъ только, что отецъ его покинулъ семью и уѣхалъ добывать кладъ; воспоминаніе объ этомъ заинтересовало молодого офицера-добровольца, средства котораго состояли только въ скромномъ офицерскомъ жалованьи.

— Кладъ!.. А если онъ дѣйствительно существуетъ?—прошепталъ онъ.

— Ты, кажется, начинаешь вѣрить въ этотъ кладъ?—спросилъ Жанъ, услышавъ шопотъ друга.

— Я до сихъ поръ помню послѣднее короткое письмо отца: „Меня со всѣхъ сторонъ окружаютъ опасности, поэтому я долженъ быть крайне остороженъ. Теперь у меня довольно основательная надежда, что достигну цѣли". На какія опасности могъ онъ намекать?.. А цѣлью его былъ кладъ!.. Я непре-

мѣнно долженъ отправиться въ Венецію и разгадать эту тайну, чтобы наконецъ узнать...

Въ эту минуту первые лучи восходящаго солнца прорвали нависшій надъ болотомъ туманъ, и на шоссе засверкали тысячи штыковъ. Справа грянулъ пушечный выстрѣлъ, а затѣмъ весело заиграли рожки и забили барабаны, громко призывавшіе войска на бой. Справо на шоссе сразу зашевелились войска и бѣглымъ шагомъ, съ ружьями наперевѣсъ, двинулись впередъ подъ начальствомъ генерала Робера, между тѣмъ какъ у устья Альпона затрещали ружья гренадеровъ Ожеро.

Въ то же время раздались привѣтственные громкіе крики во главѣ колонны, стоявшей на лѣвой дорогѣ, и Массена, размахивая шпагой, крикнулъ солдатамъ:

— Впередъ!

Бой начался на всѣхъ позиціяхъ одновременно.

Маркъ Севранъ поспѣшно отдалъ Жану письмо Антуанетты и пожалъ ему руку со словами:

— Довольно мечтать, дѣйствительность вступаетъ въ свои права!.. Но слушай: если я буду убитъ сегодня, то вынь изъ моего бумажника всѣ документы. Нѣкоторые изъ нихъ повѣдаютъ тебѣ, что ты мой лучшій другъ, и что я прошу тебя отправиться вмѣсто меня въ Венецію. Наслѣдникомъ клада я назначилъ тебя!

Несмотря на охватившее его волненіе, Бершеръ пытался улыбнуться. Но его пугала мысль, что другъ его можетъ погибнуть во время сраженія.

— Тебѣ нечего опасаться! Ты находишься подъ благосклоннымъ покровительствомъ богини Фортуны! А я,—продолжалъ уже серьезно Жанъ Бершеръ,—оставляю тебѣ мое единственное сокровище, которымъ дорожу больше жизни!—и онъ указалъ рукой на то мѣсто, гдѣ у него подъ мундиромъ хранился медальонъ, съ которымъ онъ никогда не разставался.

Севранъ слегка покраснѣлъ и, крѣпко обнимая друга, сказалъ:

— Будь покоенъ! Ты можешь положиться на меня! Но твой кладъ дороже моего и существуетъ въ дѣйствительности.

Между тѣмъ битва вокругъ нихъ разгоралась. По лѣвому шоссе французы бодро наступали, несмотря на

Севранъ пожалъ своему другу руку.

отчаянную оборону австрійцевъ, но на правомъ шоссе они вынуждены были сначала отступить, а затѣмъ снова перешли въ наступленіе. Здѣсь былъ убитъ генералъ Роберъ, и войска его въ безпорядкѣ стали отступать къ мосту Ронко. Но Бонапартъ уже замѣтилъ эту неудачу, которая могла разрушить всѣ его

разсчеты, и приказалъ 32-му полку незамѣтно пробраться въ ивнякъ, тянувшійся вдоль праваго шоссе.

Оттуда Кириллъ Ламалу, Капестангъ и Палава первые ринулись на флангъ кроатскаго полка, который съ радостными криками уже вступилъ на дамбу, полагая, что войска генерала Робера разбиты. Но, благодаря неожиданному натиску 32-го полка, 3000 кроатовъ были сброшены съ дороги въ болото и частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ.

Одновременно Массена съ помощью 18-го и 75-го полковъ очистилъ отъ непріятеля лѣвую дамбу, послѣ чего Бонапартъ могъ направить всѣ свои силы на долину, гдѣ расположилась главная армія Альвинци.

— Кажется, дѣло теперь разгорается, и господамъ австрійцамъ несдобровать,—громко произнесъ Гуло, собирая свою роту и обтирая окровавленный штыкъ.

При этомъ онъ указалъ на колонну Массены, который въ тылу австрійцевъ переходилъ съ очищеннаго отъ непріятеля лѣваго шоссе на правое, свободное благодаря натиску 32-го полка, и направлялся на Арколу. Между тѣмъ Ожеро на крайнемъ правомъ флангѣ перешелъ черезъ Альпонъ, чтобы соединиться съ Массеной и сообща броситься на австрійцевъ.

— Намъ предстоитъ еще жаркая схватка!—замѣтилъ Бискароссъ, указывая на густыя массы непріятеля.

— А меня это совсѣмъ не безпокоитъ,—возразилъ Гуло.—Бонапартъ навѣрное придумалъ какую-нибудь штуку вродѣ той, которую сыгралъ давеча въ лѣску!

Не успѣлъ онъ договорить, какъ вся французская армія бѣглымъ маршемъ ринулась на австрійцевъ. Нѣсколько времени перевѣсъ былъ то на одной, то на другой сторонѣ, потому что австрійцы защищались отчаянно. Но вдругъ на ихъ лѣвомъ флангѣ раздались сигнальные рожки, и черезъ болота на нихъ помчался съ саблями на-голо отрядъ конницы и врѣзался въ самую средину непріятеля, не ожидавшаго такого смѣлаго натиска.

Австрійцы дрогнули передъ этимъ натискомъ и стали отступать, тѣмъ болѣе, что издали послышались сигналы гарнизона изъ Леньяго, спѣшившаго на помощь наступавшимъ. Отступленіе австрійцевъ началось повсюду, и Бонапартъ снова одержалъ полную побѣду.

Въ тотъ же вечеръ Маркъ Севранъ и Жанъ Бершеръ снова встрѣтились на обагренномъ кровью полѣ сраженія, гдѣ расположились на отдыхъ обѣ арміи—побѣдители и побѣжденные.

Севранъ былъ счастливъ, что снова встрѣтилъ своего друга живымъ и невредимымъ.

— Теперь я ужъ не сомнѣваюсь въ томъ,—сказалъ онъ Жану,—что насъ, какъ ты сказалъ утромъ, хранитъ Провидѣніе, и кромѣ того у тебя есть еще добрый геній.

— Можетъ быть,—улыбаясь отвѣтилъ Бершеръ.—А теперь я сейчасъ напишу сестрѣ, что мы оба живы и здоровы, и отвѣчу на ея вопросы относительно тебя.

И, присѣвъ у костра на барабанъ, онъ написалъ слѣдующее:

„Дорогая сестричка! Снова побѣда! Снова добрыя вѣсти о твоемъ братѣ и его другѣ! Да, онъ единственный сынъ того Матье-Марка Севрана! Значитъ больше, чѣмъ ты могла себѣ представить. Дѣло касается исторіи наслѣдства, такой же сказочной, какъ сказка изъ „Тысячи и одной ночи“, какъ говоритъ самъ Маркъ Севранъ! Послушай же...“ и онъ подробно описалъ всю чудесную исторію наслѣдства.

Незнакомцы поспѣшно прошли дальше.

ГЛАВА X.

Маскарадъ.

Въ началѣ января 1797 г. герцогъ де-Бершеръ, одѣтый въ драгоцѣнный костюмъ шестнадцатаго столѣтія, встрѣчалъ своихъ гостей въ дверяхъ огромнаго, залитаго свѣтомъ зала. По его гордому и величественному виду нельзя было даже предположить, что это почти разорившійся аристократъ, съ трудомъ добывающій средства для поддержанія внѣшняго блеска своего имени.

Рядомъ съ нимъ стояла герцогиня, вся осыпанная драгоцѣнными каменьями. На ней было роскошное платье придворной дамы временъ Генриха III, въ память его посѣщенія Венеціанской республики.

Герцогъ и герцогиня были безъ масокъ и съ любезной улыбкой встрѣчали гостей, привѣтствуя каждаго ласковымъ словомъ и радушнымъ поклономъ. Такъ же вѣжливо они принимали и гостей въ маскахъ, фамиліи которыхъ имъ не докладывали. Въ разосланныхъ за мѣсяцъ передъ маскарадомъ приглашеніяхъ особенно подчеркивалось, что строго будетъ соблюдаться инкогнито масокъ.

Такъ какъ герцогъ былъ знакомъ со всей венеціанской аристократіей, то надѣялся, что узнаетъ каждаго въ какомъ угодно костюмѣ и разсчитывалъ, что вечеръ пройдетъ весело.

Къ полуночи всѣ салоны были полны маскированными гостями въ богатыхъ фантастическихъ костюмахъ.

— Я могъ бы назвать вамъ фамиліи всѣхъ гостей, почтившихъ насъ своимъ посѣщеніемъ,—сказалъ герцогъ своей супругѣ съ гордой, самодовольной улыбкой:— Да, удивительно, какъ при нѣкоторомъ навыкѣ и наблюдательности легко узнать замаскированнаго по его движеніямъ, глазамъ, голосу, между тѣмъ какъ онъ считаетъ себя неузнаваемымъ!

Въ эту минуту онъ замѣтилъ двухъ новыхъ, только что вошедшихъ гостей.

Одинъ изъ нихъ былъ высокій, широкоплечій мужчина, одѣтый въ длинный, спускавшійся до полу костюмъ алхимика. Подъ широкимъ, очевидно, не на него сшитымъ плащомъ была одѣта темная куртка, на головѣ былъ высокій бархатный колпакъ; лицо скрывала черная бархатная маска, изъ-подъ которой спускалась длинная сѣдая борода.

Другой былъ ниже ростомъ и плотнаго сложенія. Одѣтъ онъ былъ въ полосатый костюмъ арлекина, съ черной шелковой маской на лицѣ, изъ-подъ которой сверкали коварные глаза.

Привѣтливо и вѣжливо отвѣтивъ на поклонъ вошедшихъ, герцогъ окинулъ ихъ внимательнымъ взгля-

домъ и долженъ былъ сознаться, что никакъ не можетъ узнать ихъ.

Между тѣмъ незнакомцы поспѣшно прошли дальше, какъ бы желая скорѣе скрыться съ глазъ хозяевъ.

— Мы прошли благополучно!—шепнулъ алхимикъ своему спутнику.—Надо дѣйствовать осторожно. Времени у насъ много, потому что праздникъ продлится до утра, а зимнія ночи долги!..

— Тебѣ удобно разспросить молодую дѣвушку! Благодаря своему костюму, ты можешь задавать ей всякіе вопросы, а я тѣмъ временемъ пошарю въ ея комнатѣ: расположеніе комнатъ мнѣ хорошо знакомо. За послѣдніе годы я часто бывалъ въ этомъ палаццо. Можетъ быть, мнѣ посчастливится найти тамъ бумаги, которыя могутъ намъ быть полезны. Намъ надо поскорѣй разойтись, чтобы на насъ не обратили вниманія. Я не хочу, чтобы маркизъ представилъ насъ своимъ родителямъ. Сегодня онъ только помѣшалъ бы намъ. На наше счастье онъ не знаетъ, въ какихъ мы костюмахъ. Къ тому же здѣсь такъ много гостей, что мы легко можемъ остаться незамѣченными!

Передъ палаццо герцога, залитымъ огнями и роскошно убраннымъ коврами, вьющимися растеніями и цвѣтами, тѣснилось множество гондолъ, привезшихъ знатныхъ гостей, а съ канала Гранде и сосѣднихъ каналовъ ежеминутно прибывали новыя гондолы съ гостями.

Въ одномъ изъ главныхъ залъ оркестръ игралъ танцы, а на большомъ баркасѣ, прикрѣпленномъ на каналѣ Гранде, игралъ другой оркестръ.

Устроивъ въ честь венеціанской аристократіи праздникъ, герцогъ хотѣлъ этимъ выразить свою благодарность за радушный пріемъ, оказанный ему въ столицѣ Высокочтимой Республики. Но, кромѣ того, торжество это должно было опровергнуть всѣ слухи о разореніи герцога де-Бершеръ, а также доказать, что его нисколько не пугаетъ близость французской арміи, занявшей уже Верону.

Венеціанская знать явилась на маскированный вечеръ отчасти изъ любопытства, чтобы убѣдиться вѣрны ли слухи о разореніи герцога, но главнымъ образомъ потому, что этимъ вечеромъ открывался карнавалъ 1797 года.

Однако, хотя большая часть гостей собралась, чтобы повеселиться, другіе явились на этотъ вечеръ съ опредѣленною цѣлью, чтобы поговорить о дѣлахъ. Между ними были двѣ одинаково одѣтыя маски въ темныхъ домино съ треуголками на головѣ. За этими масками скрывались блѣдныя, встревоженныя лица.

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣсти плохія, синьоръ маркизъ?—спросила одна изъ масокъ.

— Очень плохія! Не знаю, какъ мы выпутаемся, если не скоро произойдетъ перемѣна! Сенатъ находится подъ чарами этого Бонапарта, которому ужасно везетъ!

— Говорятъ, что это геніальный полководецъ!— возразила подобострастно другая маска.

— Какая тутъ геніальность! Не оттого ли, что ему все удается! Въ этомъ нѣтъ ни геніальности, ни таланта! Кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ неспособными, бездарными вождями и войсками!

— Но позвольте, Вурмзеръ и Альвинци кое-что да значатъ! И если бы ихъ войска чего-нибудь стоили, то давно перестали бы говорить о французской арміи!

— Можетъ быть! Но это намъ наука! Мы—эмигранты—должны объединиться, чтобы дѣйствовать энергично! Намъ надо прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, передъ которыми мы до сихъ поръ останавливались.

— Къ какимъ же?

— Надо поднять все крестьянское населеніе! До сихъ поръ только бергамаски взялись за оружіе, но этого далеко не достаточно. Ихъ примѣру должно послѣдовать все населеніе венеціанскихъ провинцій на сушѣ; затѣмъ надо собрать разсѣянные всюду гарнизоны! Еще не все потеряно! Я еще сегодня поговорю съ однимъ знакомымъ— очень отважнымъ человѣкомъ;

онъ отлично подходитъ къ роли кондотьера, которыхъ знала Италія въ средніе вѣка. Въ выборѣ средствъ онъ также не затруднится, какъ то дѣлаютъ господа сенаторы, а... но тише, насъ могутъ подслушать, а это крайне нежелательно!..

И оба собесѣдника смѣшались съ толпой гостей, наполнявшей всѣ покои дворца. Но разговоръ ихъ былъ подслушанъ одной маской, одѣтой въ черное трико; на головѣ ея была черная шляпа съ двумя красными перьями. Въ этомъ костюмѣ маска походила на мефистофеля. Она слѣдила за удалявшимися собесѣдниками и едва слышно пробормотала:

— Тише, тише, синьоръ маркизъ, вы слишкомъ торопитесь! На счастье, тутъ нашелся нѣкто, кто сумѣетъ разстроить ваши планы и оповѣститъ генерала Бонапарта о томъ, что затѣвается противъ него и его славнаго войска. Надо переговорить съ синьориной де-Берперъ; она должна написать брату...

Маска стала осматриваться.

— А, вотъ и она! Надо подойти къ ней!.. Да, я не ошибся; я долженъ былъ узнать ее по розовому бантику на лѣвомъ плечѣ... Но съ кѣмъ это она разговариваетъ?—и маска-мефистофель осторожно пробралась къ нишѣ у окна, гдѣ стояли Антуанетта и алхимикъ, который какъ разъ въ ту минуту, читая по линіямъ руки своей юной собесѣдницы, предсказывалъ ей будущее.

— Гм! хотя я не знаю этой длинной бороды, но голосъ мнѣ знакомъ!..—прошептала маска-мефистофель, прячась за тяжелыя драпировки оконной ниши.

Между тѣмъ алхимикъ продолжалъ гадать:

— Взгляните, вотъ эта линія говоритъ мнѣ, что мысленно вы находитесь далеко отсюда!

— Почему вы это думаете, синьоръ волшебникъ?— спросила улыбаясь Антуанетта. — Вѣдь вы даже не знаете меня!

— Вы такъ думаете?—при этомъ вкрадчивый го-

лосъ говорившаго сдѣлался вдругъ рѣзкимъ.—Если бы моя наука не могла открывать мнѣ всего, она ничего не стоила бы. Она повѣдала мнѣ ваше имя, синьорина Тоніэтта де-Берщеръ!.. Но вернемся къ нашему раз-

Между гостями были двое въ черныхъ домино.

говору! Развѣ я ошибся, говоря вамъ, что мысли ваши далеко отъ Венеціи, что онѣ тамъ, гдѣ въ этотъ часъ стоятъ французскіе полки?

Антуанетта вздрогнула и сдѣлала движеніе, какъ бы собираясь уйти.

— Что это значитъ, маска?..—спросила она.—Это уже не шутливый маскарадный разговоръ! Я совсѣмъ не желаю выслушивать ваши предсказанія!

Но алхимикъ продолжалъ, не выпуская руки дѣвушки:

— Даже и въ томъ случаѣ, если я вамъ сообщу кое-что о Жанѣ де-Бершеръ и Маркѣ Севранѣ?..

Дѣвушка высвободила свою руку и въ волненіи пробормотала:

— Не понимаю, что вы хотите этимъ сказать?

— Не понимаете!.. А между тѣмъ эти линіи говорятъ мнѣ ясно, что вы сильно интересуетесь товарищемъ брата и, кромѣ того, что вы знаете кое-что объ огромномъ состояніи!..

Казалось, глаза алхимика хотѣли проникнуть въ глубину души молодой дѣвушки. Антуанетта очень взволновалась при его послѣднихъ словахъ, и яркая краска залила ея обнаженныя плечи и шею, но она быстро овладѣла собою и сказала, слегка улыбнувшись:

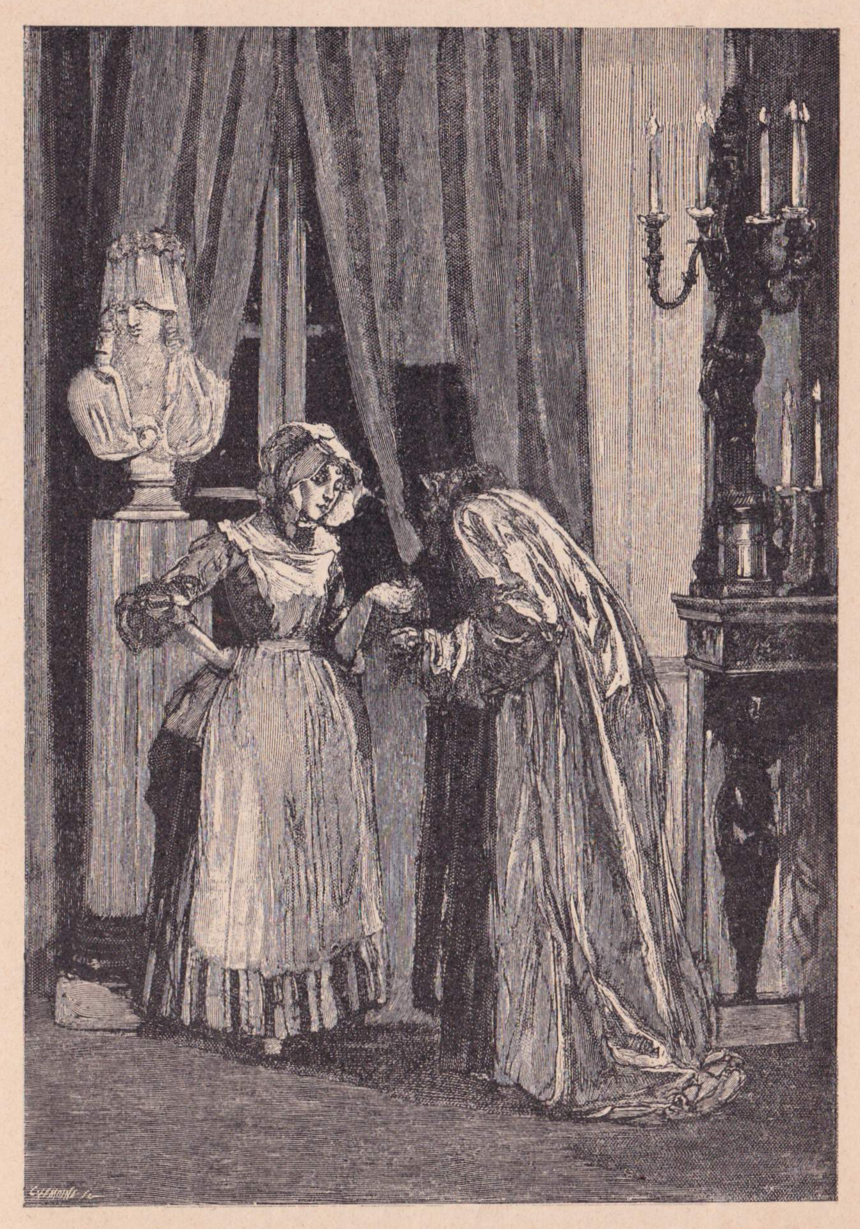
— Синьоръ алхимикъ, у васъ слишкомъ сильное воображеніе!

Съ этими словами Антуанетта быстро удалилась, и алхимикъ не посмѣлъ послѣдовать за ней.

Но стоявшая за драпировками маска-мефистофель слышала, какъ онъ гнѣвно пробормоталъ:

— Клянусь св. Маркомъ, тотъ, которымъ она такъ интересуется, дорого заплатитъ мнѣ за это!.. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось ничего выпытать у нея... Надо надѣяться, что у Беппо дѣла идутъ лучше... Да вотъ онъ! Кажется онъ ищетъ меня! Судя по свернутой въ рукѣ бумагѣ, этотъ дуракъ нашелъ то, что искалъ.

— Беккаруцци! — прошептала маска-мефистофель, тщательно прячась за складки драпри.—Вотъ это кто!.. Этотъ негодяй албанецъ и его пріятель Беппо тоже здѣсь! Что задумали они и чему они такъ обрадовались?.. Хорошо, что Жеромъ добылъ мнѣ безъ вѣдома герцога приглашеніе на этотъ вечеръ. Но, какъ вижу,



Алхимикъ гадалъ по рукѣ Антуанетты.

не я одинъ пришелъ сюда безъ приглашенія его свѣтлости... Неужели они затѣваютъ что-то противъ синьорины?.. Но съ какой стати?.. Въ чемъ эта молодая дѣвушка могла имъ помѣшать?.. Да нѣтъ, тутъ что-нибудь другое!..

Увидѣвъ, что арлекинъ направляется къ нему, алхимикъ подвинулся ближе къ нишѣ, считая это мѣсто безопаснымъ.

— Ну, съ чѣмъ пришелъ?—спросилъ онъ его.

— Письмо!.. Замѣчательное письмо!.. — радостно отвѣтилъ Беппо. — Судя по нѣсколькимъ строкамъ, которыя я успѣлъ наспѣхъ прочесть, въ немъ говорится какъ разъ о томъ Маркѣ Севранѣ, который насъ такъ интересуетъ!.. Читай! вотъ тутъ, и тутъ, и тутъ!—и Беппо указалъ на нѣкоторыя мѣста въ письмѣ.

Беккаруцци, владѣвшій французскимъ языкомъ, схватилъ письмо и сталъ жадно читать.

— Проклятіе!—воскликнулъ онъ.—Я такъ и думалъ!

— Развѣ плохо?—спросилъ Беппо.

— Все потеряно, если этотъ французъ пріѣдетъ сюда,—пробормоталъ сбиръ. — Да знаешь ли ты, кто онъ?.. Родной сынъ Матье-Марка Севрана, другими словами—наслѣдникъ, тотъ наслѣдникъ, отъ котораго мы думали, что избавились навѣки!.. Если только онъ явится сюда, такъ прощайте милліоны.

— Ахъ, чортъ возьми! А что скажетъ синьоръ маркизъ?

— Что онъ скажетъ?.. Онъ ничего не скажетъ и не долженъ ничего знать объ этомъ. Его высоковельможные взгляды только помѣшали бы намъ... Да, Беппо, на этотъ разъ...

— Ради Бога, тише! Не называй меня по имени!—просилъ арлекинъ, оглядываясь во всѣ стороны.

Беккаруцци пожалъ плечами.

— Дурень! Кто-же узнаетъ насъ въ этихъ костюмахъ?.. Теперь уже нельзя довольствоваться полумѣрами. Надо дѣйствовать энергично... этотъ французъ,

Маркъ Севранъ, долженъ исчезнуть, какъ и тотъ... на Лидо!

— Это сдѣлать не такъ-то легко! Подумай, этотъ французъ—офицеръ и находится среди своихъ солдатъ!.. И гдѣ его найдешь?

— Тамъ, гдѣ онъ находится! — сказалъ Беккаруцци.—Я ужъ найду словака, далмата или албанца, которые за кругленькую сумму уберутъ его съ нашего пути или во время сраженія или такъ, при случаѣ!.. Надѣйся на меня! Я ужъ устрою это!.. А теперь положи письмо на прежнее мѣсто.

— Это не трудно сдѣлать. Оно лежало въ открытой шкатулкѣ у синьорины въ комнатѣ.

— Хорошо, поторопись!.. Вѣдь ты знаешь, гдѣ потомъ найти меня? Мнѣ надо на свободѣ обдумать мѣры для достиженія нашей цѣли. Кто знаетъ, можетъ быть, мой узникъ станетъ податливѣе и выдастъ намъ завѣщаніе за ту вѣсть, съ которой я теперь явлюсь къ нему. Ха, ха, ха! Такая мѣна была бы прекрасна. Жизнь Марка Севрана за тотъ важный документъ! Это надо хорошенько обдумать.

И Цезарь Беккаруцци въ глубокомъ раздумьѣ вышелъ изъ палаццо, гдѣ царило шумное веселье, между тѣмъ какъ Беппо ловко прошмыгнулъ черезъ всѣ залы и положилъ письмо на прежнее мѣсто.

До этого вечера Беккаруцци чувствовалъ, что онъ совсѣмъ безсиленъ по отношенію къ узнику, котораго посѣтилъ въ августѣ. Хотя онъ и грозилъ ему тогда смертью, онъ все же сознавалъ, что поступалъ глупо, потому что, со смертью этого свидѣтеля его преступленія, онъ навсегда долженъ былъ бы отказаться отъ надежды добыть тотъ документъ, безъ котораго онъ не могъ получить наслѣдства.

Съ этого дня сбиръ сталъ неотступно слѣдить за Антуанеттой де-Берперъ, Жеромомъ Гривэ и Марино Фано, зная, что послѣдній былъ посредникомъ между Антуанеттой и ея братомъ.

Хотя онъ и подшучивалъ надъ Беппо, который избѣгалъ ссоры съ Марино, но самъ также не рѣ-

Беккаруцци сталъ читать письмо.

шался вступать съ нимъ въ пререканія: отчасти его останавливалъ суевѣрный страхъ, а главное—крѣпкія узы, связывавшія Марино съ Николотти, которые же-

стоко отомстили бы за всякую обиду, нанесенную ихъ гастальдо.

Узнавъ отъ Беппо, что Антуанетта получила отъ Жана де-Бершеръ письмо, въ которомъ говорилось о капитанѣ Севранѣ, Беккаруцци пожелалъ ознакомиться съ его содержаніемъ.

Это и побудило обоихъ воспользоваться маскированнымъ вечеромъ, чтобы проникнуть въ палаццо герцога и попытаться найти письмо.

Теперь Беккаруцци разсчитывалъ на вѣрный успѣхъ, не подозрѣвая, что его подслушалъ Марино Фано.

Маркъ Севранъ склонился надъ своимъ другомъ.

ГЛАВА XI.

На плоскогорьѣ Риволи.

— Наконецъ-то кончился этотъ проклятый дождь! Три дня лилъ онъ безъ перерыва! Шутка ли сражаться все время въ такую погоду, когда сверху льетъ какъ изъ ведра, а сбоку австрійцы осыпаютъ тебя пулями! — ворчалъ Муссонъ, подбрасывая носкомъ башмака пучекъ хворосту въ костеръ, который лишь тлѣлъ и дымилъ.

— Стало свѣтло, какъ днемъ, но морозъ начинаетъ щипать! — замѣтилъ Шалина; онъ совсѣмъ продрогъ и, сидя на корточкахъ, грѣлъ у костра руки.

— И тѣ тамъ могутъ спать въ такую лунную ночь и на такомъ морозѣ!.. Правда, сонъ намъ необходимъ!..

Въ эту ночь, послѣ 48-часового боя, полки дивизіи Жубера отдыхали подъ открытымъ небомъ.

Предстояло еще отстоять плоскогорье Риволи противъ стянутой сюда всей арміи Альвинци.

Въ ночь на 13-е января Жуберу пришлось недолго отдыхать; онъ вынужденъ былъ тѣснѣе стянуть свои линіи вслѣдствіе постоянныхъ нападеній непріятеля, на много превосходившаго его своею численностью. Несмотря на храбро отбиваемыя атаки, Жуберу пришлось медленно отступить къ Риволи, и онъ сильно опасался, что ему, можетъ быть, не удастся отстоять эту важную позицію.

— Смотри, сколько прибываетъ австрійцевъ!—воскликнулъ Муссонъ, указывая на непріятельскіе бивачные огни, вспыхивавшіе повсюду.

— Да!—сказалъ Шалина,—чѣмъ больше ихъ отправляешь на тотъ свѣтъ, тѣмъ ихъ больше снова по является! На этотъ разъ намъ несдобровать!

— Какъ знать! — возразилъ Муссонъ и вскочилъ, услышавъ быстро приближающійся лошадиный топотъ. —О, о! Кто это скачетъ къ намъ въ такой поздній часъ? Да неужели это онъ?.. Шевелись, Шалина!.. Будетъ новое дѣло, да не изъ плохихъ!.. Взгляни-ка на того, вотъ тамъ!.. Узнаешь его?.

— Главнокомандующій!.. Можетъ ли это быть!..

— Да, да, самъ генералъ Бонапартъ! Ура! мы спасены!..

Остановившись передъ шатромъ генерала Жубера, всадники соскочили съ коней. При лунномъ свѣтѣ ясно можно было узнать главнокомандующаго итальянской арміей.

Весь главный штабъ былъ уже въ движеніи: по плоскогорью неслись ординарцы отъ полка къ полку, разнося приказы, хотя былъ еще только второй часъ ночи. При яркомъ лунномъ свѣтѣ видно было, какъ

вскакивали едва успѣвшіе задремать солдаты, узнавъ неожиданнаго посѣтителя.

Шепотомъ передавали они другъ другу важную вѣсть. Всѣ воспрянули духомъ; достаточно было одного присутствія Бонапарта, чтобы у солдатъ явилась безграничная вѣра въ него какъ военачальника, и снова воскресла надежда на успѣхъ. Благодаря цѣлому ряду побѣдъ Бонапарта въ Италіи, войска готовы были слѣпо и съ восторгомъ слѣдовать за нимъ, какъ бы ни были они утомлены, и какъ бы ни было подавлено ихъ настроеніе духа.

— Ужъ теперь-то мы побѣдимъ! — вскричалъ радостно Муссонъ.—Теперь впередъ!

— Да, у меня и усталость сразу пропала!—воскликнулъ Шалина.—Пусть только австрійцы подойдутъ!

И всюду, у костровъ и въ палаткахъ, повѣяло бодростью.

Приказы раздавались осторожно, безъ шума, чтобы противникъ не могъ ничего замѣтить.

Полки занимали одинъ за другимъ указанныя самимъ Бонапартомъ мѣста, не ожидая наступленія дня.

Бонапартъ уже былъ знакомъ съ этой мѣстностью, но теперь онъ знакомился съ нею болѣе подробно, выслушивая доклады стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ развѣдчиковъ и лазутчиковъ. Онъ лично разспрашивалъ каждаго изъ нихъ, провѣряя по своей картѣ, насколько вѣрны полученныя свѣдѣнія, а затѣмъ разсылалъ своихъ адъютантовъ и ординарцевъ, чтобы направить войска, пѣхоту, кавалерію и артиллерію на соотвѣтствующія позиціи.

Едва только Бонапартъ вступилъ на плоскогорье и окинулъ своимъ ястребинымъ взоромъ расположеніе непріятеля, какъ онъ понялъ весь планъ Альвинци и сразу замѣтилъ его слабыя стороны.

Австрійскій главнокомандующій хотѣлъ штурмовать плоскогорье одновременно со всѣхъ сторонъ, — это было ясно по занятымъ войсками позиціямъ.

Но по послѣднимъ наступленіямъ на Жубера, какъ и по несерьезнымъ схваткамъ съ Ожеро въ нижней долинѣ Эча, Бонапартъ понялъ, еще не покидая Вероны, куда Альвинци собирается нанести главный ударъ.

Поэтому онъ и поспѣшилъ сюда. Сначала Бонапартъ двигался во главѣ дивизіи Массены, которую тотчасъ же послалъ на подмогу Жуберу, а самъ, сгорая отъ нетерпѣнія, поскакалъ впередъ. Прибывъ на плоскогорье Риволи, онъ убѣдился, что не ошибся, и, ознакомившись съ позиціями австрійцевъ, приготовился къ бою.

Тѣмъ временемъ Муссонъ и Шалина заняли свои мѣста въ 25-мъ полку, стоявшемъ уже въ боевомъ порядкѣ рядомъ съ штабомъ Бонапарта, благодаря чему они слышали все, что тотъ говорилъ, какіе отдавалъ приказы, а также и отрывки изъ разговора офицеровъ и распоряженія ихъ.

Болѣе развитой и живой Муссонъ понялъ изъ всего происходившаго вокругъ нихъ больше, чѣмъ его товарищъ, и пояснялъ ему:

— Мнѣ сдается, что Альвинци раздѣлилъ свою 40-тысячную армію на шесть колоннъ, чтобы ринуться на насъ одновременно со всѣхъ сторонъ. Три изъ нихъ состоятъ только изъ пѣхоты, занявшей высоты Бальдо, поднимающіяся уступами... куда не могутъ подняться ни кавалерія, ни артиллерія. Но это не все! Главныя силы — гренадеры, кавалерія, артиллерія и обозъ—двигаются по большой дорогѣ между рѣкой и горами; она постепенно извиваясь подымается въ гору, а затѣмъ выходитъ сюда, на это плоскогорье; дорога эта, кажется, называется Инканале.

— Вотъ тутъ-то и надо схватиться съ врагомъ!— замѣтилъ Шалина.

— Это ужъ дѣло нашего Маленькаго капрала, который, навѣрно, все хорошо обдумалъ. Но есть еще одна непріятельская колонна подъ начальствомъ Лу-

зиньяна; она должна напасть на насъ съ тыла и отрѣзать намъ дорогу въ Верону. Кромѣ того, одна колонна стоитъ на лѣвомъ берегу Эча.

— А эта что будетъ дѣлать? Вѣдь рѣка раздѣляетъ насъ!

— А, можетъ быть, она будетъ угощать насъ оттуда ядрами. Это ничего по-твоему?

— Я вполнѣ полагаюсь на Бонапарта! Вѣдь онъ здѣсь!

Не дожидаясь подкрѣпленій Массены и наступленія дня, Бонапартъ двинулъ дивизію Жубера, чтобы помѣшать плану Альвинцци и не допустить соединенія сильной колонны, состоявшей изъ артиллеріи и кавалеріи, которая поднималась по Инканале, съ тремя корпусами пѣхоты, спускавшимися съ высотъ Бальдо.

Чтобы лучше развернуть свои силы на плоскогорьѣ, французы атаковали всѣ австрійскіе посты одновременно, и тѣ вынуждены были отступить.

Но одна австрійская колонна бросилась во флангъ 89-го и 25-го полковъ, не успѣвшихъ еще построиться. Французы не выдержали натиска и обратились въ бѣгство. Муссонъ и Шалина, увлекаемые товарищами, были внѣ себя отъ бѣшенства и съ яростью защищали каждую пядь земли.

Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока они не добѣжали до 14-го полка, командиръ котораго выстроилъ свой полкъ подъ угломъ, чтобы задержать отступленіе.

Во время этого переполоха знаменосца 14-го полка сразила пуля, и знаменемъ овладѣлъ непріятель. Старый сержантъ бросился впередъ, чтобы отбить его, но также былъ смертельно раненъ.

— Товарищи, спасите знамя, и я умру счастливымъ!—крикнулъ онъ.

Въ это время фельдфебель отбилъ знамя и убилъ прикладомъ австрійца, завладѣвшаго имъ.

Бой разгорался. Ободренные успѣхомъ австрійцы бросились впередъ съ цѣлью завладѣть орудіями, лошади у которыхъ были перебиты.

Въ эту минуту выбѣжалъ впередъ офицеръ и крикнулъ:

— Гренадеры 14-го полка, неужели вы покинете свои пушки?!

Въ ту же минуту какой-то капитанъ схватилъ знамя и, высоко поднявъ его, бросился къ самому опасному мѣсту. За нимъ устремилось пятьдесятъ человѣкъ, въ томъ числѣ Муссонъ и Шалина, и орудія были спасены...

Завязался ожесточенный рукопашный бой. Французамъ грозила большая опасность, потому что австрійцы превосходили ихъ своей численностью во много разъ. Восходящее надъ снѣговыми вершинами солнце ярко озарило всѣ ужасы сраженія.

Бонапартъ тотчасъ замѣтилъ затруднительное положеніе своихъ полковъ и поскакалъ къ Риволи за подмогой; онъ прибылъ туда какъ разъ въ то время, когда подходила дивизія Массены изъ Вероны.

Бонапартъ тотчасъ сталъ во главѣ 32-го полка, извѣстнаго ему своею храбростью и находившагося во главѣ колонны

— Товарищи 32-го,—крикнулъ Бонапартъ, — ваши братья въ опасности!.. Неужели вы допустите, чтобы непріятель подавилъ ихъ своею численностью?

Въ отвѣтъ на его слова раздался единодушный крикъ всего полка:

— Впередъ! впередъ!

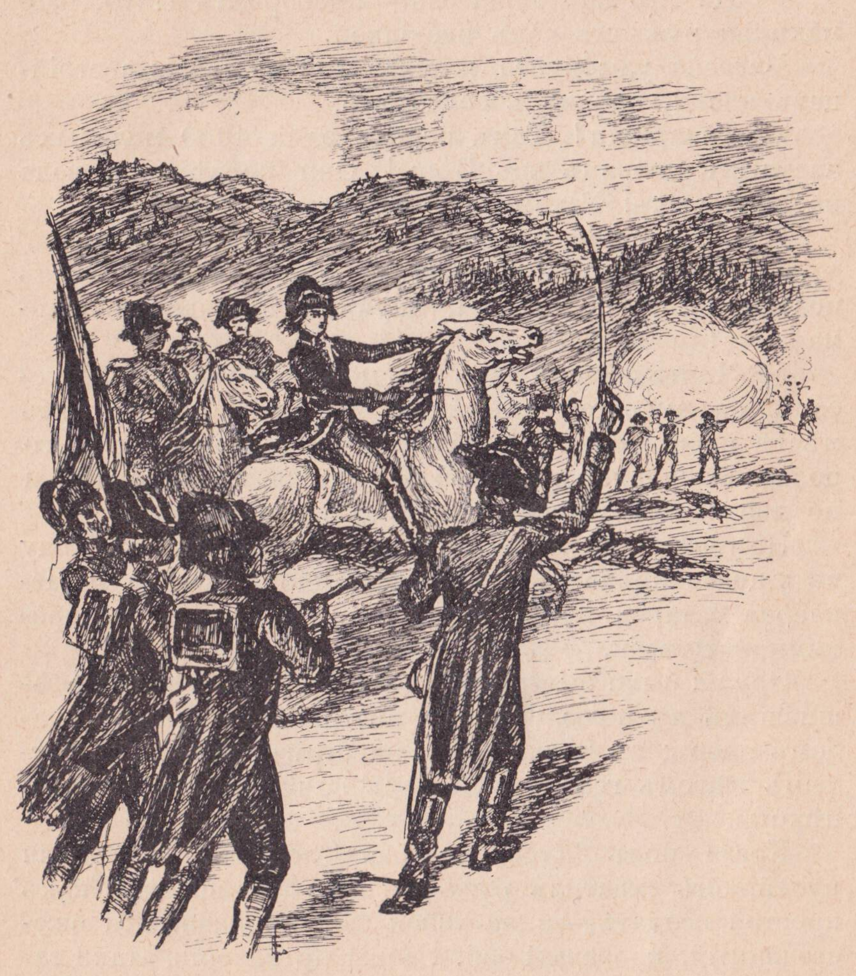
Пробѣгая мимо Бонапарта, Кириллъ Ламалу обернулся и, не останавливаясь, крикнулъ ему:

— Генералъ, ты жаждешь славы! Будь покоенъ, мы добудемъ тебѣ славу!

Нѣсколько минутъ спустя полкъ подоспѣлъ на помощь товарищамъ, которыхъ сильно тѣснили австрійцы, и съ ожесточеніемъ ринулся на непріятеля. Французы снова перешли въ наступленіе, а австрійцы должны были отступить и не могли соединиться съ колонной, подымавшейся по горной дорогѣ Инканале.

Тѣмъ временемъ подошелъ 18-й полкъ.

— Храбрые молодцы 18-го!—обратился къ нимъ



„Товарищи 32-го, ваши братья въ опасности!..“ крикнулъ Бонапартъ.

Бонапартъ.—Я знаю васъ! Непріятель не устоитъ передъ вами!

Самоа, поднявъ свою треуголку, крикнулъ ему въ отвѣтъ:

— Ты правъ, генералъ, ему не устоять! Обѣщаю тебѣ это!

— Да гдѣ же непріятель?—проворчалъ Плуэ, размахивая ружьемъ какъ игрушкой.

Массена улыбнулся и, указывая на толпы австрійцевъ вдали, крикнулъ солдатамъ:

— Товарищи! Тамъ передъ вами 4000 молодыхъ знатныхъ дворянъ изъ Вѣны! Они поспѣшили сюда на почтовыхъ! Рекомендую ихъ вамъ!

По всей линіи полка раздался громкій смѣхъ.

— Хорошо! — воскликнулъ Самоа. — Мы сейчасъ познакомимся съ ними и научимъ ихъ плясать карманьолу!

— Чортъ возьми, какъ ихъ много!..—говорилъ Муссонъ своему другу Шалина, находясь въ другомъ мѣстѣ плоскогорья и наблюдая съ товарищами 25-го полка за сильной колонной непріятеля, поднимавшейся по извилистой горной дорогѣ Инканале.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ мимо нихъ ко входу въ ущелье пронеслась подъ командой Лассаля и Леклерка батарея легкой артиллеріи съ двумя эскадронами кавалеріи.

Орудія были быстро установлены и встрѣтили спѣшившихъ къ полю сраженія австрійцевъ цѣлымъ градомъ ядеръ; въ то же время навстрѣчу имъ шелъ бѣглымъ шагомъ генералъ Жуберъ во главѣ своей легкой пѣхоты.

Когда подъ Жуберомъ пала лошадь, сраженная пулей, онъ схватилъ ружье и ринулся впередъ какъ простой солдатъ,—и на узкой дорогѣ завязался ожесточенный, кровавый бой. Залпы артиллеріи, атаки кавалеріи и штыки пѣхоты совершили свое кровавое дѣло.

Въ то же время спускавшіяся съ высотъ Бальдо три колонны подъ начальствомъ Липтэя, Оскәя и Кобло пытались овладѣть плоскогорьемъ Риволи, чтобы укрѣпиться на немъ, пока французы сражаются въ гор-

номъ ущельѣ, обстрѣливаемомъ съ лѣваго берега Эча Вукасовичемъ, ядра котораго одновременно косили какъ французовъ, такъ и своихъ.

Въ то же время Лузиньянъ, замѣтивъ намѣреніе Оская, Липтэя и Кобло, сдѣлалъ поворотъ влѣво и направился въ тылъ французской арміи, намѣреваясь этимъ маневромъ отрѣзать ей путь къ отступленію на Верону и вмѣстѣ съ тѣмъ преградить дорогу Рею, который шелъ съ резервной дивизіей изъ Кастель-Ново.

Эти передвиженія австрійскихъ дивизій, какъ сѣверной, такъ и южной, были совершены съ замѣчательнымъ искусствомъ, такъ что, казалось, Бонапарту съ его 16-тысячнымъ войскомъ невозможно пробиться сквозь желѣзный кругъ охватившей его со всѣхъ сторонъ 40-тысячной непріятельской арміи.

Центромъ этого все болѣе суживавшагося круга былъ Бонапартъ съ дивизіями Жубера и Массены.

75-й полкъ стоялъ рядомъ съ 18-мъ, который такъ блестяще только что исполнилъ возложенную на него задачу.

— Эй, сержантъ!.. Взгляни-ка на ту снѣжную глыбу, которая катится сюда! — крикнулъ Самоа сержанту Гуло, указывая на одѣтыхъ въ бѣлые мундиры гренадеръ Лузиньяна, приближавшихся бѣглымъ шагомъ.—У! какъ ихъ много! Точно муравейникъ!

Въ эту минуту проѣзжалъ мимо Бонапартъ, окруженный своимъ штабомъ. Услышавъ слова Самоа, онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на австрійскія колонны и затѣмъ пожалъ презрительно плечами, какъ бы не ставя ни во что такого врага, а, проѣзжая по фронту 18-го и 75-го полковъ, крикнулъ солдатамъ:

— Вотъ тѣ тамъ будутъ наши!

Затѣмъ онъ спокойно отдалъ приказъ пѣхотѣ Жубера, 200 гусарамъ Лассаля и другимъ войскамъ произвести движеніе полукругомъ, направленное противъ трехъ колоннъ, спускавшихся съ высотъ Бальдо.

— Ну что! понялъ, товарищъ?—крикнулъ насмѣшливо Гуло, обращаясь къ Самоа.—Что ты теперь скажешь?

— Что вотъ тѣ тамъ будутъ наши!.. Клянусь, я приведу ему ихъ столько, сколько онъ прикажетъ!.. Однако, какое довѣріе питаетъ къ намъ нашъ Маленькій капралъ!—произнесъ съ восторгомъ Самоа.

— Смотрите, онъ повернулся къ нимъ спиной и не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, точно ихъ совсѣмъ нѣтъ здѣсь!—замѣтилъ Бискароссъ.—А между тѣмъ ихъ почти втрое больше, чѣмъ насъ!

— А взгляни-ка, что тамъ дѣлается!—сказалъ Мимизанъ, указывая на высоты Бальдо, уступы которыхъ были окутаны густымъ дымомъ, среди котораго ежеминутно сверкали огни пушечныхъ выстрѣловъ.

Три колонны австрійской пѣхоты съ высотъ Бальдо замѣтили наступленіе Лузиньяна и надѣялись, что смогутъ задержать французовъ на плоскогорьѣ. Но къ своему изумленію они увидѣли, что всѣ непріятельскія силы устремились на нихъ, совсѣмъ не обращая вниманія на грозившую имъ съ тыла опасность.

Подобно молніи, врѣзалась въ ряды австрійцевъ легкая пѣхота и гусары. Натискъ былъ такой ужасный, что все рѣшилось въ нѣсколько минутъ; австрійцы не устояли, и, потерявъ надежду соединиться съ колонной, находившейся на Инканале, которая также въ безпорядкѣ бѣжала обратно внизъ по дорогѣ, пѣхота Оская, Кобло и Липтэя обратилась въ паническое бѣгство. Ни уговоры, ни угрозы офицеровъ не могли остановить солдатъ.

Эти три колонны были также уничтожены сокрушительнымъ натискомъ французовъ. Кто не могъ выбраться на уступы, чтобы добраться до горныхъ вершинъ, или не успѣвалъ укрыться въ ущельяхъ, были убиты или взяты въ плѣнъ.

Убѣдившись, что съ этой стороны непріятель уничтоженъ, Бонапартъ поручилъ своей легкой пѣхотѣ и

кавалеріи покончить съ непріятелемъ, такъ какъ австрійцы стали сдаваться въ плѣнъ тысячами. Самъ же онъ помчался къ центру плоскогорья, чтобы пустить въ дѣло артиллерію и отдать приказы 18-му и 75-му полкамъ, въ которомъ находились Жанъ Бершеръ и Маркъ Севранъ.

— Нашъ генералъ былъ правъ! Они будутъ наши!— крикнулъ съ восторгомъ Самоа своему товарищу Плуэ.

Въ это время среди грохота орудій, осыпавшихъ снарядами корпусъ Лузиньяна, раздался съ высоты плоскогорья приказъ Бонапарта:

— 75-й и 18-й впередъ!

Бершеръ, Севранъ и другіе офицеры полка повторили команду:

— Впередъ!

Въ то время, какъ оба полка сформировались въ двѣ штурмовыя колонны и подобно лавинѣ стали спускаться съ плоскогорья, Самоа затянулъ пѣсню, которую тотчасъ громко подхватили солдаты подъ рѣзкіе звуки флейтъ, и войска бѣглымъ шагомъ съ развѣвающимися знаменами двинулись на враговъ.

Австрійцы съ тревогой прислушивались къ этому гулу голосовъ, похожему на ревъ дикихъ звѣрей.

И это восторженное пѣніе, заглушавшее свистъ ядеръ и трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, казалось имъ зловѣщимъ. Не успѣли они опомниться, какъ французы врѣзались въ ихъ ряды. Несмотря на мужество и храбрость, австрійцы не устояли противъ этого натиска, и въ рядахъ ихъ произошло что-то ужасное.

Но ихъ ждало еще новое несчастье. Охваченные паникой, они обратились въ бѣгство и наткнулись на дивизію Рея, которая въ это время подходила къ полю сраженія изъ-за Кастель-Ново.

Полное уничтоженіе австрійской арміи было неминуемо. Началась ужасная рѣзня: французы кололи и рубили съ остервенѣніемъ, не давая никому пощады. Жанъ де-Бершеръ рѣшилъ прекратить это

страшное кровопролитіе, тѣмъ болѣе, что непріятель сдавался въ плѣнъ и молилъ о пощадѣ.

— Помоги мнѣ, Севранъ, спасти этихъ несчастныхъ! — крикнулъ онъ своему другу, останавливая своихъ солдатъ.

— Долой оружіе! — крикнулъ Севранъ солдатамъ и бросился въ самую густую толпу, чтобы прекратить это безцѣльное убійство; и, повернувшись къ своимъ солдатамъ, онъ преградилъ имъ саблей дальнѣйшій путь.

Въ ту же минуту изъ толпы сдававшихся въ плѣнъ австрійцевъ неожиданно раздался одинокій выстрѣлъ изъ пистолета, и кто-то крикнулъ: „Маркъ Севранъ".

Пуля попала въ грудь Жану де-Бершеръ.

Гуло яростно ринулся на стрѣлявшаго негодяя, который пытался скрыться за партіей плѣнныхъ, и прокололъ его штыкомъ.

Къ удивленію французовъ плѣнные австрійцы съ негодованіемъ отступили отъ трупа. Одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ, говорившій по-французски, подошелъ посмотрѣть на убитаго, чтобы узнать, кто изъ его солдатъ могъ совершить этотъ гнусный поступокъ.

— Это не австріецъ, это словакъ, окаянный венеціанскій солдатъ!

— Странно, очень странно!.. Онъ стрѣлялъ съ умысломъ!—замѣтилъ Гуло, обтирая кровь со штыка.— Я слышалъ, какъ онъ выкрикнулъ имя капитана, направивъ на него пистолетъ.

Маркъ Севранъ въ отчаяніи склонился надъ своимъ другомъ, который, открывъ глаза, тихо прошепталъ:

— Ты невредимъ!.. Какъ я счастливъ!

— Онъ собою заслонилъ васъ, капитанъ! Я это ясно видѣлъ!—сказалъ Бискароссъ.

— Что?—воскликнулъ ошеломленный Маркъ Севранъ.

— Да, Бискароссъ правъ!—подтвердилъ Гуло.— Негодяй цѣлился въ васъ и назвалъ вашу фамилію! Вѣроятно, это была месть! Вы знаете его?

Но Маркъ Севранъ уже не слушалъ своихъ солдатъ.

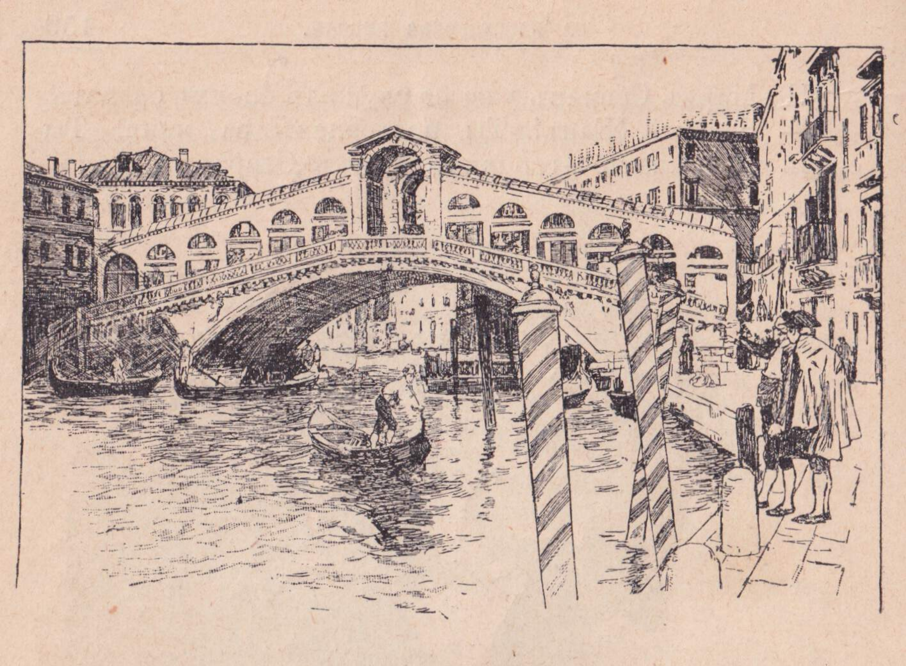
— Бѣдный Жанъ! Ты пострадалъ за меня! Ты спасъ мнѣ жизнь!—говорилъ Маркъ Севранъ.

Пуля попала въ грудь Жану де-Бершеръ.

На блѣдномъ лицѣ Жана де-Бершеръ появилась слабая улыбка.

— А ты развѣ не спасъ мнѣ жизнь подъ Мондови!

Раненому сдѣлали перевязку и въ тотъ же вечеръ въ санитарной каретѣ отправили въ Верону въ полевой лазаретъ!



Беппо указалъ на гондолу.

ГЛАВА XII.

Антуанетта.

— Итакъ, синьорина, вы окончательно рѣшили ѣхать въ Верону?

-- Да, Марино. Я не могу оставаться,—это мой долгъ. Кто безъ меня будетъ ухаживать за братомъ?.. Никто изъ моихъ родныхъ не хочетъ ѣхать въ Верону; поэтому я должна ѣхать туда, хотя и безъ согласія моихъ родителей. Пусть они убѣдятся, что я тоже обладаю твердой волей.

— Я давно убѣдился въ этомъ, синьорина, и готовъ помочь вамъ, чѣмъ могу. Но не легко будетъ

молодой дѣвушкѣ пробираться по такой мѣстности, гдѣ происходитъ постоянное передвиженіе войскъ разныхъ національностей.

— Но я ѣду не одна, Марино! Со мною ѣдетъ Жеромъ. Онъ храбрый, сильный и очень мнѣ преданъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ соборѣ св. Марка въ концѣ января 1797 г., два дня спустя послѣ того, какъ Марино доставилъ Антуанеттѣ письмо изъ мѣстности, занятой дивизіей Массены, къ которой принадлежали Жанъ де-Бершеръ и Маркъ Севранъ.

Полученное ею письмо, написанное незнакомымъ почеркомъ, сильно удивило и взволновало Антуанетту.

„Ла-Фаворита подъ Мантуей. 28 Нивозъ *), V г.

Сударыня!

Не пугайтесь! Братъ вашъ чувствуетъ себя сравнительно сносно. Онъ теперь внѣ опасности, — это общее мнѣніе врачей. Раненъ онъ подъ Риволи уже подъ конецъ сраженія, во время котораго выказалъ необычайную доблесть. Чтобы спасти меня, онъ пожертвовалъ собственной жизнью, которая дорога всѣмъ его роднымъ, и я очень сожалѣю, что не меня сразила та пуля. Я круглый сирота, и меня некому было бы оплакиватъ!..“

Это письмо испугало Антуанетту. Правда, ея любимый братъ былъ живъ, но раны его, можетъ быть, очень опасны, и теперь онъ лежитъ одинокій въ лазаретѣ!

Не дочитавъ еще до конца, она уже предчувствовала, кто авторъ письма; его имя было ей хорошо извѣстно и постоянно встрѣчалось въ письмахъ Жана. Она взглянула на подпись. Да, это онъ, Маркъ Севранъ!

— Грустныя вѣсти, друзья мои!—обратилась она къ Жерому Гривэ и преданному Марино Фано.—Братъ раненъ. Цѣлились въ его друга Марка Севрана. Онъ самъ мнѣ это пишетъ!

*) Нивозъ—четвертый мѣсяцъ въ республиканскомъ году съ 22 декабря по 20 января.

Вѣсть эта произвела на гондольера и Жерома различное впечатлѣніе. Жеромъ былъ глубоко потрясенъ тѣмъ, что его молодой баринъ раненъ, а Марино съ нетерпѣніемъ сталъ разспрашивать, при какихъ обстоятельствахъ случилось несчастье.

Въ письмѣ сообщалось, что послѣ битвы, когда австрійцы уже сдались и сложили оружіе, изъ среды ихъ вдругъ былъ сдѣланъ одинокій выстрѣлъ какимъ-то словакомъ, который скрывался въ рядахъ австрійцевъ.

— Вы говорите это былъ словакъ?—спросилъ Марино, нахмуривъ брови.—Что еще говорится объ этомъ въ письмѣ?

— Въ письмѣ говорится о странныхъ, невѣроятныхъ вещахъ!—отвѣтила Антуанетта, пробѣгая дальше письмо.

Въ письмѣ сообщалось, что плѣнныхъ австрійцевъ подвергли строгому допросу, и они торжественно заявили, что убитый словакъ не принадлежалъ къ корпусу Лузиньяна. Они также подтвердили, что стрѣляя этотъ словакъ крикнулъ: „Маркъ Севранъ“.

Французскіе солдаты, сержантъ Гуло и Бискароссъ, также слышали, что убійца назвалъ имя капитана Севрана.

„Все это весьма странно!—говорилось въ письмѣ.—Что могло побудить того словака стрѣлять въ меня и при этомъ назвать мое имя? Личныхъ враговъ у меня нѣтъ; только враги Франціи—мои враги. Никто меня въ Италіи не знаетъ и никто не можетъ преслѣдовать меня изъ-за личной мести. Мнѣ кажется, тутъ кроется какое-то недоразумѣніе! Плѣнные австрійцы утверждаютъ, что среди императорскихъ войскъ встрѣчалось не мало словаковъ. Они появились среди нихъ только тогда, когда наша дивизія, выступившая наканунѣ изъ Вероны, прибыла къ Риволи...“

Марино все время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за разсказомъ.

„Грустныя вѣсти, друзья мои!“ сказала Антуанетта.

— Все это очень важно!..—сказалъ онъ задумчиво.

— Почему же?.. — спросила Антуанетта. — Ты, кажется, придаешь этому разсказу какое-то значеніе?

— Я увѣренъ, синьорина,—отвѣтилъ Марино,—что хотѣли убить капитана Марка Севрана! Пуля, назначенная для него, сразила вашего брата.

Слова Марино сильно удивили Антуанетту, и она взволнованно спросила его:

— Какъ можешь ты знать это здѣсь, въ Венеціи, когда тамъ, далеко отъ насъ, на мѣстѣ преступленія никто не можетъ понять цѣли этого покушенія!

Гондольеръ осмотрѣлся и убѣдившись, что никто не слышитъ ихъ, отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, я узналъ того, кто очень желаетъ избавиться отъ капитана Севрана, сына того несчастнаго француза, который былъ убитъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, и могилу котораго на Лидо я вамъ показывалъ.

Молодая дѣвушка вспомнила теперь имя, которое она тогда прочла на надгробномъ камнѣ.

— Матье-Маркъ Севранъ!..—сказала она.—Это былъ его отецъ. Я совсѣмъ позабыла про эту старую исторію. Но теперь припоминаю ее!.. И ты увѣренъ, что у капитана есть враги, которыхъ онъ не знаетъ? Враги, которые желаютъ его смерти?..

— Да, и одинъ изъ нихъ особенно опасенъ! — мрачно сказалъ гастальдо.

— Но за что? Какая тому причина?

— Причина та-же, изъ-за которой онъ убилъ Матье-Марка Севрана. Вспомните о наслѣдствѣ, синьорина! Вѣдь братъ вашъ подробно разсказалъ вамъ о немъ въ письмѣ, написанномъ послѣ битвы подъ Арколой. Врагъ этотъ хочетъ овладѣть этимъ наслѣдствомъ! Въ этомъ нѣтъ сомнѣнья!..

— Но вѣдь вся эта исторія о наслѣдствѣ басня, сказка!.. Этихъ милліоновъ не существуетъ!—прервала его Антуанетта.

— Почемъ знать! — возразилъ гондольеръ. — Объ этомъ знаетъ только одинъ человѣкъ, и онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ, лишь бы добиться цѣли! Жизнь человѣка онъ ни во что не ставитъ!..

— Кто же это?—спросила Антуанетта.

— Капитанъ Цезарь Беккаруцци, — отвѣтилъ Марино,—сбиръ Высокочтимой Республики и проклятое орудіе венеціанской инквизиціи!

— Такой человѣкъ всесиленъ! Противъ него ничего не подѣлаешь! — горестно воскликнула молодая дѣвушка.

— Да, никто не отважится выступить противъ него, кромѣ одного!..—и Марино торжественно поднялъ руку къ небу и продолжалъ:

— Тотъ, кто является орудіемъ судьбы, сильнѣе государственной инквизиціи, сильнѣе всей венеціанской полиціи, сильнѣе всѣхъ!..

Марино отказался отъ дальнѣйшихъ объясненій.

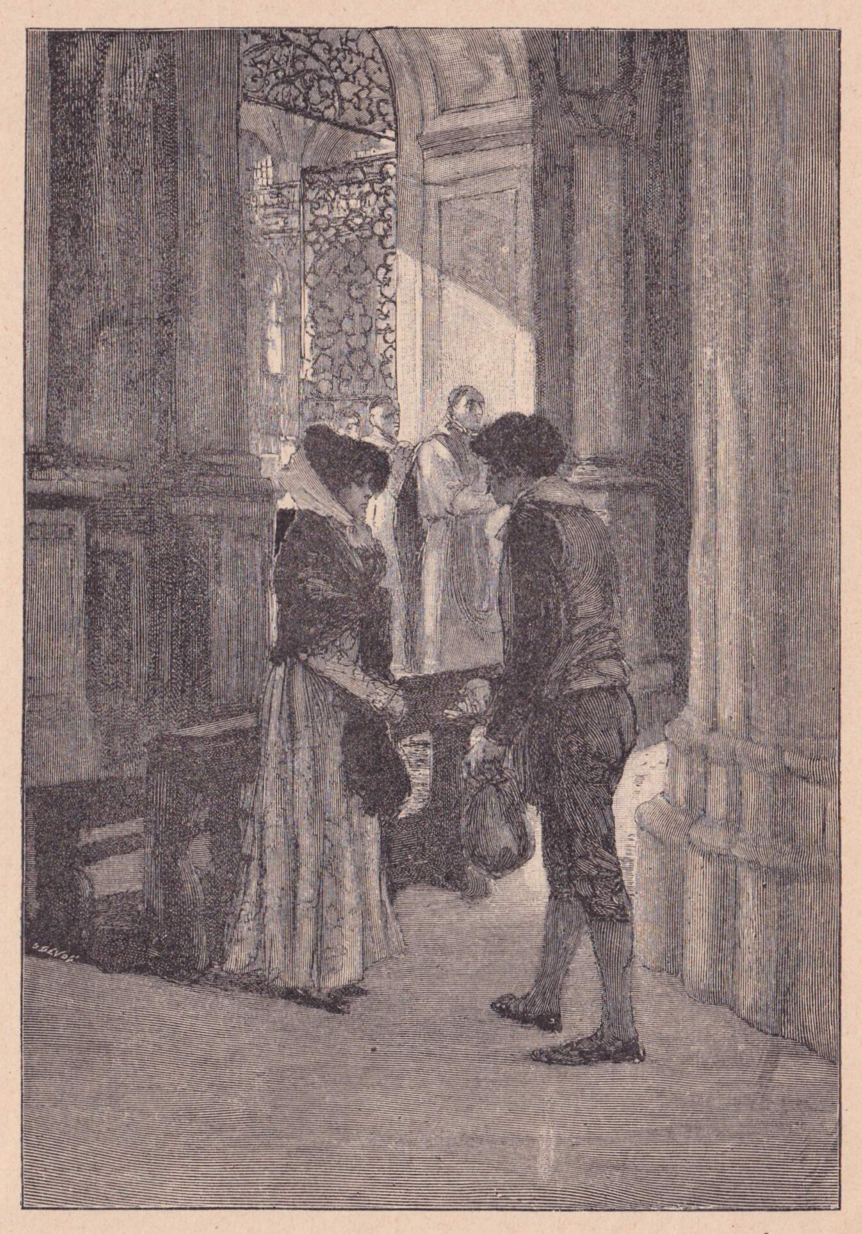
— Приходи, Марино, послѣзавтра рано утромъ въ соборъ св. Марка! Мнѣ надо будетъ переговорить съ тобой!—сказала Антуанетта.

— Я буду тамъ въ назначенное время, синьорина! — отвѣтилъ Марино и поклонившись удалился.

Молодая дѣвушка поспѣшила домой, чтобы еще разъ прочесть письмо и сообщить матери роковую вѣсть о томъ. что братъ раненъ. Она надѣялась уговорить старшаго брата, маркиза, отправиться въ Верону и перевезти Жана въ Венецію, чтобы имѣть возможность ухаживать за нимъ.

Но всѣ ея уговоры и просьбы не увѣнчались успѣхомъ: Гонтранъ былъ гордый, черствый эгоистъ; герцогъ отнесся къ этой вѣсти, повидимому, равнодушно, особенно узнавъ, что жизнь сына внѣ опасности, а герцогиня была женщина нерѣшительная и только плакала и жаловалась на свою судьбу..

Тогда Антуанетта рѣшилась ѣхать къ брату одна въ сопровожденіи Жерома. Она взяла всѣ свои сбере-



Марино засталъ Антуанетту въ соборѣ.

женія и поручила Жерому купить оружіе и все необходимое для путешествія. При этомъ она надѣялась и на помощь Марино, которому назначила явиться въ соборъ св. Марка.

Узнавъ о покушеніи на убійство Марка Севрана, Марино Фано тотчасъ заподозрилъ Цезаря Беккаруцци. Онъ понялъ что оно явилось осуществленіемъ того разговора, который онъ подслушалъ на маскированномъ вечерѣ у герцога, гдѣ наряженный алхимикомъ сбиръ объявилъ своему пріятелю Беппо, что необходимо дѣйствовать рѣшительно, и что капитанъ Маркъ Севранъ долженъ такъ же исчезнуть, какъ исчезъ Матье-Маркъ Севранъ. При этомъ сбиръ упомянулъ, что для этой цѣли онъ воспользуется словаками, наемниками Венеціи, которые во время сраженія найдутъ случай безнаказанно совершить это дѣло.

Поэтому гондольеръ не сомнѣвался, что Беккаруцци нанялъ убійцъ. Первый изъ нихъ, ранивъ де-Бершера, погибъ отъ штыка сержанта, но другой могъ исполнить это дѣло съ большимъ успѣхомъ.

Къ несчастью, агентъ Совѣта Трехъ располагалъ для своихъ злодѣяній гораздо большими средствами, нежели Марино для предупрежденія ихъ.

Тотчасъ послѣ вечера у герцога Беккаруцци съ помощью Беппо выбралъ нѣсколько словаковъ, которые поспѣшно отправились въ Верону для выполненія кроваваго порученія.

Но второе покушеніе не могло быть предпринято безъ новаго приказанія со стороны Беккаруцци, который еще не получилъ извѣщенія, что покушеніе не удалось.

Между тѣмъ Севранъ передалъ своего раненаго товарища на попеченіе преданныхъ друзей, а самъ присоединился къ своему полку, который принадлежалъ къ дивизіи Массены. Подъ начальствомъ Бонапарта эта дивизія быстро направилась на Мантую, гдѣ Серюрье и Міоллисъ все еще осаждали Вурмзера, кото-

раго собирался съ 10-тысячнымъ войскомъ выручить Провера, удачно обошедшій генерала Ожеро у нижняго Эча.

Этотъ замѣчательный переходъ французской арміи, не успѣвшей еще отдохнуть послѣ сраженія подъ Риволи, продолжался всю ночь съ 14-го на 15-ое января, при чемъ сопровождался цѣлымъ рядомъ побѣдъ и закончился великимъ сраженіемъ подъ Фаворитой.

Оно началось раннимъ утромъ 15-го января и закончилось полнымъ пораженіемъ Провера, при чемъ французы взяли 6000 плѣнныхъ, среди которыхъ находились также вѣнскіе добровольцы, для которыхъ австрійская императрица собственноручно вышила знамя.

— О, Массена будетъ очень доволенъ! — воскликнулъ Самоа, увидѣвъ знамя во власти французовъ.—Наконецъ-то мы добыли знамя этихъ молокососовъ, на которыхъ онъ намъ указалъ въ началѣ сраженія подъ Риволи!.. Они на почтовыхъ прибыли въ Бассано, а теперь сидятъ въ Мантуѣ, какъ въ петлѣ, концы которой у насъ въ рукахъ!.. Ха, ха, ха!..

Тѣмъ временемъ Жуберъ преслѣдовалъ Альвинци и взялъ въ плѣнъ 7000 австрійцевъ. Такимъ образомъ Бонапартъ въ теченіе трехъ дней ослабилъ противника на 13000 солдатъ, а дивизія Массены превзошла быстротой даже легіоны Цезаря: со времени своего выступленія изъ Вероны, въ ночь съ 13-го на 14-е января, она безпрерывно въ теченіе четырехъ сутокъ сражалась и совершала переходы.

Только на слѣдующій день послѣ побѣды подъ Фаворитой Маркъ Севранъ удосужился написать Антуанеттѣ письмо, въ которомъ онъ разсказалъ ей, какъ и когда былъ раненъ ея братъ, что пуля найдена и удалена, и хирурги полевого лазарета въ Веронѣ увѣрены, что Жанъ скоро поправится.

Подъ впечатлѣніемъ этого письма молодая дѣвушка рѣшила, даже безъ согласія своихъ родителей, ѣхать въ Верону, чтобы ухаживать за раненымъ братомъ.

Въ чудесномъ храмѣ св. Марка она обратилась съ молитвой о покровительствѣ ко всѣмъ святымъ, изо-

Марино пришелъ въ назначенное время.

браженнымъ здѣсь въ прекрасной мозаикѣ на золотомъ фонѣ.

Марино пришелъ въ храмъ въ назначенное время.

— Марино, — обратилась къ нему Антуанетта,— сегодня въ сумерки я приду съ Жеромомъ къ нашей пристани и захвачу съ собой все, что намъ нужно будетъ въ дорогѣ.

Гондольеръ поклонился въ знакъ согласія.

При наступленіи сумерекъ, когда солнце склонялось уже къ закату за дальними Тирольскими горами, а надъ каналомъ Гранде заколыхались легкіе туманы, Антуанетта и Жеромъ, сидя въ палаткѣ гондолы Марино, покинули Венецію и направились въ Местръ.

Случайно Беккаруцци и Беппо находились невдалекѣ отъ моста Ріальто. Оба пріятеля весело бесѣдовали и радовались, что послѣдняя преграда къ достиженію ихъ завѣтной мечты уже устранена.

— Я получилъ оттуда добрыя вѣсти, — сказалъ Беккаруцци, цинично улыбаясь. — Да, мои вѣрные словаки сдѣлали свое дѣло!.. Ха! ха! ха! дружище! Въ эту минуту французскій офицеръ, должно быть, уже совершаетъ свой послѣдній путь!.. Быстро и гладко!..

Вдругъ Беппо перегнулся черезъ каменныя перила и указалъ на гондолу, которая съ неимовѣрной быстротой неслась по направленію къ Канареджіо.

— Взгляни-ка, Цезарь!.. Да, я не ошибаюсь... Это Марино ѣдетъ тамъ?

Беккаруцци взглянулъ по указанному направленію.

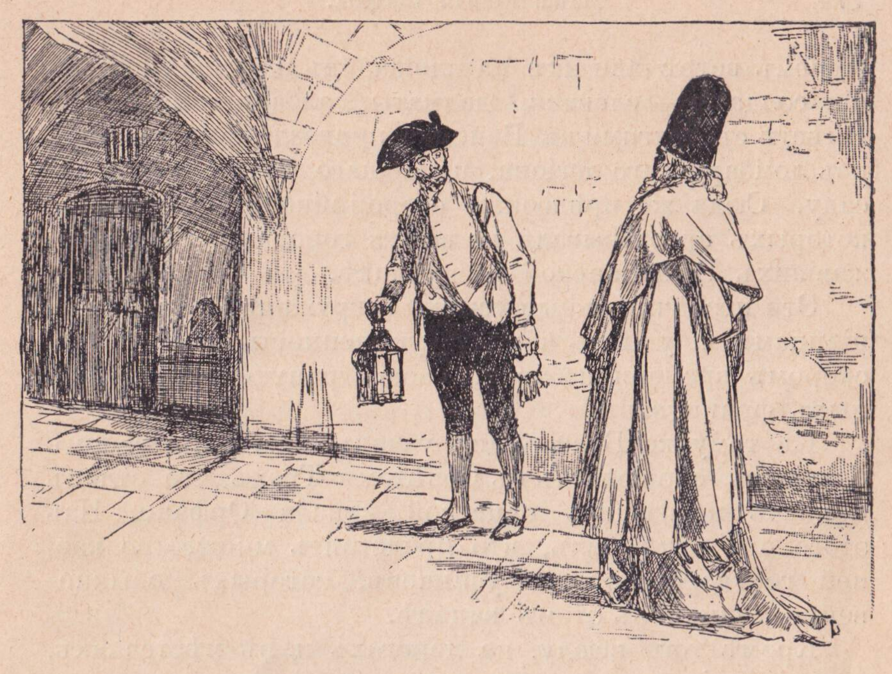
— Правда, кажется это онъ!—воскликнулъ Беккаруцци.—Но съ какою чертовской быстротой!

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Беппо, и зубы его застучали, когда онъ пробормоталъ:

— Да, это онъ!. И въ *той* гондолѣ!..

— Въ какой гондолѣ?—спросилъ его насмѣшливо Беккаруцци.

— Въ той!.. проклятой!.. Это *она*... роковая гондола!.. — прошепталъ въ страхѣ Беппо.



Сбира встрѣтилъ новый тюремщикъ.

ГЛАВА XIII.

Планы и замыслы.

Въ солнечное апрѣльское утро 1797 г. Беккаруцци, весело улыбаясь, подходилъ къ дворцу дожей. Онъ шелъ, чтобы снова повидать своего плѣнника, котораго не тревожилъ уже девять мѣсяцевъ.

Низкая душа его была очень довольна, что къ этому времени всѣ тюрьмы, какъ подъ свинцовыми крышами, такъ и въ подземельяхъ были заняты узниками. Съ нѣкоторыхъ поръ подвозъ ихъ изъ венеціанскихъ провинцій на сушѣ очень усилился. Съ дикимъ воемъ и лико-

ваніемъ встрѣчали ихъ на площадяхъ и улицахъ Венеціи солдаты — словаки, далматы, албанцы и другіе. Вмѣстѣ съ другими въ Венецію привезли 200 поляковъ изъ ломбардскаго легіона, попавшаго подъ Салò въ засаду. Сюда же привозили сторонниковъ французовъ, которыхъ арестовывали во всѣхъ городахъ, принадлежавшихъ Венеціанской республикѣ.

Эти незначительные успѣхи вскружили голову венеціанцамъ, и у нихъ явилась увѣренность, что они въ скоромъ времени избавятъ свою страну отъ ненавистныхъ французовъ.

Къ тому же Беккаруцци узналъ, благодаря своимъ близкимъ сношеніямъ съ Совѣтомъ Трехъ, что отданъ приказъ поспѣшить очисткой канала Орфано. Изъ этого онъ заключилъ, что предстоитъ множество казней государственныхъ узниковъ, которыхъ обыкновенно топили въ этомъ каналѣ.

Кромѣ того всюду, на дорогахъ и въ мѣстечкахъ, венеціанскіе солдаты изъ засады нападали и убивали французскихъ солдатъ. Поэтому Беккаруцци уже надѣялся, что французы будутъ всюду истреблены, а Бонапартъ, окруженный въ это время въ горахъ со всѣхъ сторонъ, потерпитъ рѣшительное пораженіе, и что гибель его неминуема. А все это было равносильно успѣху его плана: тогда къ сбиру вернется прежняя неограниченная власть, какъ и въ былыя времена, когда въ Венеціи царилъ слѣпой произволъ.

Съ довольной улыбкой и потирая руки, подходилъ онъ къ каморкѣ преданнаго тюремщика, который обыкновенно сопровождалъ сбира при его посѣщеніяхъ подземелій.

Но тутъ его встрѣтилъ сильный мускулистый человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, вмѣсто старика, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

Новый тюремщикъ объяснилъ ему, что вслѣдствіе увеличенія числа узниковъ его предшественникъ переведенъ въ другое отдѣленіе, а это поручено ему.

Подозрительный Беккаруцци пытливо посмотрѣлъ на новаго тюремщика, который шелъ впереди, бряцая ключами, и замѣтилъ, что новый тюремщикъ ходитъ переваливаясь, какъ обыкновенно ходятъ моряки.

— Ты былъ морякомъ?—спросилъ Беккаруцци.

— Я бывшій гондольеръ!—отвѣтилъ тотъ.

Въ отвѣтѣ не было ничего необычайнаго, но Беккаруцци продолжалъ допытываться:

— А, гондольеръ!.. Безъ сомнѣнія, Кастеллани?

— Нѣтъ, Николотти!

— Николотти, какъ и проклятый Марино! — пробормоталъ, заскрежетавъ зубами, Беккаруцци.

Но, сознавая свою власть надъ этимъ тюремщикомъ, онъ презрительно пожалъ плечами и неслышно пробормоталъ:

— Ну, что-же! Этотъ, кажется, настоящій простофиля!

И дѣйствительно, казалось, въ тупыхъ глазахъ тюремщика выражалось полное безучастіе и равнодушіе ко всему.

Когда они подошли къ указанной сбиромъ камерѣ, тюремщикъ пропустилъ его въ подземелье и отдалъ ему фонарь, а самъ отошелъ въ темный коридоръ.

Ходившій по своей узкой кельѣ, узникъ остановился при появленіи сбира. Узнавъ Беккаруцци, онъ скрестилъ на груди руки и сѣлъ на тонкій соломенный матрацъ.

— Наконецъ-то ты снова явился,—сказалъ онъ,— и на этотъ разъ безъ маски! Такъ лучше!.. Ты теперь пришелъ въ послѣдній разъ?.. Съ тѣхъ поръ, какъ ты былъ здѣсь, прошло... я точно считалъ время... прошло 263 дня!.. и теперь скоро настанетъ мой послѣдній часъ!.. Это ты мнѣ обѣщалъ, когда былъ здѣсь въ послѣдній разъ!

И на изможденномъ старческомъ лицѣ узника показалась презрительная улыбка. Привычные къ темнотѣ глаза его какъ-бы хотѣли проникнуть въ душу Бекка-

руцци, который стоялъ передъ нимъ въ тѣни фонаря, освѣщавшаго жалкую кровать узника.

— Можетъ быть!—сурово сказалъ сбиръ.

— Такъ говори! Если смерть близка, то я привѣтствую ее съ радостью! Мнѣ надоѣла жизнь!

Беккаруцци немного смутился при этихъ безнадежныхъ словахъ, сказанныхъ твердымъ голосомъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — рѣчь теперь идетъ о жизни, а не о смерти... И почемъ знать, можетъ быть, даже о свободѣ!..

— Я не привыкъ слышать отъ тебя такія слова. Когда меня заключили въ эту камеру, „я разстался съ надеждой навсегда", какъ говоритъ вашъ великій поэтъ!

— А что ты скажешь, если я сообщу тебѣ вѣсть, что нѣкто, кѣмъ ты интересуешься, находится недалеко отсюда, и что этотъ нѣкто связанъ съ твоимъ господиномъ узами родства?..

Плѣнникъ опустилъ глаза, чтобы скрыть сверкнувшую въ нихъ искру радости.

Но Беккаруцци замѣтилъ, какъ сверкнули глаза узника.

— Слова мои взволновали тебя, — продолжалъ онъ.—Не старайся скрыть это отъ меня!.. Ну, послушай, что я тебѣ предложу: отдай мнѣ завѣщаніе или скажи, куда ты его спряталъ, а я сообщу тебѣ важныя вѣсти съ твоей родины. Неужели у тебя не осталось тамъ родныхъ или у того... ну, знаешь, того, тамъ на Лидо?

Вмѣсто отвѣта узникъ судорожно прижалъ руки къ сердцу, какъ-бы желая подавить волненіе, и крѣпко сжалъ губы.

Беккаруцци пытливо наблюдалъ за нимъ, чувствуя, что наконецъ ему удалось задѣть чувствительную струну въ душѣ узника.

— Ты ничего не отвѣчаешь?—сказалъ онъ.—Такъ слушай дальше!.. Есть нѣкто, котораго ты навѣрное зналъ раньше и котораго ты когда-то лелѣялъ, какъ

родного. Случай привелъ его сюда, и жизнь его, какъ и твоя, въ моей власти. Согласенъ ли ты купить ее цѣною того завѣщанія?..

Безкровное лицо узника покрылось на мгновеніе яркимъ румянцемъ. Казалось, слова сбира сильно взволновали его, но онъ быстро овладѣлъ собой и, покачавъ головой, сказалъ:

— У меня никого изъ близкихъ нѣтъ на свѣтѣ! Моя жизнь принадлежитъ Тому, въ рукахъ Кого судьба палачей и ихъ жертвъ.

— Отрекаясь отъ него,—прошипѣлъ Беккаруцци,— ты рѣшилъ судьбу Марка Севрана, сына Матье-Марка Севрана! Неужели ты не догадался, что я говорилъ о его сынѣ, теперь взросломъ молодомъ человѣкѣ, судьба котораго въ моихъ рукахъ!..

Узникъ въ ужасѣ поникъ головой, и губы его медленно прошептали:

— Я уповаю на Того, Кто могущественнѣе насъ всѣхъ!

Когда Беккаруцци узналъ, что покушеніе на жизнь капитана Севрана не увѣнчалось успѣхомъ, онъ рѣшилъ вывѣдать у узника его тайну. Подсылать къ капитану новыхъ убійцъ онъ находилъ безполезнымъ, предполагая, что Бонапартъ съ своей арміей находится на пути въ Австрію.

Онъ зналъ, что если бы ему удалось получить то наслѣдство, то заявленіе Марка Севрана о своихъ правахъ не имѣло бы никакого значенія, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ явился въ Венецію съ арміей Бонапарта.

Требуя взамѣнъ жизни Марка Севрана духовное завѣщаніе, Беккаруцци былъ убѣжденъ, что узникъ выдастъ его.

Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ, Беккаруцци пожалѣлъ, что не имѣлъ больше права подвергнуть узника пыткѣ, какъ то дѣлалось прежде.

— Хорошо!—крикнулъ онъ узнику, задыхаясь отъ злобы. — Маркъ Севранъ умретъ!

Затѣмъ онъ быстро вышелъ изъ камеры.

Еслибъ Беккаруцци могъ послѣ своего ухода наблюдать за узникомъ, то замѣтилъ бы, что его страшная угроза едва не сломила упорство заключеннаго.

Убѣдившись, что за нимъ никто не слѣдитъ, узникъ вынулъ изъ подъ кровати листокъ бумаги, развернулъ его и, вставъ подъ отдушину, черезъ которую проникалъ слабый свѣтъ въ камеру, прочелъ:

„Не отчаивайтесь! Другъ вашъ заботится о васъ. Не поддавайтесь ни обѣщаніямъ, ни угрозамъ. Не удивляйтесь ничему! Вамъ не посмѣютъ вредить. Ваше освобожденіе близко!“

Неизвѣстный другъ, приславшій ему это таинственное посланіе, былъ не кто иной, какъ Марино Фано.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марино узналъ, что существуетъ капитанъ Маркъ Севранъ, сынъ того Матье-Марка Севрана, который одиннадцать лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Венецію за наслѣдствомъ и исчезъ такъ таинственно вмѣстѣ съ своимъ слугою Лаберомъ, онъ сталъ припоминать всѣ обстоятельства ихъ пребыванія въ Венеціи, и всѣ эти событія получили для него совсѣмъ новую странную окраску.

Гондольера больше всего удивляло, что ничего не было слышно о слугѣ француза, объ этомъ Лаберѣ, котораго онъ хорошо помнилъ, и который казался ему человѣкомъ болѣе развитымъ, нежели его господинъ.

Отъ старыхъ рыбаковъ на Лидо онъ узналъ немного; но они всѣ утверждали, что Матье-Маркъ Севранъ погибъ насильственной смертью, при чемъ намекали, что Лаццаро и Беккаруцци принимали въ этомъ участіе.

Какъ тогда, такъ и теперь Марино не могъ обратиться къ Беккаруцци и Беппо за справками, но онъ сталъ слѣдить за ними по пятамъ. Онъ сталъ искать сближенія съ Лаццаро, который также искалъ встрѣчи съ нимъ. Марино былъ убѣжденъ, что Беппо дѣлалъ это по порученію Беккаруцци. И ловкій, хитрый Ма-

рино легко выпытывалъ у Лаццаро все, что ему нужно было, особенно, когда послѣднiй былъ навеселѣ.

Такимъ образомъ Марино узналъ, что у обоихъ

Узникъ вынулъ изъ подъ кровати листокъ бумаги.

прiятелей есть общая тайна, въ которую посвященъ также маркизъ Гонтранъ де-Бершеръ.

Наконецъ, вскорѣ послѣ маскараднаго вечера у герцога, гдѣ Марино подслушалъ разговоръ Лаццаро и Беккаруцци, Беппо въ пьяномъ видѣ намекнулъ ему,

что слуга Матье-Марка Севрана находится въ надежномъ мѣстѣ.

Сопоставивъ спутанныя слова пьянаго гондольера со словами сбира на маскарадномъ вечерѣ, который упомянулъ о какомъ-то узникѣ, отъ котораго онъ надѣялся получить что-то взамѣнъ жизни капитана Севрана, и зная, какою властью обладаетъ Беккаруцци, какъ шпіонъ венеціанской инквизиціи, Марино пришелъ къ заключенію, что онъ найдетъ того, кого ищетъ, или подъ свинцовыми крышами или въ подземельяхъ.

Съ тѣхъ поръ онъ направилъ все свое вниманіе на эти мѣста заключенія, и гондола его часто тихо скользила около моста Вздоховъ.

Но проходили недѣли безъ всякаго успѣха, и Марино уже началъ терять надежду достичь чего-либо. Но возстанія въ Бресчіи, Бергамо и Сало и связанное съ этимъ массовое заключеніе подъ стражу поляковъ и приверженцевъ французовъ неожиданно помогли ему въ его розыскахъ.

Новый тюремщикъ подземелій, замѣнившій старика, былъ случайно назначенъ изъ бывшихъ гондольеровъ съ Канареджіо. Это былъ ярый Николотти, и при встрѣчѣ онъ разсказалъ Марино, гдѣ теперь служитъ.

Благодаря этому обстоятельству у Марино явилась возможность добыть свѣдѣнія о заключенныхъ въ подземельяхъ.

Между прочимъ тюремщикъ разсказалъ ему, что одинъ изъ узниковъ, по фамиліи Лаберъ, томится въ подземельѣ съ 1786 г. Получивъ эти важныя свѣдѣнія, Марино Фано вступилъ при посредствѣ тюремщика въ сношенія съ заключеннымъ.

Узнавъ отъ тюремщика имя того, кто заинтересовался его судьбой, у заключеннаго воскресла надежда на скорое избавленіе, и потому онъ нашелъ въ себѣ достаточно силы отказать Беккаруцци.

Слова Беккаруцци подтвердили тѣ надежды, которыя въ немъ вызвали намеки Марино Фано. Онъ понялъ,

Гондола Марино часто скользила около моста Вздоховъ.

что за наглостью и угрозами сбира скрываются страхъ и опасенія.

Въ тотъ же вечеръ Беккаруцци долженъ былъ встрѣтиться съ маркизомъ Гонтраномъ де-Бершеръ на площади передъ соборомъ св. Іоанна и Павла, гдѣ находится знаменитый памятникъ Коллеони.

Сбиръ явился первымъ къ мѣсту свиданія. Онъ былъ сильно взволнованъ постигшей его неудачей, и ему казалось, что удержать ускользавшій у него изъ-подъ рукъ кладъ можно будетъ только въ томъ случаѣ, если не щадить ни кого и шагать черезъ трупы мѣшающихъ ему противниковъ.

Когда явились Гонтранъ и Лаццаро, Беккаруцци поспѣшилъ имъ навстрѣчу со словами:

— Нѣтъ ли чего-нибудь новаго? Я уже начинаю отчаиваться!..

— Ба! — возразилъ маркизъ презрительно. — Для этого нѣтъ ни малѣйшей причины!.. Напротивъ, положеніе улучшается. Бонапартъ ринулся въ такое предпріятіе, которое погубитъ его. Этотъ походъ на Вѣну безуміе!.. Намъ слѣдуетъ воспользоваться этимъ, и я хочу теперь сообщить вамъ планъ дѣйствій и посовѣтоваться съ вами. Да, эрцгерцогъ Карлъ не поцеремонится съ нимъ! Уже...

Но Беккаруцци не хотѣлъ выслушивать болтовню маркиза и грубо прервалъ его.

— Нѣтъ ли вѣстей изъ Вероны?

Гонтранъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Есть, но незначительныя. Сестра наконецъ написала матери. Рана брата почти зажила. Сестра распространяется въ чувствительныхъ выраженіяхъ о молодомъ человѣкѣ, съ которымъ братъ познакомился. Чтобы спасти ему жизнь, Жанъ сдѣлалъ глупость! Вѣдь вы знаете, это тотъ капитанъ Маркъ Севранъ...

— Маркъ Севранъ! — воскликнулъ Беккаруцци внѣ себя отъ удивленія. — Развѣ онъ не послѣдовалъ за Бонапартомъ въ Австрію?

— Нѣтъ, онъ остался въ Веронѣ при своемъ раненомъ другѣ!

— Вы въ этомъ увѣрены, синьоръ маркизъ?

— Вполнѣ! Этотъ капитанъ къ тому же художникъ и знакомитъ теперь сестру съ памятниками искусства въ Веронѣ. Но почему это васъ такъ взволновало? — спросилъ маркизъ, замѣтивъ возбужденіе сбира.

— Почему это меня взволновало? — переспросилъ съ облегченіемъ Беккаруцци. — Да если онъ тамъ, то все еще можетъ уладиться!

Затѣмъ онъ обратился къ Беппо:

— Ты говорилъ съ тѣми лицами, которыхъ я тебѣ указалъ?.. Время дорого, надо дѣйствовать быстро и воспользоваться благопріятной минутой... Синьоръ маркизъ, вы не подозрѣваете, какую важную вѣсть сообщили вы мнѣ. Теперь мы ближе къ нашей цѣли, нежели когда-либо.

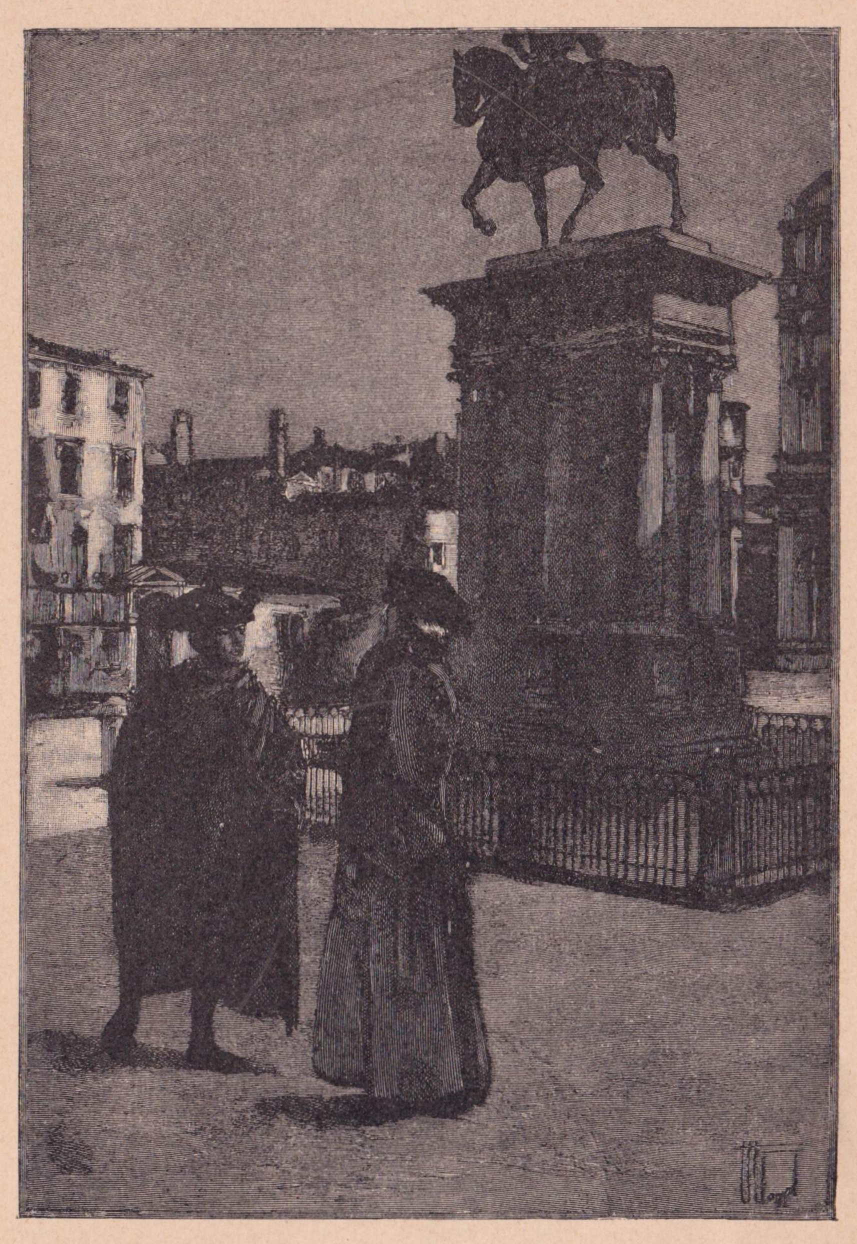
— Да, Цезарь, я исполнилъ всѣ твои порученія,— отвѣтилъ Лаццаро, весело улыбаясь при мысли о грудахъ золота.—Всѣмъ уже извѣстно, что Бонапартъ и его армія куда-то исчезли. Вѣроятно, ее окружили и уничтожили, если генералу Лаудону удалось, какъ предполагаютъ, поднять у нихъ въ тылу возстаніе среди тирольцевъ, а самому спуститься по долинѣ Эча по направленію къ Веронѣ, откуда генералу Сервье съ его 1200 французами придется теперь отступить.

— Я хотѣлъ вамъ сообщить эти же вѣсти, — прервалъ его маркизъ. — Другой французскій корпусъ, находящійся въ Крайнѣ, тоже отступаетъ передъ полчищами кроатовъ, и Бонапарту теперь никакъ не выпутаться изъ этой петли!

— Отлично!—воскликнулъ Беккаруцци.—Первымъ долгомъ надо прогнать изъ Вероны французовъ!..

— Я хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ,—сказалъ маркизъ.

— У меня уже готовъ планъ, который, надѣюсь, и вы, синьоръ маркизъ, одобрите,—продолжалъ Бекка-



Беккаруцци поспѣшилъ навстрѣчу маркизу.

руцци.—Это тотъ самый, который мы уже обсуждали съ вами. Теперь его можно осуществить... Войска, стоящія подъ Вероной, слѣдуетъ подкрѣпить, а тѣмъ временемъ наши капуцины будутъ проповѣдывать среди горныхъ жителей священную войну!

— Ха, ха, ха!—ликуя разсмѣялся Гонтранъ.—Если Бонапарту удастся теперь выпутаться, то я готовъ признать, что онъ геній! — и, весело потирая руки, онъ простился со своими собесѣдниками.

Беккаруцци наклонился къ Лаццаро и шепнулъ ему:

— Ты далъ нашимъ всѣ необходимыя указанія?

— Да, они начнутъ дѣйствовать съ паролемъ: „Смерть якобинцамъ!“

Глаза сбира радостно сверкнули.

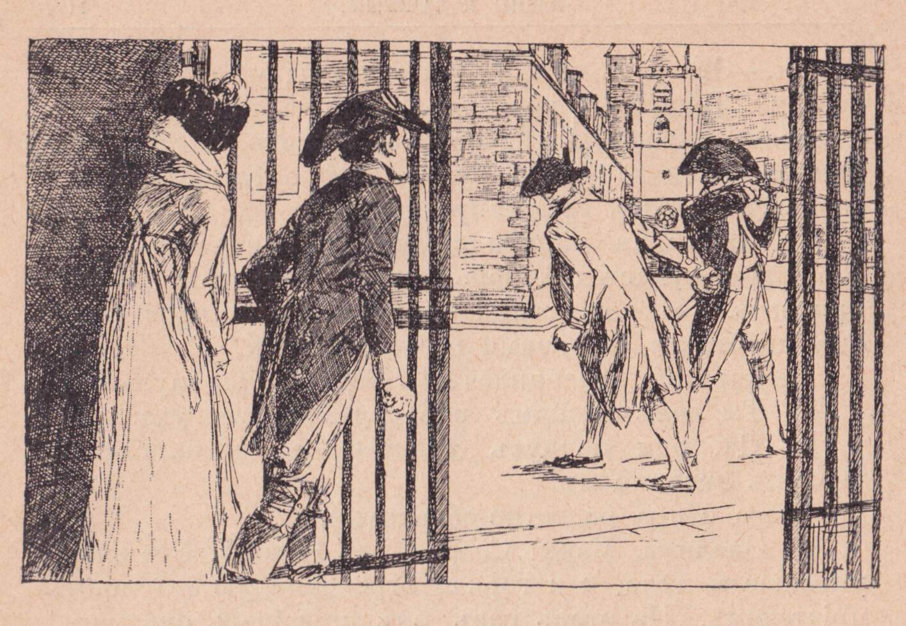
— Значитъ, Маркъ Севранъ въ Веронѣ. Это очень упрощаетъ дѣло, и я горячо отрекомендую его моимъ пріятелямъ. На этотъ разъ онъ не уйдетъ отъ насъ!

— А сестра маркиза и его младшій братъ?—спросилъ Беппо.

Беккаруцци зловѣще разсмѣялся:

— А они за или противъ насъ?.. Если противъ насъ, тѣмъ хуже для нихъ. Впрочемъ, какое намъ дѣло до нихъ! Всѣ они только мѣшаютъ намъ! Все наше вниманіе должно быть обращено на того капитана. Если мы будемъ руководиться сантиментальными чувствами, то никогда не кончимъ! А кончить надо во что бы то ни стало!...

Между тѣмъ наступившая ночь окутала обоихъ своимъ покровомъ, а надъ головой этого албанца-разбойника ясно обрисовались контуры памятника героя кондотьера Коллеони, бывшаго воплощеніемъ силы и мужества на службѣ покрытой славой Венеціи!



Жеромъ и солдатъ поровнялись съ усыпальницей.

ГЛАВА XIV.

Рѣзня въ Веронѣ.

Въ Веронѣ Антуанетта устроилась въ домѣ добрыхъ гражданъ, жившихъ по сосѣдству съ Арно на одной изъ средневѣковыхъ улицъ съ готическими аркадами, окнами въ видѣ трилистника и рѣзными балконами.

Убѣдившись, что въ лазаретѣ братъ ея пользуется прекраснымъ уходомъ и въ ней не нуждается, Антуанетта занялась осмотромъ достопримѣчательностей города — церквей и памятниковъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля врачи объявили Антуанеттѣ, что рана быстро заживаетъ, и что въ Свѣтлое

Воскресенье Жанъ де-Бершеръ можетъ покинуть лазаретъ. Обрадованная Антуанетта обѣщала придти за братомъ послѣ вечерни, которую она хотѣла прослушать въ соборѣ, гдѣ ее въ этотъ день служили съ особенной торжественностью.

Но раньше еще она хотѣла посѣтить усыпальницу знаменитаго рода делла-Скала. Здѣсь обѣщалъ встрѣтить ее Маркъ Севранъ, получившій отъ генерала Бонапарта разрѣшеніе остаться въ Веронѣ, чтобы ухаживать за раненымъ товарищемъ, и прикомандированный къ генералу Баллану.

Молодая дѣвушка и Севранъ, увлекавшіеся искусствомъ, стали вмѣстѣ осматривать достопримѣчательности Вероны, начиная съ перекинувшагося огромными пролетами черезъ Эчъ моста съ ажурными перилами въ мавританскомъ стилѣ, древнихъ городскихъ воротъ, разукрашенныхъ пестрыми фресками домовъ съ выступающими балконами, красныхъ зубчатыхъ башенъ и кончая дворцами съ статуями на карнизахъ.

Осматривая всѣ эти произведенія искусства, они оживленно обмѣнивались впечатлѣніями и совсѣмъ забывали, что находятся въ непріятельскомъ городѣ.

Но, несмотря на радость по случаю выздоровленія брата и предстоящее художественное наслажденіе, Антуанетта въ этотъ день не могла отдѣлаться отъ какого-то щемящаго душу чувства при видѣ необыкновеннаго скопленія народа на улицахъ Вероны.

Прибывъ къ древней церкви Санта-Марія Антика, на площади которой находится окруженная замѣчательной рѣшеткой усыпальница рода делла-Скала, Антуанетта застала тамъ ожидавшаго ее Севрана.

— Наконецъ-то вы пришли, — привѣтствовалъ ее Севранъ,—я уже опасался, что вы не проберетесь сюда!

— Что съ вами? Что случилось?—спросила Антуанетта, замѣтивъ его встревоженное лицо.

Онъ быстро подошелъ къ ней и поспѣшно увлекъ ее за рѣшетку.

— Тише, ради Бога, тише! Развѣ вы не замѣтили на улицахъ ничего необычайнаго?.. Всюду скопленіе народа, всѣ перешептываются и какъ-бы совѣщаются. Я обошелъ утромъ всѣ посты и внушилъ солдатамъ бдительно слѣдить за всѣмъ. У насъ всего 150 человѣкъ у западныхъ воротъ, 80 у восточныхъ и около 100 у сѣверныхъ, а всего насъ 1.900 человѣкъ вмѣстѣ съ гарнизонами фортовъ Санъ-Феличе, Санъ-Пьетро и Кастелло-Веккіо!

— Что же тутъ происходитъ? — пробормотала въ страхѣ Антуанетта.

— Готовится народное возстаніе. Всѣ знаютъ, что французская армія находится далеко отсюда въ ущельяхъ Альпъ, на пути въ Австрію. Говорятъ даже, что она вмѣстѣ съ Бонапартомъ уничтожена и что австрійскій генералъ Лаудонъ скорымъ маршемъ наступаетъ изъ Тироля. Прибывшій къ намъ вчера отрядъ въ 500 человѣкъ съ трудомъ пробился черезъ густую толпу венеціанскихъ солдатъ и поселянъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ вокругъ Вероны. А прибывшіе сегодня 100 человѣкъ съ великимъ трудомъ избѣжали опасности быть разстрѣлянными. Положеніе отчаянное. Генералъ Балланъ далъ знать всѣмъ нашимъ отрядамъ, что въ случаѣ опасности будутъ сдѣланы три пушечныхъ выстрѣла, послѣ чего всѣмъ слѣдуетъ спѣшить укрыться въ фортахъ.

— Теперь я вспоминаю, съ какимъ возбужденіемъ говорилъ и жестикулировалъ руками капуцинъ во время вечерни, размахивая крестомъ надъ молящимися, — сказала Антуанетта. — Кромѣ того, я видѣла, что на всѣхъ углахъ улицъ и во всѣхъ закоулкахъ среди вооруженныхъ поселянъ стояли монахи и проповѣдывали имъ что-то. Нѣсколькихъ монаховъ я видѣла даже на площади делла-Эрбе; они стояли среди цѣлыхъ грудъ овощей и фруктовъ и что-то съ оживленіемъ говорили поселянамъ. Я думала, что все это происходитъ по случаю великаго праздника, и залюбовалась красивой кар-

тиной базара и оживленной группой крестьянъ и крестьянокъ въ живописныхъ нарядахъ... Да, почти у всѣхъ поселянъ были ружья!..

— Слышите!—вдругъ прервалъ ее Маркъ Севранъ.

Рядомъ съ ними съ колокольни Санта-Марія Антика раздался звонъ, но не веселый пасхальный звонъ, а рядъ короткихъ тревожныхъ ударовъ.

И въ то же время на сѣверѣ, югѣ, западѣ и востокѣ также загудѣли другіе колокола, глухой гулъ которыхъ походилъ на стоны и плачъ.

Въ сильномъ волненіи Севранъ схватилъ Антуанетту за руку и шепнулъ ей:

— Тревога!

Со всѣхъ сторонъ раздались свистки, и по улицамъ поспѣшно побѣжали толпы народа.

Маркъ Севранъ и Антуанетта укрылись за рѣшеткой усыпальницы за памятниками, и никто не замѣтилъ ихъ. Вдругъ они услышали крики, звонъ оружія и быстро приближавшійся топотъ.

Изъ сосѣдней улицы показались два французскихъ солдата и одинъ въ статскомъ платьѣ, которыхъ преслѣдовала толпа, вооруженная кинжалами, ножами и пистолетами. По временамъ преслѣдуемые останавливались, чтобы отбиться; только у одного изъ нихъ было ружье, другіе двое имѣли только по саблѣ. Между тѣмъ преслѣдовавшая ихъ бѣшеная толпа росла съ каждой минутой.

Одинъ изъ французскихъ солдатъ былъ убитъ наповалъ пулей. Толпа бросилась на него и съ остервенѣніемъ стала колоть его ножами. Двое оставшихся отступали шагъ за шагомъ: солдатъ отбивался штыкомъ, а другой саблей, которой онъ размахивалъ съ такой силой и искусствомъ, что никто изъ нападавшихъ не отваживался подступить къ нему.

— О, несчастные!—воскликнула Антуанетта, закрывая лицо руками и забывъ о томъ, что ее и ея спутника ждетъ та же участь, если ихъ замѣтитъ толпа.

— О, Боже! да вѣдь это Жеромъ!—вскрикнула она, узнавъ одного изъ преслѣдуемыхъ.

Когда Жеромъ и солдатъ поровнялись съ усыпальницей, Севранъ тихо крикнулъ имъ:

— Сюда, друзья, прислонитесь къ рѣшеткѣ!.. наклоните головы...

Услыхавъ французскую рѣчь, Жеромъ и гренадеръ не оглядываясь исполнили приказъ. Между тѣмъ капитанъ Севранъ двумя выстрѣлами изъ пистолетовъ уложилъ на мѣстѣ двухъ самыхъ ярыхъ враговъ. Въ то же время Жеромъ шпагой убилъ одного изъ преслѣдователей, а солдатъ пронзилъ другого штыкомъ.

Въ эту минуту раздались на сѣверо-востокѣ три пушечныхъ выстрѣла.

— Сигналъ спѣшить въ фортъ! — прошепталъ Севранъ. — Дѣла наши плохи!

За первыми тремя холостыми выстрѣлами послѣдовали другіе съ болѣе сильнымъ грохотомъ, и въ городъ посыпались ядра.

— Санъ-Феличе!.. Санъ-Пьетро!.. — завыла толпа, которою овладѣли страхъ и бѣшенство.

И, размахивая оружіемъ, толпа погрозила кулаками въ сторону фортовъ Санъ-Феличе и Санъ-Пьетро, занятыхъ французскими войсками.

На маленькой, забрызганной кровью площади, гдѣ валялись трупы четырехъ самыхъ отважныхъ бойцовъ, произошло смятеніе, и минуту спустя вся толпа бросилась бѣжать въ сосѣднюю улицу.

Не успѣли Жеромъ Гривэ и гренадеръ опомниться, какъ площадь опустѣла.

Маркъ Севранъ поспѣшно вышелъ изъ-за ограды и крикнулъ:

— Впередъ! впередъ! Тутъ не безопасно!... Надо скорѣе найти болѣе надежное убѣжище!

— Барышня!—вскричалъ Жеромъ, увидѣвъ Антуанетту. — Вѣдь я разыскивалъ васъ, когда встрѣтилъ этого храбраго солдата и его товарища!..

— Жанъ Тука, 69-го полка, капитанъ, — представился по-военному гренадеръ. — Участвовалъ съ вашимъ благородіемъ уже подъ Кастильоне и въ другихъ жаркихъ схваткахъ.

— Но едва ли въ такомъ горячемъ дѣлѣ, какъ здѣсь, — возразилъ Севранъ. — Но объ этомъ мы поговоримъ потомъ... До фортовъ, ненадолго освободившихъ насъ отъ этихъ негодяевъ, слишкомъ далеко. Посты у городскихъ воротъ, вѣроятно, сами съ трудомъ отбиваются, и къ тому же намъ не добраться до нихъ. Остается только дворецъ городского управленія или госпиталь... Нельзя медлить... здѣсь мы можемъ очутиться въ западнѣ!

Но, выйдя за ограду, они убѣдились, что добраться до госпиталя труднѣе, чѣмъ имъ казалось.

Несмотря на усиливавшуюся стрѣльбу съ фортовъ, большая часть улицъ оказалась занятой вооруженными толпами, которыя бѣжали отъ дома къ дому съ ревомъ: „Смерть якобинцамъ! смерть французамъ!“

Капитанъ Севранъ неустрашимо шелъ во главѣ маленькаго вооруженнаго отряда; за нимъ слѣдовала Антуанетта, вооружившаяся пистолетами двухъ павшихъ мятежниковъ, за нею Жанъ Тука, Жеромъ и нѣсколько примкнувшихъ къ нимъ французовъ. При видѣ этого отряда оторопѣвшая толпа осыпала ихъ ругательствами, но не отваживалась на нападеніе.

Они благополучно дошли до госпиталя, гдѣ Антуанетта надѣялась застать брата.

Но госпиталь осаждалъ разный сбродъ, состоявшій изъ окрестныхъ крестьянъ, наемниковъ-словаковъ и подонковъ городской черни. Изъ палатъ раздавались крики и стоны беззащитныхъ больныхъ, которыхъ убивали на койкахъ.

Но въ залѣ, примыкавшей къ офицерской палатѣ убійцы встрѣтили неожиданный отпоръ. Сложенная изъ кроватей, матрацовъ и всякаго рода мебели баррикада остановила ихъ. За этимъ валомъ сверкали шпаги,

пистолеты и ружья. Убійцы остановились въ недоумѣніи.

— Трусы! убійцы! — крикнулъ изъ-за баррикадъ энергичный голосъ. — Подходите, и вы узнаете, какъ умираетъ офицеръ славной французской арміи!

Антуанетта узнала голосъ брата.

— Это братъ! Спасите его!—вскрикнула она.

Маркъ Севранъ поспѣшно собралъ свой маленькій отрядъ въ пятнадцать человѣкъ и съ пистолетомъ въ одной рукѣ и шпагою въ другой бросился впередъ, громко крикнувъ:

— Мужайся, Жанъ! Твой другъ, Маркъ Севранъ, спѣшитъ къ тебѣ на помощь!

Это неожиданное нападеніе съ тыла ошеломило убійцъ, и почти всѣ они бросились къ выходу. Среди нихъ было много словаковъ, которые не могли скрыть своего удивленія, услышавъ имя капитана Севрана.

— Впередъ!.. Не отступать! — шепнулъ одинъ изъ нихъ товарищамъ.—Вы слышали?.. Это Маркъ Севранъ!.. Тотъ самый, къ которому насъ подослали. Кто съ нимъ покончитъ, получитъ много золота!

Отступившая-было шайка снова попыталась окружить французовъ, спѣшившихъ на помощь раненымъ товарищамъ и не обращавшихъ вниманія на то, что происходило у нихъ за спиной.

Ободренный словами товарища Жанъ де-Берщеръ приказалъ раненымъ, способнымъ держать въ рукахъ ружья, выстрѣлить въ толпу мятежниковъ, а затѣмъ, спрыгнувъ съ баррикады, бросился на убійцъ въ ту минуту, когда Севранъ атаковалъ ихъ съ тыла.

Послѣ короткой рукопашной схватки все зало было очищено отъ нападавшихъ. Жанъ горячо обнялъ свою мужественную сестру, храбро стрѣлявшую изъ пистолетовъ. Но снаружи госпиталь все еще былъ окруженъ мятежной толпой, закрывавшей всѣ выходы. Впереди всѣхъ находились словаки, указывавшіе на капитана Севрана.

Со всѣхъ сторонъ къ осажденнымъ проникали вѣсти о безвыходномъ положенiи французовъ въ городѣ,

Скоро зало было очищено отъ нападавшихъ.

и эти вѣсти все сильнѣе разжигали разнузданную толпу осаждавшихъ.

Нѣсколькимъ французскимъ солдатамъ удалось спастись отъ толпы и пробиться въ госпиталь. Они раз-

сказали, что стоявшіе на посту у западныхъ воротъ 150 французовъ, среди которыхъ они сами находились, должны были сдаться послѣ геройской защиты 600 словакамъ и 2.500 поселянамъ, имѣвшимъ при себѣ двѣ пушки. Во время сутолоки имъ удалось бѣжать и пробраться въ госпиталь.

У восточныхъ воротъ на 70 человѣкъ стражи неожиданно напали драгуны подъ начальствомъ капитана Кольдоньо и послѣ непродолжительной схватки взяли французовъ въ плѣнъ.

Наконецъ, на стоявшихъ у сѣверныхъ воротъ 80 солдатъ напали съ двухъ сторонъ, съ одной—горожане подъ начальствомъ какого-то графа Ногарола, а съ другой стороны крестьянскія шайки. Французы защищались, пока хватало пороха, но затѣмъ вынуждены были сдаться превосходившему ихъ числомъ непріятелю, при чемъ графу съ трудомъ удалось остановить поголовную рѣзню.

Устояли противъ мятежниковъ только крѣпкіе форты, хотя ихъ также пытались штурмовать.

Генералъ Балланъ, замѣтивъ броженіе за два дня передъ тѣмъ, предусмотрительно снабдилъ форты достаточнымъ количествомъ провіанта, такъ что они могли выдержать продолжительную осаду и наносить осаждавшимъ большой уронъ, обстрѣливая Верону съ двухъ сторонъ.

Но для больныхъ и раненыхъ, которыхъ Севрану удалось спасти отъ смерти, положеніе становилось съ каждой минутой все болѣе безвыходнымъ. Обступившая госпиталь толпа росла, громко проклинала французовъ и все время ревѣла: „Смерть якобинцамъ! смерть французамъ!“

Осажденные не могли долго сопротивляться, такъ какъ чернь собиралась уже штурмовать вестибюль, гдѣ они находились. Но вдругъ толпа на улицѣ завыла и заколыхалась, какъ бы отброшенная съ другихъ улицъ къ госпиталю.

— Это товарищи 69-го полка! — крикнулъ Жанъ Тука.—Я узнаю бой ихъ барабана!

Вдали ясно раздавался барабанный бой.

— Это атака! — замѣтилъ Тука.

И дѣйствительно, теперь уже громко раздавалась барабанная дробь, и послышался топотъ маршировавшаго отряда.

— Впередъ, впередъ!—раздалась громкая команда. — Да здравствуетъ республика!

— Они идутъ къ намъ на выручку!—воскликнула просіявшая Антуанетта.

И осажденные сосредоточили все свое вниманіе на томъ мѣстѣ, гдѣ поселяне и словаки, составлявшіе большинство осаждавшихъ, стали отступать.

Между тѣмъ на площади показался батальонный командиръ рядомъ съ маленькимъ барабанщикомъ, за ними слѣдовалъ небольшой отрядъ, пробивавшійся со штыками наперевѣсъ черезъ густую толпу мятежниковъ. Отрядъ направлялся въ сторону, противоположную госпиталю.

Севранъ узналъ офицера и крикнулъ:

— Батальонный командиръ Карреръ!.. Прекрасная подмога, если только онъ идетъ къ намъ!.. Но онъ не знаетъ, что мы здѣсь!.. Онъ идетъ дальше!.. Мужайтесь, товарищи! Надо сдѣлать вылазку! Если намъ удастся пробиться туда,—мы спасены!

Къ несчастью, среди окружавшихъ, которыхъ капитанъ Севранъ хотѣлъ подбодрить этими словами, было нѣсколько еще неоправившихся солдатъ, которые не могли участвовать въ попыткѣ пробиться къ отряду Каррера черезъ густыя массы мятежниковъ.

Между тѣмъ отрядъ Каррера замѣтно удалялся, направляясь, очевидно, къ Кастелло-Веккіо. Повидимому, командиръ хотѣлъ во что бы то ни стало пробраться туда со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ солдатъ разныхъ полковъ, присоединившихся къ отряду на улицахъ.

При видѣ удалявшагося отряда у осажденныхъ исчезла всякая надежда.

— Теперь намъ остается только какъ можно дороже продать свою жизнь! — воскликнулъ грустно Жанъ Бершеръ.

— Зачѣмъ отчаиваться?—возразила Антуанетта. — Развѣ нельзя попытаться пробиться ко дворцу городского управленія? Онъ совсѣмъ близко отъ насъ!

Маркъ Севранъ одобрилъ это предложеніе и указалъ на безпорядокъ, происходившій въ это время въ толпѣ, большая часть которой намѣревалась броситься вслѣдъ за небольшимъ отрядомъ Каррера, чтобы отрѣзать ему путь къ форту.

— Скорѣй! Собирайтесь въ колонну! Надо воспользоваться этой минутой! Можетъ быть, намъ удастся добраться до дворца и тамъ мы потребуемъ у властей защиты!

Слабыхъ тотчасъ поставили въ середину; ихъ должны были поддерживать товарищи, у которыхъ не было оружія. Остальные образовали колонну, защищенную съ фланговъ солдатами, вооруженными ружьями, блестящіе штыки которыхъ должны были удерживать нападавшихъ на почтительномъ разстояніи. Флангами командовалъ Жанъ Тука.

Во главѣ маленькаго отряда стали Жанъ Берсеръ, Антуанетта и Жеромъ, а Маркъ Севранъ съ самыми отважными и хорошо вооруженными образовалъ арьергардъ.

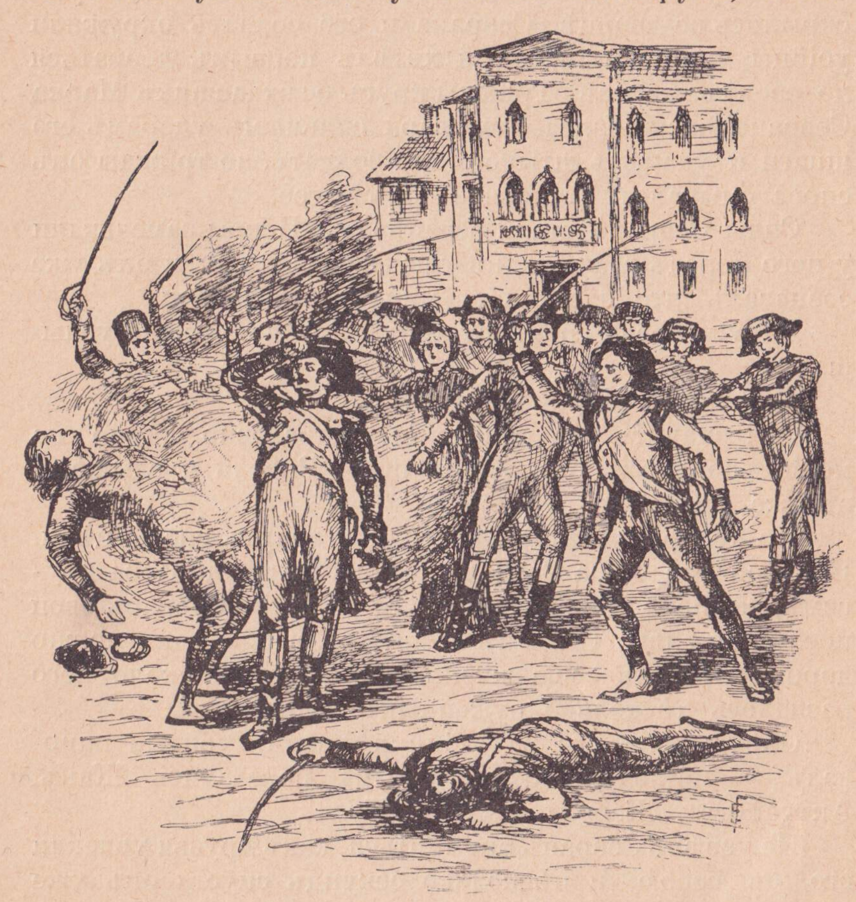
Сначала колонна безпрепятственно подвигалась впередъ вдоль домовъ, чтобы въ случаѣ нападенія имѣть прикрытіе по крайней мѣрѣ съ одной стороны.

Но, завидѣвъ этотъ маленькій отрядъ, толпа мятежниковъ съ нѣсколькими словаками во главѣ бросилась вслѣдъ за нимъ.

Нападенія ихъ были исключительно направлены на арьергардъ, находившійся подъ командой Севрана, который они стремились отрѣзать отъ остального отряда.

Жанъ, Антуанетта и Жеромъ шли впереди.

Французы находились уже въ нѣсколькихъ метрахъ отъ городского магистрата, какъ словаки, опасавшіеся, что добыча ускользнетъ у нихъ изъ-подъ рукъ, съ та-



Севранъ отбивался, собравъ свои послѣднія силы.

кой яростью напали на арьергардъ, что Маркъ Севранъ и трое солдатъ были вдругъ отрѣзаны отъ всей колонны и мгновенно окружены примкнувшими къ словакамъ крестьянами.

— Смерть имъ! Смерть якобинцамъ!—радостно завыла толпа.

Окруженный мятежниками со всѣхъ сторонъ Маркъ Севранъ считалъ, что наступилъ его послѣдній часъ.

Онъ успѣлъ замѣтить, что Жанъ и Антуанетта уже скрылись во дворцѣ. Севрана и его солдатъ окружили убійцы, при чемъ каждый хотѣлъ первымъ добраться до своихъ жертвъ. Трижды кругъ осаждавшихъ Марка Севрана расширялся, благодаря сильнымъ ударамъ его шпаги и ударамъ штыковъ его солдатъ, но трижды онъ снова смыкался, становясь все тѣснѣе.

Силы Севрана стали ослабѣвать. Искры замелькали у него передъ глазами, въ ушахъ зазвенѣло, и онъ уже сознавалъ, что наступаетъ минута его гибели.

Вдругъ среди громкаго крика и воя онъ ясно услышалъ:

— Смерть Марку Севрану!..

„А! значитъ это нападеніе направлено лично на меня!—подумалъ онъ.—Уже подъ Риволи я слышалъ эти же слова!“

Но теперь, казалось, враги достигнутъ своей цѣли. Всѣ три товарища Севрана были убиты одинъ за другимъ, и словаки яростно напали на него. Собравъ свои послѣднія силы, Севранъ отбивался, чтобы какъ можно дороже продать свою жизнь, какъ вдругъ около него раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

Окружавшіе его разбойники упали, убитые наповалъ, а изъ-за порохового дыма показались Жанъ, Антуанетта, Жеромъ и Жанъ Тука.

Не успѣлъ Севранъ опомниться, какъ друзья увлекли его съ собою, и нѣсколько секундъ спустя онъ уже находился за крѣпкими стѣнами губернаторскаго дворца.

— Не раненъ ли ты, Маркъ?—озабоченно спросилъ его Жанъ.

— Нѣтъ, у меня только нѣсколько царапинъ! Ты вторично спасъ мнѣ жизнь, Жанъ!

Маркъ Севранъ съ улыбкой смотрѣлъ на друга, который осторожно ощупывалъ у него руки, ноги и

все тѣло, не вѣря, что другъ его вышелъ невредимымъ изъ такой ожесточенной рукопашной схватки.

— Да нѣтъ же, это не моя заслуга, — возразилъ Жанъ.—Всѣ мы участвовали въ твоемъ спасенiи. Антуанетта первая замѣтила, что ты отсталъ и окруженъ врагами. Она первая съ пистолетами въ рукахъ бросилась на разбойниковъ! Мы только поспѣшили за ней и послѣдовали ея примѣру, вотъ и все!

— Нѣтъ, за мной нѣтъ никакой заслуги,—возразила краснѣя Антуанетта.—Я случайно замѣтила, что съ вами случилось, и позвала нашихъ друзей помочь вамъ.

Взволнованный Севранъ не находилъ словъ, какъ благодарить молодую дѣвушку. Онъ могъ только пробормотать:

— Вы!.. Вы!.. Спасенъ вами!..

Жанъ Бершеръ прервалъ его:

— Спасенъ?.. Можетъ быть, еще не спасенъ! Можетъ быть, только, какъ и мы, находишься на нѣсколько минутъ въ безопасности!

Дѣйствительно, нашедшiе убѣжище въ правительственномъ зданiи уже въ ближайшiе за этимъ дни убѣдились, что едва ли они избѣгнутъ всеобщей рѣзни. Венецiанскiя власти неохотно оказывали имъ покровительство, да и надолго ли могли эти стѣны служить имъ защитой, когда на улицахъ и днемъ и ночью бушевала толпа.

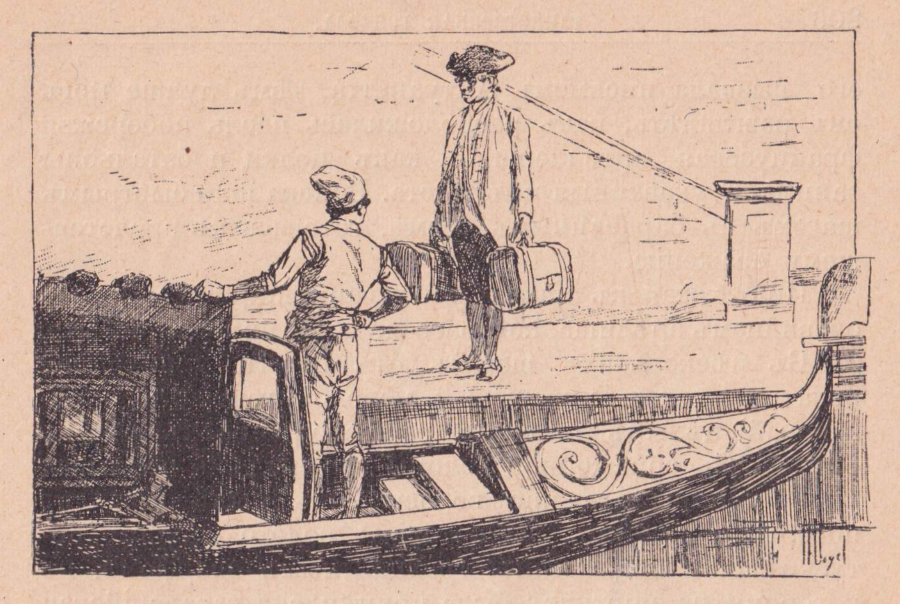
Наконецъ, 23 апрѣля, послѣ долгой тревожной недѣли, въ теченiе которой не умолкалъ грохотъ орудiй съ фортовъ, осыпавшихъ Верону ядрами, къ нимъ проникла вѣсть, что въ Леобенѣ заключенъ миръ между побѣдителемъ Бонапартомъ и побѣжденной Австрiей, и что на Верону идетъ съ 6.000 солдатъ генералъ Викторъ.

Генералъ Викторъ шелъ форсированнымъ маршемъ, чтобы поддержать генерала Шабрана, который съ 1.200 солдатъ первый поспѣшилъ въ Верону на

выручку французамъ, но безъ особеннаго успѣха.

Теперь генералъ Балланъ потребовалъ безусловной сдачи города, и 25-го апрѣля французскія войска заняли Верону, освободивъ осажденныхъ въ городѣ французовъ.

Между тѣмъ капитанъ Севранъ постоянно задавалъ себѣ вопросъ, за что его въ послѣднее время преслѣдуетъ какая-то таинственная злоба.



Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гондольера показался Жеромъ.

ГЛАВА XV.

Образокъ св. Марка.

При выѣздѣ изъ Венеціи Марино Фано пришлось употребить всю свою ловкость и воспользоваться необычайной быстротой своей таинственной гондолы, чтобы не попасть въ полосу полета ядеръ, которыя съ зловѣщимъ свистомъ проносились надъ лагуной, отдѣлявшей сушу отъ Венеціи. Это начиналась перестрѣлка французской артиллеріи съ нѣсколькими венеціанскими канонерками, которыя расположились на сѣверо-западѣ передъ каналами.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Марино къ маленькой гавани Маргера, находившейся вблизи Местра, куда

его вызвала письмомъ Антуанетта, тѣмъ лучше могъ онъ разглядѣть, какъ расположилась вдоль побережья французская артиллерія, и какъ полки и батальоны занимали указанныя имъ мѣста. Войска шли быстрымъ шагомъ съ барабаннымъ боемъ, готовясь къ предстоящему сраженію.

Подъѣзжая къ маленькой гавани, Марино сдѣлался очевидцемъ зрѣлища, котораго не могъ никогда забыть.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега у походной палатки стоялъ худощавый молодой генералъ, окруженный цѣлымъ штабомъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Съ обнаженной головы его спадали, покрывая уши, длинные гладкіе волосы; онъ былъ одѣтъ въ потертый мундиръ, на которомъ золото совсѣмъ потускнѣло, и подпоясанъ трехцвѣтнымъ шарфомъ, къ которому на портупеѣ была прицѣплена кавалерійская сабля. Его гладко выбритое блѣдное лицо дышало энергіей и силой воли, а блестящіе глаза сверкали гнѣвомъ. Онъ говорилъ съ послами Венеціанской республики, которые въ страхѣ низко кланялись ему и, казалось, молили его о пощадѣ.

Въ ушахъ гондольера впослѣдствіи долго еще звенѣлъ рѣзкій, энергичный голосъ его, дрожавшій отъ сдержанной злобы. Онъ говорилъ съ угрозой:

— А государственные инквизиторы?.. А комендантъ Лидо?.. Они арестованы?.. Я требую ихъ головы. О переговорахъ не можетъ быть рѣчи, пока не будетъ отомщена пролитая кровь французовъ! Меня не страшатъ ваши лагуны!.. Черезъ двѣ недѣли я буду въ Венеціи!.. Ваша знать избѣгнетъ смерти только въ томъ случаѣ, если будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ, чтобы потомъ блуждать по свѣту подобно французскимъ эмигрантамъ!..

— Это генералъ Бонапартъ,—прошепталъ Марино, пораженный видомъ этого необыкновеннаго человѣка.

Наконецъ, послѣ долгихъ унизительныхъ просьбъ, послы добились шестидневнаго перемирія. Въ теченіе

этихъ дней послы должны были доложить сенату тѣ тяжелыя условія, которыми венеціанское правительство наказывалось за его жестокость и коварство. Кромѣ другихъ преступленій Венеціанская республика обвинялась въ томъ, что допустила кровавую рѣзню въ Веронѣ и потопила стрѣльбой изъ батарей на Лидо экипажъ французскаго судна, спасавшагося отъ бури въ гавани.

Тотчасъ данъ былъ приказъ французской артиллеріи прекратить обстрѣлъ канонерокъ, также прекратившихъ стрѣльбу, когда комиссары подняли на своей гондолѣ бѣлый флагъ.

Наблюдая съ своей гондолы за всѣмъ, что происходило вокругъ него, Марино вдругъ услышалъ, какъ кто-то окликнулъ его съ берега:

— Эй!.. Марино!.. Неужели ты не узнаешь своихъ старыхъ друзей?.. Наконецъ-то мы прибыли сюда!..

И въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гондольера показался Жеромъ Гривэ съ чемоданами въ рукахъ. Лицо его сіяло отъ радости.

— Пресвятая Мадонна! — воскликнулъ гондольеръ. — Какъ я радъ!.. Я опасался, что вы всѣ тамъ погибли!..

Когда въ Венеціи распространился слухъ, что на второй день Пасхи въ Веронѣ началась рѣзня французовъ, Марино сильно встревожился.

Въ теченіе цѣлой недѣли въ Венецію приходили самыя тревожныя вѣсти, одна хуже другой, и всѣ онѣ сходились въ томъ, что ни одному французу не удастся живымъ выбраться изъ города, что французы предоставлены на произволъ 20.000 фанатиковъ-крестьянъ, соединившихся со словаками и толпами бѣглыхъ итальянскихъ солдатъ, которые уже завладѣли однимъ фортомъ, перерѣзавъ весь гарнизонъ. Затѣмъ пришла вѣсть объ упорномъ, геройскомъ отпорѣ генерала Баллана, и наконецъ Марино узналъ, что французскіе отряды ускореннымъ маршемъ прибыли къ Веронѣ и усмиряютъ мятежниковъ.

Когда же онъ получилъ письмо отъ Антуанетты, въ которомъ она просила встрѣтить ее и Жерома въ Маргера, Марино убѣдился, что они благополучно избѣжали кровавой рѣзни.

Вслѣдъ за Жеромомъ шла молодая дѣвушка, оживленно разговаривая съ двумя офицерами.

При видѣ гондольера лицо ея просіяло, и, весело улыбаясь, она указала на него своимъ спутникамъ.

— Вотъ онъ!.. вотъ Марино Фано, который такъ усердно и преданно помогалъ намъ!.. Пойдемте, я познакомлю васъ съ нашимъ венеціанскимъ другомъ!

И она быстро подошла къ гондольеру и, поздоровавшись съ нимъ, представила ему брата и Марка Северана.

Марино уже догадывался, кто были оба офицера. Но, услышавъ имя и увидѣвъ передъ собой того, которымъ такъ долго были заняты его мысли, онъ въ волненіи громко повторилъ: „Маркъ Севранъ!“

Между тѣмъ офицеры пожали гондольеру руку и поблагодарили его за все, что онъ сдѣлалъ для Антуанетты и для нихъ.

Марино сталъ всматриваться въ лицо Севрана, какъ-бы отыскивая сходство между нимъ и тѣмъ французомъ, съ которымъ встрѣчался много лѣтъ тому назадъ. Но онъ не нашелъ никакого сходства между этимъ молодымъ загорѣлымъ офицеромъ съ короткими вьющимися волосами и тѣмъ Матье-Маркомъ Севраномъ.

— Умѣстимся ли мы всѣ въ твоей гондолѣ?—спросила Антуанетта.

Марино встрепенулся.

— Развѣ синьоры поѣдутъ съ нами?—спросилъ онъ встревожившись.

— Тише! — остановила его Антуанетта съ таинственнымъ видомъ.—Эти синьоры должны непремѣнно сегодня быть въ Венеціи!..

— По важному порученію генерала Бонапарта къ сенату Венеціи!—добавилъ шепотомъ капитанъ Бершеръ.

— Но теперь очень опасно въ Венеціи для французовъ. Разнузданныя шайки словаковъ слоняются по улицамъ и грабятъ и убиваютъ народъ.

Офицеры пожали гондольеру руку.

— Въ Веронѣ было не лучше, — замѣтилъ Севранъ.—А мы все-таки вышли оттуда цѣлы и невредимы.

Марино пожалъ плечами:

— Но, синьоры, вспомните только, что у насъ различныя партіи, враждующія между собой! Надо опасаться всего! Многіе говорятъ, что позоръ переносить такое обращеніе со стороны французовъ, когда Венеція располагаетъ 37 галерами и 168 канонерскими лодками, другими словами—750 пушками и 8.500 матросами и артиллеристами, а гарнизонъ состоитъ изъ 3.500 итальянцевъ и 11.000 словаковъ; жизненныхъ припасовъ хватитъ на восемь мѣсяцевъ, а воды на два мѣсяца, притомъ есть еще возможность подвозить припасы моремъ! Все это поддерживаетъ среди многихъ желаніе оказать французамъ сопротивленіе.

Бершеръ пожалъ плечами:

— Приказъ Бонапарта, тутъ не можетъ быть возраженій. Если погибнемъ при исполненіи его порученія, онъ сумѣетъ отомстить за насъ!

— Марино,—прервала брата Антуанетта,—возьми ихъ подъ свое покровительство! Вѣдь ты всемогущій гастальдо Николотти!

Польщенный этими словами гондольеръ отвѣтилъ спокойнѣе:

— Какъ прикажете, синьорина Тоніэтта,—а затѣмъ пробормоталъ про себя:

— Къ тому же довольно и того, что ихъ увидятъ со мной въ этой гондолѣ. Никто не посмѣетъ дотронуться до нихъ!

И, указавъ на образокъ св. Марка, находившійся въ палаткѣ гондолы, онъ сказалъ:

— Св. Маркъ возьметъ ихъ подъ свое покровительство!

Затѣмъ всѣ размѣстились въ палаткѣ гондолы,— оба офицера на боковыхъ скамьяхъ, Антуанетта на средней, а Жеромъ съ багажомъ на носу гондолы.

Между Антуанеттой и молодыми офицерами завязался оживленный разговоръ. Молодая дѣвушка не видѣлась съ ними съ тѣхъ поръ, какъ покинула Верону, чтобы вернуться къ родителямъ въ Венецію.

Въ ту минуту, когда она направлялась къ гондолѣ Марино, она неожиданно увидѣла брата и его друга, явившихся на берегъ, чтобы также переправиться въ Венецію, куда главнокомандующій послалъ ихъ съ важнымъ порученіемъ къ Венеціанской республикѣ.

Изъ ихъ разговора Марино узналъ причины, вызвавшія гнѣвъ Бонапарта и его рѣшеніе покончить съ коварной политикой венеціанскаго правительства. Марино слышалъ, какъ Антуанетта спросила брата:

— Значитъ, въ то время, какъ генералъ Жюно явился въ Венецію съ грознымъ посланіемъ отъ Бонапарта, въ которомъ тотъ требовалъ немедленнаго освобожденія взятыхъ въ плѣнъ поляковъ и другихъ приверженцевъ Франціи, а также выдачи убійцъ, въ Веронѣ на насъ напали венеціанскіе эмиссары?

— Да, - отвѣтилъ Жанъ, – почти въ то же время! Къ тому же генералъ Бонапартъ грозилъ немедленно объявить войну Венеціанской республикѣ, если не получитъ полнаго удовлетворенія.

— Да, а кровавая рѣзня въ Веронѣ продолжалась съ 17-го по 24-е апрѣля. Это былъ своего рода отвѣтъ на письмо Бонапарта!—иронически замѣтилъ Севранъ.— Все это только послѣдствія двуличности венеціанцевъ. Съ самаго начала войны они обманывали насъ: всегда соглашались на все, что требовалъ отъ нихъ нашъ главнокомандующій, и даже посылали ему деньги, а между тѣмъ тайно помогали австрійцамъ, подняли противъ насъ народное возстаніе и устроили лютую рѣзню нашихъ постовъ. Когда Жюно читалъ сенаторамъ письмо, они отлично знали, что въ Веронѣ готовится рѣзня, которую они лишь не успѣли пріостановить! Я теперь еще помню грозныя слова Бонапарта: „Пора положить конецъ такому правленію, и я твердо рѣшилъ не поддаваться никакимъ льстивымъ рѣчамъ!“

И, обращаясь къ Антуанеттѣ, Севранъ продолжалъ:

— О, если бы вы только видѣли Бонапарта въ Грацѣ, когда онъ въ гнѣвѣ говорилъ венеціанскимъ

посламъ Дона и Юстиніани: „Я разрушу ваши свинцовыя крыши, нагряну на Венецію какъ второй Аттила! Я уничтожу инквизицію и вашу Золотую книгу— эти пережитки варварскихъ вѣковъ! Ваше правленіе устарѣло и должно быть уничтожено!“

Подобно погребальному звону по павшей Венеціи звучали эти слова надъ таинственной гондолой.

Но гастальдо Николотти слышалъ въ нихъ нѣчто другое. Ему грезилось, что послѣ кроваваго господства венеціанской знати, съ ея страшными пытками, свинцовыми крышами и подземельями, возродится молодая свободная Венеція! Съ восхищеніемъ прислушивался онъ къ словамъ молодого офицера, звучавшимъ въ его ушахъ подобно гимну свободѣ.

— Грозныя слова!—замѣтилъ Жанъ де-Бершеръ.— Они тѣмъ болѣе должны были напугать венеціанцевъ, что Бонапартъ еще не зналъ объ ихъ послѣднихъ коварныхъ злодѣяніяхъ: о рѣзнѣ на островѣ Лидо, учиненной надъ французами наемниками-словаками, и о вознагражденіи, назначенномъ сенатомъ губернатору за это самое злодѣяніе.

— А какія послѣдствія!—воскликнулъ Севранъ.— Хотя война еще не объявлена, левъ св. Марка уже низвергнутъ во всѣхъ провинціяхъ на сушѣ. Всюду проглядываютъ ростки свободы, а сама Венеція находится подъ жерлами нашихъ пушекъ.

Между тѣмъ гондола быстро скользила по каналу Гранде. Пораженный красотой сверкавшихъ въ лучахъ заходящаго солнца роскошныхъ палаццо, отражавшихся въ голубыхъ водахъ лагуны, Севранъ внезапно замолкъ, а затѣмъ воскликнулъ:

— Боже, какая красота!

— Бѣдная Венеція!—тихо сказала Антуанетта.— Надѣюсь, что не всѣ эти чудеса искусства будутъ разрушены бомбами и гранатами.

— Вы правы,—согласился смущенный Севранъ,— я разсуждалъ только что, какъ настоящій вандалъ. Я

«Взгляните, какая-то бумага!..» воскликнула Антуанетта.

не долженъ былъ говорить такъ о Венеціи, этой царицѣ Адріатики, которую я всегда любилъ, еще не зная ея, какъ хранительницу безсмертныхъ произведеній искусства.

— Прощаю великодушно!—сказала Антуанетта.—Вижу, что художникъ снова восторжествовалъ надъ солдатомъ. Взгляните-ка сюда: здѣсь всюду встрѣчаешь художественныя произведенія! Вотъ хотя бы этотъ образокъ св. Марка тутъ въ палаткѣ, на который я раньше не обращала вниманія. Смотрите, вѣдь это настоящее сокровище!

При этихъ словахъ она указала на маленькую, золоченую горельефную статуэтку св. Марка, покровителя Венеціи, стоявшую подъ стекломъ.

Но со скамеекъ нельзя было разглядѣть всѣ детали статуэтки. Поэтому Антуанетта открыла стекло, чтобы лучше полюбоваться художественной работой.

— Какой шедевръ!—восхищался Севранъ.—Должно быть, образокъ очень старинный; нигдѣ нѣтъ помѣтки, кѣмъ онъ сдѣланъ. Я нисколько не удивился бы, если бы онъ принадлежалъ къ началу XVI столѣтія!

— Можетъ быть, гондольеръ можетъ сказать намъ это!—замѣтилъ Жанъ.

— Взгляните-ка, что тамъ такое выступаетъ изъ-за головы!—вскрикнула вдругъ Антуанетта.—Какая-то бумага!.. Въ ней, можетъ быть, мы найдемъ какія-нибудь указанія... Какъ интересно!..

Севранъ, стоявшій рядомъ съ Антуанеттой, осторожно вынулъ изъ футляра толстый, сложенный въ нѣсколько разъ, пожелтѣвшій пергаментъ, запечатанный восковой печатью. Взглянувъ на пергаментъ внимательно, онъ вдругъ поблѣднѣлъ и вскрикнулъ:

— Друзья!.. Это что такое?.. что это означаетъ?.. Смотрите... смотрите! Не можетъ быть!.. Не сонъ ли это?..

Хотя надпись сильно поблекла, онъ всеже разобралъ написанныя на обложкѣ слова:

„Testamento d'Atanasio Rizzo. 1624“ (Завѣщаніе Атаназіо Рицпо. 1624).

— Отчего вы такъ взволновались? — разсмѣялась Антуанетта.—И какъ вы поблѣднѣли!.. Впрочемъ, документъ этотъ, кажется. не относится къ этому образку.

— Рицдо?.. Атаназіо Рицдо?..—сталъ припоминать Жанъ. — Я гдѣ-то уже слышалъ это имя?.. А! припоминаю!.. Кажется ты, Маркъ, какъ то упоминалъ это имя?.. А!.. теперь я вспомнилъ!.. кладъ'.. Золотое руно! Это та сказочная исторія, которую ты мнѣ разсказалъ!—засмѣялся Жанъ.

Но Маркъ былъ серьезенъ и пробормоталъ:

— Возможно ли это?.. Эта бумага—то духовное завѣщаніе!.. оно существуетъ... Но кто спряталъ его туда?

Антуанетта съ недоумѣніемъ смотрѣла то на брата, то на Северана, не понимая, о чемъ они говорятъ.

— Что васъ такъ озадачило?—спросила она наконецъ.—Спросите Марино, не онъ ли спряталъ туда эту бумагу?.. Марино,—позвала она гондольера, который уже нѣсколько минутъ наблюдалъ за тѣмъ, что происходило въ палаткѣ гондолы, не понимая, что могло взволновать его пассажировъ.

Но, увидѣвъ пергаментъ и узнавъ, гдѣ его нашли, онъ ударилъ себя по лбу и вскричалъ:

— Такъ вотъ, что означали его странныя слова!.. А я, безумецъ, ломалъ себѣ голову и не могъ догадаться о такой простой вещи! Теперь мнѣ все ясно! Пакетъ этотъ спряталъ туда Матье-Маркъ Севранъ, ввѣряя его св. Марку. Да, теперь я припоминаю слова его: „Если я пропаду безъ вѣсти, Марино, и ты ничего не услышишь обо мнѣ, то не забудь моего имени — Матье-Маркъ Севранъ — и постарайся всѣми средствами узнать, что сталось со мной, и наконецъ обратись за разъясненіями къ св. Марку, моему покровителю, — онъ тебѣ объяснитъ все!“ А я искалъ св. Марка въ соборѣ на Піаццеттѣ, тогда какъ онъ находился у меня въ гондолѣ, да еще въ этой!.. Теперь все понятно.. Еще до прибытія въ Венецію Севрану казалось, что ему отовсюду грозитъ опасность, и, не зная, кому довѣрить свою важ-

ную тайну, онъ рѣшилъ ввѣрить ее своему покровителю, св. Марку.

Антуанетта и оба офицера съ удивленіемъ слушали гондольера, который сталъ разсматривать пергаментъ.

Марино объяснилъ, какъ очутилось завѣщаніе въ образкѣ.

— Вы назвали фамилію „Рицпо", но эта фамилія мнѣ неизвѣстна!.. А взгляните-ка на печать!.. Вокругъ нея что-то написано!

Севранъ сталъ внимательно разсматривать печать и увидѣлъ на ней инициалы своего отца M. S., а кругомъ надпись поблекшими чернилами:

„Testamento di Sevrano. 1654“.

Въ пакетѣ оказалось два завѣщанія.

Въ эту минуту гондола причалила къ пристани у Піаццетты, около Цекки.

— Синьоръ Севранъ,—шепнулъ Марино,—этотъ пакетъ принадлежитъ вамъ. Это завѣщаніе вашего несчастнаго отца, и оно дастъ вамъ право получить милліоны изъ Цекки, которую вы видите тамъ!

— Какъ ты назвалъ это зданіе?

— Цекка! Въ немъ хранится ваше наслѣдство!

— Тотъ кладъ!—воскликнулъ Севранъ.

— Тише, тише, синьоръ капитанъ! Тутъ могутъ быть лишніе глаза и уши. Я потомъ разскажу вамъ все!

Въ это время по Піаццеттѣ шли Беккаруцци и Лаццаро. Послѣдній указалъ со страхомъ на гондолу, которую онъ узналъ, и старался скорѣй увести своего товарища. Но Беккаруцци медлилъ, желая узнать, кого привезъ Марино, и кто эти французскіе офицеры, которыхъ онъ высадилъ у самой Цекки.

Жанъ и Маркъ встревожились, услыхавъ ревъ толпы.

ГЛАВА XVI.

Послѣднія препятствія.

Маркъ Севранъ узналъ отъ Марино настоящую причину необъяснимаго преслѣдованія, которому онъ подвергался.

Если бы убійцамъ удалось покончить съ нимъ, то негодяи могли бы считать, что устранили послѣдняго наслѣдника громаднаго состоянія, хранившагося въ Цеккѣ. Сомнѣваться болѣе въ наличности этого состоянія Севранъ уже не могъ.

Марино Фано въ краткихъ словахъ объяснилъ Севрану, почему онъ считаетъ Беккаруцци вдохновителемъ и руководителемъ двухъ покушеній, произведенныхъ на Марка Севрана.

Узнавъ всѣ эти подробности, Маркъ Севранъ тотчасъ приступилъ къ выполненію возложеннаго на него и Жана де-Берперъ Бонапартомъ порученія, а также къ разслѣдованію причины смерти своего отца, погибшаго, какъ утверждалъ Марино, насильственной смертью.

По выполненіи этихъ двухъ задачъ Севранъ рѣшилъ заявить свои права на роковое наслѣдство, бывшее причиной горя всей его семьи.

При самомъ вступленіи въ Венецію судьба свела Марка Севрана съ тѣмъ негодяемъ, который всѣми силами стремился устранить единственное послѣднее препятствіе, которое становилось между нимъ и тѣмъ золотомъ, котораго онъ такъ давно жаждалъ.

Когда Беккаруцци увидѣлъ обоихъ офицеровъ, онъ, какъ хищный звѣрь, по инстикту почуялъ добычу и, замедливъ шаги, шепнулъ на ухо Беппо:

— Беппо! Это онъ!.. онъ!.. онъ живъ еще!.. Но на этотъ разъ, увѣряю тебя, онъ не уйдетъ отъ меня, если бы даже мнѣ пришлось покончить съ нимъ самому!

— Не ошибаешься ли ты?.. Почему ты знаешь, что это онъ?..—забормоталъ въ страхѣ Беппо.

— Мнѣ говоритъ это моя ненависть къ нему! Я это чувствую, самъ не зная почему! Но это онъ!..—и, указывая на спутниковъ Севрана, онъ продолжалъ:—Взгляни ка, вѣдь это синьорина де-Бершеръ и ея слуга, Жеромъ Гривэ?.. Ты, Беппо, плохой наблюдатель и не годился бы въ сыщики! Всмотрись повнимательнѣе въ лицо другого офицера, въ его голубые глаза и сравни ихъ съ глазами сестры, которая такъ довѣрчиво опирается на его руку,—это капитанъ Жанъ де-Бершеръ, а неразлучный другъ его, который идетъ рядомъ съ ними,—Маркъ Севранъ. Всѣ они были въ Веронѣ и все-таки вернулись оттуда невредимыми; но здѣсь они сами бросаются въ

пасть льва св. Марка, и левъ этотъ пожретъ ихъ или по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ! Ужъ я позабочусь объ этомъ!

— Берегись, Цезарь! — пробормоталъ Беппо.—Ихъ привезъ Марино въ своей гондолѣ!..

— Пусть твой проклятый гастальдо самъ побережется, а гондола его, хотя бы и роковая, таинственная гондола, не убережетъ его отъ меня!.. А, если никто не хочетъ помочь мнѣ, я буду дѣйствовать одинъ, какъ тогда... тамъ...—и онъ указалъ на далекія очертанія Лидо.

При этихъ словахъ у Беппо морозъ пробѣжалъ по спинѣ.

— Поговоримъ лучше о другомъ,—сказалъ онъ.— Ты знаешь, я не люблю говорить о давно прошедшихъ дѣлахъ, о которыхъ ты такъ охотно вспоминаешь. Мнѣ кажется, время для насъ не совсѣмъ благопріятное. Кажется, тамъ наверху не прочь уступить Бонапарту, наглость котораго въ Тревизѣ дошла до того, что онъ грозилъ разстрѣлять проведитора Юстиніани и трехъ инквизиторовъ, твоихъ покровителей, а также коменданта Лидо, котораго поздравляли за его патріотическій подвигъ, когда онъ потопилъ французскую канонерку.

При этихъ словахъ лицо Беккаруцци сдѣлалось еще сумрачнѣе. Онъ гнѣвно покосился на обоихъ офицеровъ, которые направлялись съ Марино ко дворцу дожей, между тѣмъ какъ Антуанетта съ Жеромомъ пошли къ занимаемому семьей Бершеръ палаццо.

Указывая на обоихъ офицеровь, Беккаруцци злобно пробурчалъ:

— Еще недавно эти мундиры не осмѣливались показываться на Піаццеттѣ? Какая наглость!.. Но куда же они идутъ?.. Вѣроятно, къ нашему повелителю съ порученіемъ отъ главнокомандующаго; это дѣлаетъ ихъ на время неприкосновенными. Пусть они сначала исполнятъ свое порученіе, а потомъ ужъ я буду дѣйствовать!..

— Они неприкосновенны не только какъ послы, но и потому еще, что прибыли въ роковой, таинственной гондолѣ Марино, въ той самой, которая несетъ съ собой смерть и гибель всѣмъ, кто осмѣлится теперь коснуться ихъ!..

— Посмотримъ!—пробормоталъ сбиръ, ощупывая скрытый подъ плащомъ кинжалъ.

Но, пока Беккаруцци составлялъ свои коварные планы, событія въ Венеціи принимали роковой оборотъ: наступалъ конецъ неограниченному господству аристократіи, столько столѣтій стоявшей у власти.

На третій день послѣ того, какъ Сенатъ выслушалъ французскихъ офицеровъ, съ особо важнымъ и секретнымъ порученіемъ посланныхъ Бонапартомъ, возложившимъ на нихъ обязанности слѣдить за точнымъ исполненіемъ его предписаній, царицу Адріатики снова объялъ ужасъ.

Уже 1-го мая, вслѣдъ за собраніемъ Большого Совѣта, на которомъ была признана необходимость перемѣны правленія и введенія демократическаго строя въ странѣ, когда едва успѣли умолкнуть орудія французовъ, венеціанцы къ ужасу своему увидѣли, что Сенатъ привелъ городъ на осадное положеніе.

Намѣреваясь приступить 4-го мая къ столь важному рѣшенію, Большой Совѣтъ, опасаясь возмущенія, окружилъ себя усиленной охраной. Страхъ обуялъ всѣхъ венеціанцевъ, когда по всѣмъ улицамъ стали ходить патрули.

Молча съ безпокойствомъ устремился народъ со всѣхъ улицъ на Піаццетту; тамъ войска и артиллерія охраняли всѣ входы къ дворцу дожей, гдѣ сенаторы собрались на совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ дожа. Время отъ времени изъ дворца дожей проникала какая-нибудь вѣсть о томъ, что происходитъ въ залѣ засѣданія. Она тотчасъ передавалась изъ устъ въ уста, и среди народа поднимался шумъ, который, однако, вскорѣ затихалъ въ ожиданіи новыхъ вѣстей.

У мола тѣснились гондолы Кастеллани и Николотти, и гондольеры оживленно переговаривались въ ожиданіи грядущихъ событій. Выѣхавъ изъ канала Гранде, Беппо случайно очутился рядомъ съ гондолой Марино.

— Помнишь, Беппо,—окликнулъ его Марино,—что я тебѣ говорилъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ въ ноябрѣ, когда ты смѣялся и не хотѣлъ вѣрить моимъ словамъ? Съ тѣхъ поръ буря все приближалась къ намъ; скоро она разразится надъ Венеціей и смететъ все это прошлое, которое такъ тяжело давило насъ! Скоро тамъ, во дворцѣ дожей, раздастся послѣднее рыканье льва аристократіи, которое, становясь съ каждой минутой слабѣе, наконецъ совсѣмъ умолкнетъ! Но вмѣсто него поднимется нашъ левъ, клянусь св. Маркомъ! и его услышатъ всѣ!..

И Марино указалъ на бронзоваго льва на колоннѣ и на окна дворца дожей, въ которыхъ иногда показывались блѣдныя встревоженныя лица сенаторовъ.

Въ эту минуту кто-то выбѣжалъ изъ дворца и направился къ молу, гдѣ находились гондолы.

Беппо узналъ своего пріятеля сбира и окликнулъ его:

— Гондолу, Цезарь?

Беккаруцци прямо направился къ нему. Лицо его выражало необычайное возбужденіе.

— Все кончено!—воскликнулъ онъ, усаживаясь въ гондолу.—Приказано немедленно арестовать трехъ государственныхъ инквизиторовъ и коменданта Лидо, а нашимъ уполномоченнымъ комиссарамъ при Бонапартѣ приказано соглашаться на все, чтобы добиться примиренія во что бы то ни стало. Это начало разложенія всего государственнаго строя древней Венеціи, которая находится въ агоніи!.. Но я все-таки добьюсь своей цѣли, хотя бы мнѣ пришлось...

Недосказанную мысль онъ пояснилъ движеніемъ руки.

Марино Фано разслышалъ слова Беккаруцци и, наклонивъ многозначительно голову, громко запѣлъ:

„И владычеству Льва настанетъ конецъ!"

И всѣ окружавшие его гондольеры, Кастеллани и Николотти, въ одинъ голосъ подхватили эту пѣснь, одни съ надеждой на свѣтлое будущее, другіе съ отчаяніемъ и злобой.

И этотъ страшный вопль, все усиливаясь, громко пронесся надъ моломъ, дюнами, каналами и по улицамъ города, какъ надгробный плачъ надъ прежнимъ величіемъ умирающей царицы Адріатики.

Какъ предвѣщалъ Беккаруцци, такъ и случилось: начались безпорядки и возмущеніе, перешедшее вскорѣ въ насиліе и рѣзню. Несмотря на многочисленные патрули, грозныя пушки и на стянутые въ Венецію многочисленные отряды солдатъ. безпорядки эти перекинулись во всѣ части города. Разгорѣлась всеобщая ненависть, и словаки, охранявшіе сначала гражданъ, превратились въ настоящихъ разбойниковъ.

Беккаруцци велѣлъ Лаццаро ѣхать къ палаццо герцога де-Берщеръ. Онъ хотѣлъ повидаться съ Гонтраномъ и посовѣтоваться съ нимъ о послѣднихъ событіяхъ и о томъ, какъ бы добиться выдачи наслѣдства до наступленія въ Венеціи всеобщей анархіи.

Необходимо было дѣйствовать рѣшительно. Гонтранъ де-Берщеръ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку и предъявить тѣ немногія бумаги, которыя ему удалось добыть. Въ качествѣ представителя французскаго короля онъ долженъ былъ поспѣшить заявить о своихъ правахъ на наслѣдство французскаго подданнаго, умершаго въ 1786 г., то-есть до революціи, пока Маркъ Севранъ еще не предъявилъ своего требованія.

Возможно было, что при всеобщемъ безпорядкѣ такая смѣлая попытка могла увѣнчаться успѣхомъ.

Что же касается Марка Севрана, то сбиръ принялъ необходимыя мѣры, чтобы онъ исчезъ безъ шума.

Беккаруцци былъ увѣренъ, что среди всеобщаго возмущенія, охватившаго весь городъ, онъ съ помощью преданныхъ ему словаковъ легко устранитъ французскаго офицера.

Но сбира ожидала неудача: онъ нигдѣ не могъ встрѣтить маркиза не только въ этотъ день, но и въ послѣдующіе дни. Графъ д'Антрэгъ, которому Гонтранъ былъ преданъ душой и тѣломъ, послалъ его въ Тріестъ съ порученіемъ наблюдать за событіями.

Между тѣмъ въ Венеціи по предложенію Николо Морозини 9-го мая разоружили флотъ, и тогда же было рѣшено отпустить на родину всѣхъ словаковъ, которыхъ правительство не безъ основанія стало опасаться, выплативъ имъ задержанное жалованье. Въ Венеціи царила паника, и разбойничьи шайки увеличивались съ каждымъ днемъ.

На засѣданіи Большого Совѣта 12 го мая, которое подтвердило всѣ предыдущія постановленія, было окончательно рѣшено отмѣнить господство аристократіи, правившей столько столѣтій Высокой Республикой, и учредить временное правительство изъ представителей всѣхъ венеціанскихъ областей и сословій.

Между тѣмъ дворецъ дожей окружила несмѣтная толпа народа, запрудившая всю Піаццетту. Народъ оттѣснилъ немногіе отряды, которые успѣло собрать правительство, такъ какъ большая часть словаковъ находилась уже на судахъ у Лидо, ожидая попутнаго вѣтра.

Внезапно въ окнѣ дворца показался одинъ изъ членовъ Совѣта и замахалъ флагомъ въ знакъ того, что голосованіе кончилось.

Изъ толпы раздались радостные восторженные крики, но слышны были также возгласы разочарованія и ярости.

Вдругъ изъ сосѣдней улицы, выходящей на Піаццетту, показалась толпа Кастеллани съ образомъ св. Марка, кричавшая:

„Evviva San Marco!“

Въ это время Жанъ Бершеръ, Маркъ Севранъ и Марино Фано съ нѣсколькими Николотти находились въ кафе близъ Піаццетты. Озлобленная толпа, вооруженная ружьями, кинжалами, ножами и баграми, съ ревомъ прошла мимо кафе, въ которомъ они находились.

— Куда они направляются? — спросилъ Севранъ.

Марино покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Я замѣтилъ среди нихъ много подозрительныхъ лицъ: уличныхъ пѣвцовъ, факкини, далматовъ, словаковъ и самыхъ отъявленныхъ негодяевъ. Они способны на все и, вѣроятно, примутся за грабежъ и убійство.

— Не грозитъ ли опасность моимъ роднымъ?—озабоченно замѣтилъ Жанъ де-Бершеръ.—Не поспѣшить ли намъ къ нимъ на помощь?..

Всѣ поспѣшно вышли изъ кафе. Вблизи раздавались выстрѣлы и дикій ревъ толпы, которая начала грабить дома. Оба офицера и Марино съ своими товарищами бросились вслѣдъ за негодяями, которые уже успѣли оставить на своемъ пути нѣсколькихъ раненыхъ и убитыхъ.

— Это напоминаетъ мнѣ Верону,—грустно сказалъ Севранъ.

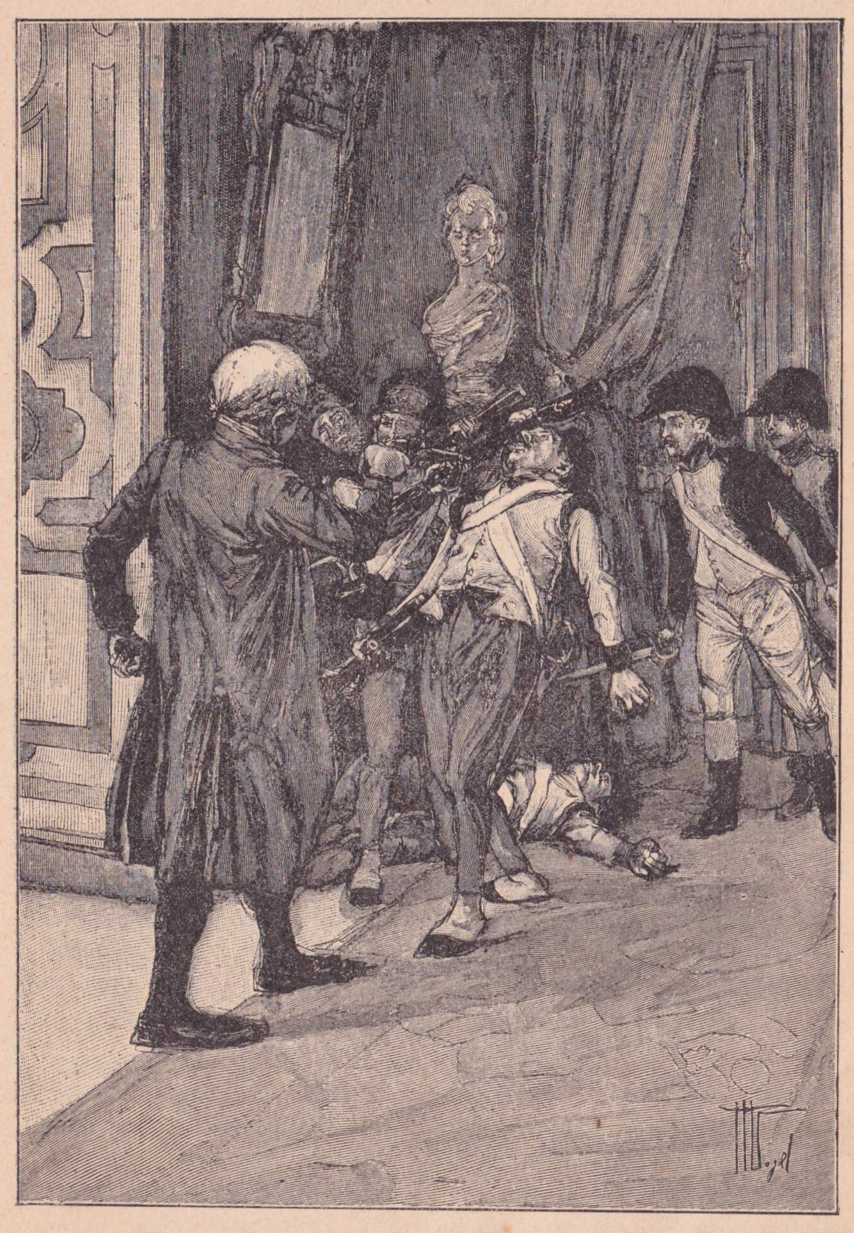
Отъ времени до времени слышались громкіе крики о помощи. Главнымъ образомъ ярость толпы была направлена противъ французовъ.

Жанъ и его друзья поспѣшили въ переулокъ, выходившій на каналъ Гранде, откуда раздавался ревъ толпы, собравшейся около палаццо, занятаго семьей герцога де-Бершеръ. Добѣжавъ до канала и увидѣвъ, что тамъ происходитъ, Жанъ крикнулъ съ отчаяніемъ:

— Смотрите! смотрите!.. я не ошибся!

Дѣйствительно, разнузданная чернь напала на дворецъ, занятый герцогомъ де-Бершеръ.

На балконѣ стояли герцогъ, герцогиня, Антуанетта и камеристки, очевидно, спасшіеся туда, а за ними



Жеромъ отбивался отъ наступавшихъ грабителей.

стоялъ человѣкъ съ пистолетами въ каждой рукѣ и съ саблей въ зубахъ, отбивавшійся отъ наступавшихъ на него грабителей.

— Это Жеромъ!—воскликнулъ Жанъ.

Увидѣвъ все это, Марино быстро отдалъ своимъ Николотти распоряженія, и всѣ они съ Жаномъ и Маркомъ Севраномъ сѣли въ гондолы.

— Продержись еще немного, мы сейчасъ явимся на помощь!—крикнулъ Жанъ Жерому.

Нѣсколько минутъ спустя гондола Марино съ Жаномъ де-Бершеръ и Маркомъ Севраномъ подъѣхала ко дворцу, и они бросились вверхъ по лѣстницѣ, чтобы напасть на атакующихъ съ тыла, тогда какъ остальные Николотти подплыли къ балкону и, забросивъ на выступъ перваго этажа веревку, быстро вскарабкались по ней одинъ за другимъ и поспѣшили на помощь къ герцогу и дамамъ.

Севранъ вбѣжалъ первымъ; сильнымъ ударомъ сабли положилъ онъ на мѣстѣ негодяя, особенно наступавшаго на Жерома, въ то время какъ послѣдній мѣткими выстрѣлами изъ пистолетовъ покончилъ съ двумя другими.

— Вы спасены!—крикнулъ Севранъ семьѣ герцога, находившейся на балконѣ, бросаясь вмѣстѣ съ Жаномъ и Марино навстрѣчу негодяямъ.

— Вы разбойники, а не гондольеры!—крикнулъ имъ Марино.

Встрѣтивъ неожиданный отпоръ, нападавшіе стали отступать, оставивъ въ залѣ пять-шесть убитыхъ и раненыхъ.

— Я готовъ поклясться, что это дѣло рукъ Беккаруцци!—замѣтилъ Марино, когда они остались одни съ семьей де-Бершеръ.—Негодяи разсчитывали встрѣтить здѣсь капитана Севрана и покончить съ нимъ во время рѣзни. Это видно изъ того, что они такъ нерѣшительно и трусливо нападали на семью герцога; не встрѣтивъ того, кого искали, они были озадачены. Но все-таки они

убили бы всѣхъ, несмотря на отважную защиту Жерома.

— Они оказываютъ мнѣ слишкомъ много чести. Я исполнилъ ихъ желаніе и явился къ нимъ!—воскликнулъ Севранъ, указывая саблей на убитыхъ имъ разбойниковъ.

Убитыхъ и раненыхъ вынесли изъ зала.

Семья герцога де-Берпіеръ рѣшила остаться въ своемъ палаццо подъ охраной нѣсколькихъ Николотти, выбранныхъ Марино изъ самыхъ храбрыхъ.

Антуанетта воспользовалась случаемъ и представила отцу Севрана, который первый явился къ нимъ на помощь.

— Отецъ, позволь представить тебѣ моего спасителя,—сказала она.—Безъ него вы не увидѣли бы меня здѣсь. Онъ спасъ жизнь мнѣ и Жану въ Веронѣ, а сегодня первый явился къ намъ на помощь.

Взволнованный ужасной сценой, только что разыгравшейся передъ нимъ, герцогъ обнялъ своего младшаго сына, а герцогиня прижала его къ сердцу и нѣжно расцѣловала.

— Милостивый государь, — обратился герцогъ къ Севрану, пожимая ему руку,—герцогиня и я никогда не забудемъ, что вы сдѣлали для нашихъ дѣтей и для всѣхъ насъ. Мы навѣки останемся вашими должниками.

Эти слова сказаны были любезнымъ, нѣсколько снисходительнымъ тономъ знатнаго вельможи, умѣвшимъ и среди несчастій и испытаній сохранить свою гордость.

Въ эту минуту подошелъ Марино Фано.

— Синьоръ,—обратился онъ къ Севрану,—у насъ еще есть важная задача!.. Надо поспѣшить въ темницы... Я слышалъ, что отданъ приказъ выпустить всѣхъ заключенныхъ. Намъ надо узнать, вѣрнѣе вамъ, что тамъ творится. У меня есть основаніе думать, что одинъ изъ узниковъ, о которомъ я еще не говорилъ

вамъ, очень нуждается въ нашей помощи. Боюсь, что кто-нибудь предупредитъ насъ!

— Не могу ли и я помочь вамъ?—спросилъ Жанъ.

Герцогъ пожалъ Севрану руку.

— Ваше присутствіе, какъ посланнаго генерала Бонапарта, будетъ намъ очень полезно, — сказалъ Марино.

И они поспѣшно вышли изъ палацццо герцога.

Когда они втроемъ подходили къ дворцу дожей, уже совсѣмъ стемнѣло. Передъ дворцомъ дожей стоялъ сильный отрядъ, къ которому присоединились почти всѣ знатные граждане, чтобы отстоять дворецъ дожей отъ нападенія мятежниковъ. Но до Піаццетты все еще доносились ружейные и пушечные выстрѣлы и шумъ толпы въ особенности изъ кварталовъ, населенныхъ черныо.

Когда Марино потребовалъ, чтобы ихъ впустили во дворецъ, ему сначала отказали, но при видѣ двухъ французскихъ офицеровъ, въ которыхъ узнали уполномоченныхъ Бонапарта, двери тотчасъ растворились передъ ними.

Марино направился къ тюремщику, бывшему гондольеру, принадлежавшему къ партіи Николотти, и попросилъ провести его къ камерѣ узника, о существованіи котораго онъ узналъ отъ него же.

Узнавъ Марино и выслушавъ его просьбу, тюремщикъ съ сожалѣніемъ отвѣтилъ:

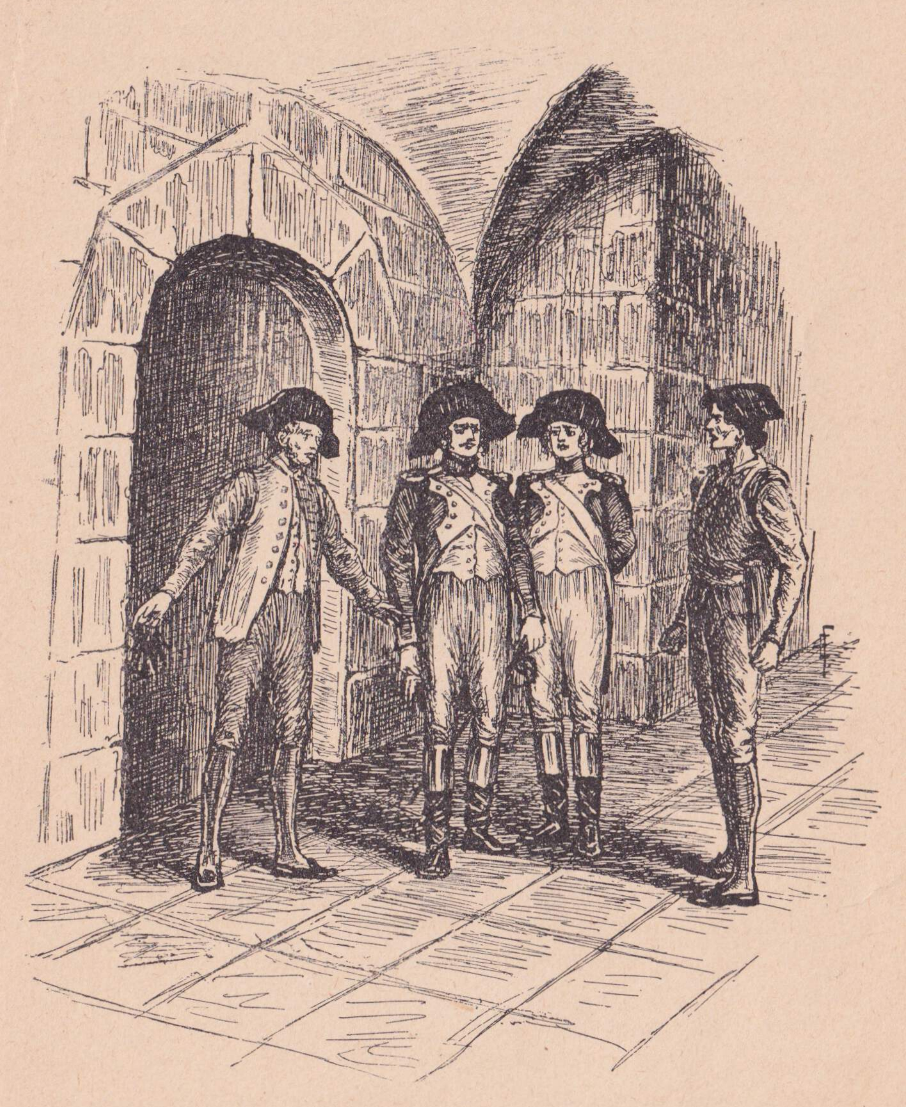
— Вы опоздали!.. Часъ тому назадъ отсюда увели этого узника.

— Какъ же это?—удивился Марино.—Вѣдь по приказанію Совѣта всѣ заключенные должны быть выпущены на свободу!

— Да, это такъ! — возразилъ тюремщикъ. — Но этотъ приказъ касался лишь государственныхъ преступниковъ, и всѣ они были освобождены. Этотъ же обвинялся въ убійствѣ! Капитанъ Беккаруцци предъявилъ мнѣ приказъ, и я долженъ былъ выдать ему этого узника.

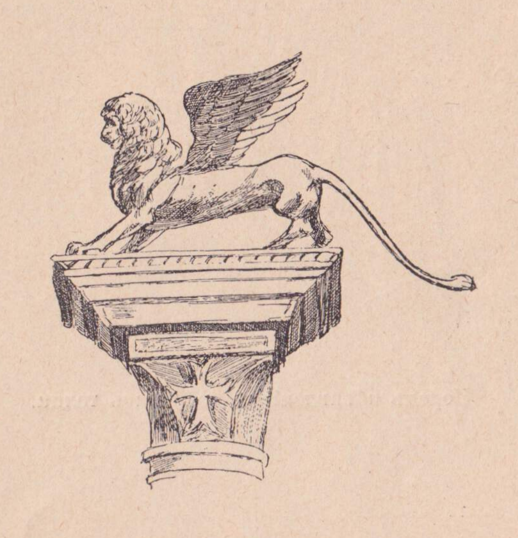
— Проклятый Беккаруцци!.. Мы опоздали!—вскричалъ внѣ себя отъ гнѣва Марино.—Неужели мнѣ не удастся справиться съ этимъ негодяемъ! Надо его отыскать во что бы то ни стало и наконецъ свести съ нимъ счеты!

Гондольеръ и оба офицера удалились, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ.



„Вы опоздали!..“ сказалъ съ сожалѣніемъ тюремщикъ.

А въ городѣ между тѣмъ все еще грохотали пушки, — это сражались съ мятежниками у моста Ріальто подъ командой стараго мальтійскаго генерала Саламбини двѣсти солдатъ. Наконецъ возстаніе было подавлено и вожаки его убиты.



Передъ объявленіемъ собралась толпа.

ГЛАВА XVII.

Показанія умершаго.

Привязавъ свою гондолу къ одному изъ столбовъ у Цекки, близъ колонны св. Ѳеодора, Беппо медленно прошелся по Піаццеттѣ. Вдругъ вниманіе его привлекла толпа народа, столпившаяся у первой арки дорійской галлереи Либреріа Веккіа, находящейся противъ дворца дожей.

Въ толпѣ слышались замѣчанія вполголоса, вѣроятно, изъ опасенія, что разговоръ будетъ подслушанъ шпіонами.

Лаццаро подошелъ къ толпѣ и замѣтилъ, что народъ собрался передъ вывѣшеннымъ объявленіемъ.

Прочитавъ его, Беппо задумчиво покачалъ головой и пробормоталъ:

— Чортъ возьми! Такъ вотъ чѣмъ все кончилось!.. Смертная казнь всякому, кто будетъ противодѣйство-

„Марино! Опять ты!“ вскричалъ Беппо.

вать перевороту, который былъ совершенъ Большимъ Совѣтомъ 12-го мая!.. И среди новыхъ правителей находится и его имя!.. Да не ошибся ли я!.. Нѣтъ, не ошибся! Можно ясно прочесть: Марино Фано, гастальдо Николотти!.. Да, Марино былъ правъ, и я на-

прасно не послушался его, а слѣдовалъ совѣтамъ того, другого... У кого такая гондола, тотъ сильнѣе всѣхъ! Онъ даже властвуетъ надъ судьбой!..

— А все-таки жаль!—продолжалъ онъ, взглянувъ съ сожалѣніемъ на Цекку. — Чудный сонъ, который Беккаруцци такъ часто рисовалъ мнѣ, не сбудется, и я умру такимъ же бѣднымъ гондольеромъ, какъ былъ! Да, не суждено мнѣ видѣть этой груды цехиновъ!— вздохнулъ онъ. — Не суждено слышать, какъ звенятъ они!.. Бѣдный, бѣдный Лаццаро!..

Послѣднія слова онъ произнесъ почти громко, забывъ, что его могутъ услышать. Вдругъ онъ вздрогнулъ, услышавъ надъ самымъ ухомъ слѣдующія слова:

— Лучше умереть бѣднымъ гондольеромъ, нежели негодяемъ!

— Марино! Опять ты!—вскричалъ Беппо, увидѣвъ передъ собою гастальдо Николотти, который насмѣшливо смотрѣлъ на него.

— Да, Беппо, опять я! И, можетъ быть, это принесетъ тебѣ скорѣе пользу, чѣмъ вредъ, хотя ты и избѣгаешь встрѣчи со мною!..

— Мнѣ пользу?.. Ты говоришь принесетъ мнѣ пользу!—воскликнулъ съ возбужденіемъ Беппо.—Ну, это еще вопросъ! До сихъ поръ ты всегда становился мнѣ поперекъ дороги!

— Прежде всего, дружище, — возразилъ спокойно Марино, — ты не такой злодѣй, какимъ хочешь казаться, и, главное, за какого тебя можно было бы принять, встрѣчая въ обществѣ отъявленныхъ негодяевъ!.. Ты знаешь, о комъ я говорю... въ обществѣ сбира! Ты и не подозрѣваешь, куда угодишь, слѣдуя его совѣтамъ!..

Беппо хотѣлъ возразить, но Марино прервалъ его,

— Я все знаю, что касается его. Но я знаю также: что тебя не было вчера вечеромъ среди нападавшихъ на дворецъ герцога и среди мятежниковъ у моста Ріальто... Это поставится тебѣ въ заслугу. По твоему

лицу я вижу, что ты читалъ прокламацію и знаешь, кто вошелъ въ составъ новаго правительства. Меня не спрашивали, но гастальдо Николотти, полномочный представитель народа, долженъ былъ войти въ составъ его. И я принялъ это почетное, но тяжелое званіе и постараюсь быть достойнымъ его!

И гастальдо указалъ на столбъ, на которомъ была наклеена прокламація, а на лицѣ его появилось выраженіе рѣшимости, гордости и торжества.

Замѣтивъ встревоженное выраженіе на лицѣ Лацдаро, который утвердительно кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ читалъ объявленіе, Марино продолжалъ допрашивать:

— Вѣдь Беккаруцци устроилъ всю эту вчерашнюю исторію, не такъ ли, Беппо?

— Ошибаешься, Марино, — нерѣшительно возразилъ Беппо, — онъ не могъ... и его тамъ никто не видѣлъ!

—Per Bacco! На то онъ слишкомъ уменъ! Не пойдетъ онъ туда, гдѣ можетъ пострадать его репутація!.. Вѣроятно, доказать это будетъ трудно, но я увѣренъ въ этомъ, и этого пока съ меня довольно! Потомъ ужъ я сведу счеты съ нимъ и со всѣми его сторонниками!.. Надѣюсь, ты понялъ меня, Лацдаро?

Хитрое лицо Лацдаро ясно выражало смущеніе и страхъ.

— Я ни въ чемъ не провинился передъ тобой, Марино,— сказалъ онъ.—Надѣюсь, что ты не будешь злоупотреблять своею властью и преслѣдовать невинныхъ? Развѣ я отвѣтственъ за другихъ?..

— Можетъ быть! — возразилъ рѣзко Марино, довольный, что напугалъ Лацдаро. — Впрочемъ, ты можешь сейчасъ доказать свою непричастность къ этому дѣлу: скажи, куда дѣвался Беккаруцци? Его не видать со вчерашняго дня! Я не спрашиваю тебя, что онъ дѣлалъ вчера и почему заходилъ въ темницы. Все это мнѣ уже извѣстно!..

— Такъ что же мнѣ еще сообщить тебѣ, Марино? Ты лучше меня знаешь, что онъ дѣлаетъ и гдѣ бываетъ!

При этихъ словахъ голосъ Лаццаро слегка вздрогнулъ: онъ еще въ это утро подвезъ сбира къ дворцу дожей и отлично зналъ, зачѣмъ Беккаруцци отправился туда.

— Я требую, чтобы ты мнѣ сказалъ, гдѣ онъ теперь!—сказалъ строго Марино.

Беппо колебался съ минуту, но затѣмъ молча указалъ черезъ плечо на дворецъ дожей.

— А! такъ онъ тамъ?.. Ну, хорошо!.. Я уже догадывался объ этомъ и тоже пойду туда!—сказалъ Марино.

И дѣйствительно, сбиръ былъ призванъ въ зало, гдѣ засѣдалъ Большой Совѣтъ, на тайное совѣщаніе съ нѣсколькими только что назначенными членами временнаго правительства, явившимися туда ранѣе другихъ. Его пригласили, какъ свѣдущаго человѣка, который во время своей многолѣтней службы пріобрѣлъ связи съ вліятельнѣйшими лицами и зналъ всѣ тайны былого правительства.

Беккаруцци зналъ, что въ немъ еще нуждаются и поэтому затруднятся отказать ему въ его просьбѣ. Преслѣдуя упорно свою цѣль, онъ надѣялся на успѣхъ, несмотря ни на какія препятствія.

Не зная, что копіи съ духовныхъ завѣщаній находятся въ рукахъ капитана Севрана, онъ болѣе всего опасался узника, котораго напрасно продержалъ въ подземельяхъ Поцци одиннадцать лѣтъ, и отъ котораго теперь необходимо было избавиться во избѣжаніе новыхъ, неожиданныхъ затрудненій.

Въ то время какъ въ городѣ происходили безпорядки, главнымъ подстрекателемъ которыхъ былъ самъ Беккаруцци, онъ отправился въ подземелья, надѣясь во время возстанія избавиться одновременно отъ Марка Севрана и отъ узника.

Отсутствіе его на улицахъ Венеціи было сбиру выгодно, потому что онъ могъ доказать свою непри-

частность къ нападенію на палаццо герцога де-Берверъ и перестрѣлкѣ у моста Ріальто.

Какъ только онъ объявилъ Большому Совѣту причину заключенія узника, члены Совѣта тотчасъ выдали ему полномочіе взять этого преступника подъ свою охрану.

На слѣдующій день послѣ этой ужасной ночи, которую венеціанцы провели въ страхѣ при грохотѣ пушекъ и оглушительныхъ крикахъ мятежниковъ, въ городѣ воцарилась зловѣщая тишина. На каналахъ не видно было ни одной гондолы, ни барки, а на пустынныхъ улицахъ только изрѣдка показывались люди.

Благодаря энергіи нѣкоторыхъ гражданъ, во дворцѣ дожей собрался съ ранняго утра Большой Совѣтъ, чтобы принять мѣры для водворенія порядка и предупрежденія новаго возмущенія.

Были приняты самыя строгія мѣры, и выпущена прокламація, грозившая смертью непокорнымъ и извѣщавшая, что учреждено новое правленіе изъ шестидесяти временныхъ членовъ, въ числѣ которыхъ находится только десять аристократовъ. При этомъ упоминалось, что въ случаѣ необходимости будутъ призваны французскія войска для возстановленія порядка въ городѣ.

Получивъ отъ Большого Совѣта полномочіе, Беккаруцци отправился въ темницу за узникомъ и разбудилъ его. До слуха узника доносились отдаленный шумъ, грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ и трескъ ружей, и онъ понялъ, что въ Венеціи происходятъ важныя, необычайныя событія, и что наконецъ вспомнили и о немъ.

Замѣтивъ на лицѣ сбира довольное выраженіе и разглядѣвъ при мерцаніи факеловъ лица его спутниковъ, онъ понялъ, что наступилъ его послѣдній часъ.

Подъ вліяніемъ чувства самосохраненія онъ невольно бросился въ самый дальній уголъ своей камеры, но тотчасъ, подавивъ свою слабость, спросилъ сбира:

— Ты пришелъ, чтобы исполнить свою угрозу?.. Идемъ! я готовъ! Идти мнѣ придется не далеко, ты говорилъ мнѣ это уже давно! Но буду ли я передъ тѣмъ допрошенъ судомъ?

Беккаруцци вынулъ изъ кармана бумагу и громко прочелъ:

„Приказъ. Выдать капитану Беккаруцци узника француза Тома Лабера, обвиняемаго въ убійствѣ, для исполненія надъ нимъ, по усмотрѣнію капитана, справедливаго возмездія въ духѣ Высокочтимой Республики“.

На крѣпко сжатыхъ губахъ узника показалась горькая улыбка, когда онъ снова услышалъ свою фамилію послѣ столькихъ лѣтъ заключенія.

— Кончайте! — крикнулъ онъ, указывая на роковую скамью противъ своей двери.—Тамъ мое мѣсто! Идемъ!.. — и онъ протянулъ руки сбирамъ, принесшимъ кандалы.

— Впередъ!—коротко скомандовалъ Беккаруцци.

Тома Лаберъ былъ крайне удивленъ, когда его провели мимо роковой скамьи въ другой конецъ темнаго коридора. Въ первый разъ ему измѣнило его обычное спокойствіе, и на блѣдномъ лицѣ показалось выраженіе недоумѣнія.

— Куда ты ведешь меня?—спросилъ онъ сбира.

— Слѣдуй за мной!—отвѣтилъ Беккаруцци. — Не все ли тебѣ равно, куда мы идемъ, коль скоро ты на все готовъ?

Они медленно поднялись по лѣстницѣ, прошли по нѣсколькимъ коридорамъ и вошли наконецъ въ обширное зало, гдѣ вокругъ большого стола стояло нѣсколько креселъ, а на стѣнахъ висѣло множество прекрасныхъ картинъ, писанныхъ масляными красками.

Глубокая тьма, окутывавшая зало, грохотъ орудій и трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, доносившіеся издали, а также таинственное шествіе по длиннымъ темнымъ коридорамъ и разукрашеннымъ живописью рос-

кошнымъ заламъ такъ взволновали узника, что онъ нарушилъ свое упорное молчаніе и снова спросилъ:

— Скажи мнѣ наконецъ, куда ты привелъ меня?

— Ты находишься въ залѣ Совѣта Десяти,—отвѣтилъ коротко Беккаруцци. — Тутъ ты останешься до тѣхъ поръ, пока я не рѣшу твоей судьбы... если только ты не предпочтешь самъ рѣшить ее. Надѣюсь, ты понялъ меня. Теперь я предоставлю тебѣ на досугѣ подумать объ этомъ,—двое полицейскихъ будутъ сторожить тебя. Можетъ быть, ты образумишься и поймешь наконецъ, гдѣ кроется твое спасеніе. Упорствомъ своимъ ты ничего не добьешься. До свиданія завтра!

И Беккаруцци вышелъ изъ зала.

Но въ это время случилось нѣчто непредвидѣнное, разстроившее всѣ планы сбира.

Изъ намековъ Беппо Марино понялъ, что Беккаруцци находится во дворцѣ дожей, чтобы наблюдать за своимъ узникомъ, и Марино рѣшилъ тотчасъ попытаться вырвать несчастнаго изъ рукъ сбира.

До сей поры онъ не придавалъ особаго значенія тому, что его выбрали въ члены новаго правленія; онъ видѣлъ въ этомъ лишь признаніе правъ народа участвовать въ управленіи страной, и честь, оказанная ему, какъ гастальдо Николотти, совсѣмъ не относилась къ скромному гондольеру Марино Фано.

Но теперь Марино рѣшилъ воспользоваться своимъ почетнымъ званіемъ и разоблачить коварные замыслы Беккаруцци.

Какъ только Марино назвалъ свое имя и званіе, всѣ двери дворца дожей широко распахнулись передъ нимъ, и онъ свободно прошелъ въ зало Совѣта, гдѣ уже собрались на засѣданіе нѣкоторые члены новаго правительства.

Первый, кого замѣтилъ Марино, былъ Беккаруцци, который тихо разговаривалъ съ нѣкоторыми членами, собравшимися на засѣданіе. Замѣтивъ гастальдо, сбиръ поспѣшно обмѣнялся нѣсколькими словами со своими

собесѣдниками и затѣмъ направился къ одной изъ дверей.

Но гондольеръ остановилъ его движеніемъ руки.

— Присутствіе капитана Беккаруцци крайне необходимо при разборѣ дѣла, которое я хочу немедленно представить на усмотрѣніе Совѣта.

При этихъ словахъ всѣ присутствующіе оглянулись и съ любопытствомъ посмотрѣли на незнакомца въ черной шапочкѣ и такого же цвѣта поясѣ.

— Марино Фано,—представился гондольеръ,—гастальдо Николотти, котораго вы избрали въ члены правленія. Приношу вамъ отъ всѣхъ Николотти глубокую благодарность... Но къ дѣлу! Если я настаиваю на присутствіи капитана Беккаруцци, то только потому, что явился я сюда поговорить съ вами о томъ же, о чемъ вы сейчасъ, кажется, съ нимъ совѣщались, то-есть о томъ французѣ, котораго онъ держитъ подъ своимъ надзоромъ неизвѣстно по какому праву!

Беккаруцци вынулъ изъ кармана приказъ, который былъ ему выданъ прежнимъ Совѣтомъ, и заявилъ:

— Большой Совѣтъ уже обсудилъ и одобрилъ всѣ эти мѣры. Тутъ дѣло касается не политическаго преступника, а просто убійцы. Поэтому его нельзя освободить; самъ генералъ Бонапартъ не потребовалъ бы этого...

— Дѣло касается французскаго гражданина,—перебилъ его Марино,—пробывшаго одиннадцать лѣтъ въ темницѣ безъ всякаго судебнаго разбирательства. Я не требую его освобожденія; я требую лишь, чтобы онъ предсталъ предъ судьями, предъ нами, и чтобы его допросъ происходилъ въ присутствіи двухъ французскихъ офицеровъ, прибывшихъ въ Венецію делегатами отъ Бонапарта!

Эти слова сильно взволновали Беккаруцци.

— Они не знаютъ, въ чемъ онъ обвиняется,—возразилъ онъ,—и это дѣло ихъ не касается!

— Они здѣсь какъ представители французской рес-

публики,—возразилъ Марино,—и уполномоченные главнокомандующаго французской арміей, котораго мы при-

Узника ввели въ залъ засѣданія.

звали сюда, и который скоро будетъ здѣсь; къ тому же одинъ изъ офицеровъ сынъ жертвы того убійцы! Мнѣ кажется, этихъ доводовъ вполнѣ достаточно, чтобы признать необходимость присутствія ихъ на судѣ.

Члены правительства приказали немедленно ввести преступника, и приказаніе было тотчасъ исполнено.

Блѣдное лицо его, длинные, спускавшіеся на плечи, сѣдые волосы и сѣдая борода узника вызвали всеобщее состраданіе.

— Я все скажу, ничего не скрою, но только на Лидо... у могилы Матье-Маркъ Севрана, — сказалъ ко всеобщему удивленію Тома Лаберъ.

Испугавшись этой неожиданной выходки узника, Беккаруцци невольно сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая воспротивиться этой странной фантазіи подсудимаго. Но Марино уже заручился согласіемъ прочихъ членовъ правительства и вызвался увѣдомить французскихъ офицеровъ, гдѣ состоится допросъ. Условлено было собраться на Лидо въ тотъ же день.

Послѣ полудня при совершенно тихомъ морѣ и прекрасной погодѣ подсудимаго доставили на Лидо въ сопровожденіи большого числа полицейскихъ.

Одновременно съ нимъ на гондолѣ Лаццаро прибылъ и Беккаруцци, а капитаны Жанъ Бершеръ и Маркъ Севранъ пріѣхали съ Марино Фано.

Нѣсколько минутъ спустя всѣ собрались около забытой могилы, заросшей сорными травами.

Когда полицейскіе подвели подсудимаго къ могилѣ, всѣ взоры съ любопытствомъ устремились на него. Онъ наклонился къ могильной плитѣ, какъ бы желая прочесть надпись, уже почти стертую отъ времени, и, покачавъ головой, прочелъ: „Матье-Маркъ Севранъ. Французъ“.

— Вы пожелали, чтобы васъ привели сюда, сказавъ, что здѣсь сознаетесь въ своемъ преступленіи,— сказалъ, подходя къ нему, верховный судья.—Вамъ оказали снисхожденіе и исполнили вашу просьбу; теперь вы находитесь передъ могилой вашей жертвы!.. Что имѣете вы сказать?

Обвиняемый грустно вздохнулъ и заговорилъ твердымъ голосомъ:

— Я не виновенъ въ этомъ страшномъ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ! Я не убивалъ Матье-Маркъ Севрана!..

Замѣтивъ двухъ французскихъ офицеровъ, онъ сталъ вглядываться въ Марка Севрана, который поблѣднѣлъ при его послѣднихъ словахъ. Подсудимаго охватило сильное волненіе, губы его задрожали, и онъ уже хотѣлъ подойти къ молодому офицеру, но въ эту минуту Беккаруцци толкнулъ впередъ Беппо и крикнулъ:

— Вотъ свидѣтель! Онъ знаетъ, кому принадлежало оружіе, которымъ былъ убитъ Матье-Маркъ Севранъ.

Представъ такъ неожиданно передъ лицомъ судей, Лаццаро забормоталъ:

— Я свелъ подсудимаго въ магазинъ, гдѣ онъ купилъ кинжалъ, которымъ потомъ зарѣзалъ своего господина.

— Моимъ свидѣтелемъ будетъ убитый! Я требую показаній убитаго!—воскликнулъ подсудимый.

Послѣ краткаго совѣщанія судьи рѣшили исполнить это послѣднее желаніе подсудимаго.

Привели рыбаковъ съ лопатами и заступами, которые отодвинули плиту и разрыли неглубокую могилу, въ которой вскорѣ показались кости покойника, перемѣшанныя съ остатками одежды.

Подсудимый указалъ на эти лохмотья.

— Поищите тамъ бумажникъ и кольцо, если только ихъ не украли вмѣстѣ съ прочими вещами,—сказалъ онъ.

Бумажникъ оказался тамъ; въ немъ были бумаги, еще довольно хорошо сохранившіяся благодаря толстой кожѣ бумажника; на большей части ихъ была надпись: Тома Лаберъ. На правой рукѣ покойника на безымянномъ пальцѣ сверкало серебряное кольцо.

— Снимите его!—сказалъ подсудимый.

Кольцо сняли; съ внутренней стороны его было выгравировано опять то же имя—Тома Лаберъ.

— Что это значитъ?—спросилъ верховный судья.

— Это значитъ, что я не могъ убить своего господина, потому что я самъ Матье-Маркъ Севранъ!

— Вы Матье-Маркъ Севранъ?!.

— Это онъ!—воскликнулъ сдавленнымъ голосомъ Беккаруцци, съ ужасомъ глядя на узника.

Оцѣпенѣніе на минуту овладѣло всѣми.

— Мой отецъ!.. отецъ!.. онъ живъ! — воскликнулъ капитанъ Севранъ, бросаясь къ подсудимому и крѣпко обнимая его.

— Мой сынъ! дитя мое!.. Послѣ угрозы этого негодяя я думалъ, что тебя уже нѣтъ въ живыхъ!

Но онъ напрасно искалъ Беккаруцци,—тотъ воспользовался всеобщимъ замѣшательствомъ и скрылся.

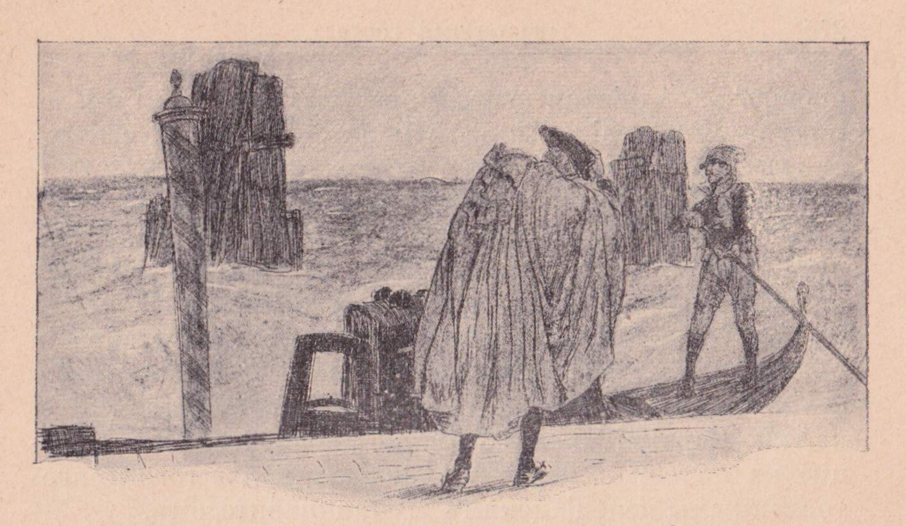
— Если есть убитый, то долженъ быть и убійца!—замѣтилъ верховный судья.

— Да, есть убійца!—воскликнулъ подсудимый, освобождаясь изъ объятій сына.—Это тотъ презрѣнный сбиръ, который сумѣлъ вкрасться къ намъ въ довѣріе, а затѣмъ купленнымъ мною кинжаломъ убилъ моего преданнаго слугу Тома Лабера, думая, что убиваетъ меня! Преданность моего друга-слуги была такъ велика, что онъ самъ предложилъ мнѣ еще до прибытія въ Венецію помѣняться съ нимъ именами. Онъ зналъ, какое важное дѣло привело меня сюда, и какимъ опасностямъ я здѣсь подвергаюсь. Къ несчастью, опасенія его оправдались!..

Между тѣмъ Беккаруцци, хорошо знакомый съ дорогами и тропинками всего острова, исчезъ и, вѣроятно, укрылся среди своихъ земляковъ словаковъ, находившихся еще на Лидо въ ожиданіи попутнаго вѣтра, который долженъ былъ доставить ихъ на родину.

— Прежде всего необходимо вернуть узнику свободу,—замѣтилъ Марино Фано;—что же касается Беккаруцци, то я берусь наказать его за его преступленія!

Рыбаки разрыли могилу.



„Это ты, Беппо?“ крикнулъ Беккаруцци

ГЛАВА XVIII.

Буря.

Станцуемъ Карманьолу
Подъ грохотъ пушекъ,
Грохотъ пушекъ!
Станцуемъ Карманьолу
Подъ громъ орудій,
Громъ орудій!

Въ чудесный іюньскій день огромная толпа венеціанцевъ, венеціанокъ и французскихъ солдатъ кружилась въ веселомъ хороводѣ на площади св. Марка вокругъ древа свободы, увѣнчаннаго красной фригійской шапочкой, подъ которымъ только что были сожжены съ большой торжественностью Золотая книга и дожескія регаліи.

Весельчакъ Самоа увлекалъ всѣхъ за собой, распѣвая извѣстный припѣвъ пѣсни, раздававшійся въ арміи Бонапарта во время походовъ на берегахъ Рейна, на

побережьи Адріатическаго моря, на Альпахъ, въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Тиролѣ и даже почти у самыхъ стѣнъ Вѣны.

Среди участвовавшихъ въ этомъ веселомъ хороводѣ были Плуэ, бретонецъ, изъ 18-го полка, Ламалу, Капестангъ, Палава изъ 32-го, сержантъ Гуло, маркитантка Пьеретта, Мимизанъ, Бискароссъ и Кукуронъ изъ 75-го полка. Всѣ они принадлежали къ дивизіи Массены, находившейся въ Падуѣ, и вошли въ составъ 4000 корпуса, который подъ начальствомъ генерала Бараге-д'Илье 16-го мая переправился въ Венецію на большихъ баркахъ, специально для того приготовленныхъ венеціанскимъ муниципалитетомъ.

Населеніе Венеціи встрѣтило французскія войска различно: одни—холодно и недовѣрчиво, другіе—съ энтузіазмомъ, смотря по тому видѣли ли въ французахъ своихъ освободителей или притѣснителей.

Въ то время, какъ часть батальоновъ заняла арсеналъ, мостъ Ріальто, крѣпость св. Марка и нѣсколько важныхъ стратегическихъ пунктовъ, другіе отряды расположились бивакомъ на Піаццеттѣ.

Сюда по преимуществу стекались венеціанцы и, бродя вокругъ биваковъ, начали сближаться съ французскими гренадерами; съ любопытствомъ разглядывали венеціанцы эти живописные мундиры, потертые, полинявшіе, разорванные, эти золотые галуны, почернѣвшіе отъ пороха и непогоды, и гордыя, но привѣтливыя лица солдатъ, составившихъ свои ружья въ козлы вдоль зданій съ арками, окружающихъ площадь.

Съ изумленіемъ смотрѣли они на этихъ отважныхъ солдатъ, которые въ своемъ побѣдоносномъ шествіи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вытѣснили австрійцевъ изъ всей Сѣверной Италіи и одержали побѣду надъ знаменитыми генералами: Болье, Вурмзеромъ, Альвинци, эрцгерцогомъ Карломъ и разбили одну за другой ихъ сильныя арміи.

Мало-по-малу факкини, уличные пѣвцы, гондольеры, арсеналотти, моряки и разные разносчики стали довѣрчиво сближаться съ французами, которыхъ имъ передъ тѣмъ изображали разбойниками, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они оказались добродушными весельчаками.

Вскорѣ венеціанцы стали брататься съ ними; народъ начиналъ цѣнить свободу, избавившись отъ прежняго гнета тайной инквизиціи, тогда какъ аристократія, лишенная власти, замкнулась въ своихъ палаццо.

Несмотря на свои прежнія предубѣжденія, Беппо Лаццаро также пришелъ на Піаццетту; но въ то время, какъ его товарищи Кастеллани тѣснились вокругъ танцующихъ, прислушиваясь, какъ Самоа поетъ карманьолу и весело ведетъ хороводъ, Беппо задумчиво стоялъ передъ соборомъ св. Марка, глубоко заинтересованный тѣмъ, что тамъ происходило: нѣсколько сильныхъ и ловкихъ французскихъ гренадеровъ подъ руководствомъ офицеровъ возились съ канатами, натянутыми между фасадомъ собора и тремя мачтами Леопардо, на которыхъ развѣвались французскіе флаги рядомъ съ новыми венеціанскими — зеленаго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ.

Вдругъ Беппо увидѣлъ, что въ воздухѣ между только что установленными столбами на канатахъ виситъ одинъ изъ четырехъ бронзовыхъ коней. Въ ту же минуту онъ услышалъ вблизи знакомый голосъ:

„Въ колесницу впряжетъ четырехъ славныхъ коней“...

Эти слова итальянской пѣсни звучали какъ прощальный нѣжный аккомпаниментъ рядомъ съ возбуждающимъ дикимъ французскимъ напѣвомъ, который съ какой-то бѣшеной страстностью подхватывали танцующіе и зрители:

Станцуемъ Карманьолу
Подъ громъ орудій,
Громъ орудій!..

Оглянувшись, Беппо увидѣлъ Марино Фано, который, указывая на статую св. Марка, сказалъ ему:

— Итакъ, свершается пророчество, о которомъ такъ часто говорила мнѣ моя бабушка, и надъ которымъ ты смѣялся, Лаццаро!.. Они покидаютъ насъ, эти четыре бронзовые коня, и если не самъ св. Маркъ впрягаетъ ихъ въ колесницу, то, безъ сомнѣнія, съ его разрѣшенія побѣдитель Италіи впряжетъ ихъ въ свою колесницу!..

— Возможно ли, Марино?.. Французы хотятъ увезти нашихъ прекрасныхъ коней!.. О! ты вѣдь знаешь, что я безгранично вѣрю каждому твоему слову съ тѣхъ поръ, какъ ты открылъ мнѣ глаза на этого проклятаго Беккаруцци; не будь тебя, онъ погубилъ бы меня. Я очень жалѣю, что не вѣрилъ тебѣ съ самаго начала. Значитъ, пророчество сбывается: Буцентавръ погибнетъ, и владычеству Льва настанетъ конецъ!..

— Да,—мрачно отвѣтилъ Марино,—св. Маркъ покинулъ насъ, и Высокочтимая Республика умираетъ... Но теперь я не знаю,—продолжалъ Марино,—на благо ли это намъ, и дѣйствительно ли мы обрѣтемъ свободу?.. Чтобы увѣриться въ этомъ, я хотѣлъ бы, чтобы генералъ Бонапартъ пріѣхалъ сюда!.. Его отсутствіе тревожитъ меня!..

Между тѣмъ они подошли къ Піацеттѣ и остановились у колонны, увѣнчанной статуей крылатаго льва св. Марка, опирающагося лапой на раскрытое Евангеліе.

— Смотри, онъ перевернулъ страницу!.. Вмѣсто словъ: „Миръ тебѣ, Маркъ, мой евангелистъ“, на ней начертано: „Права и обязанности человѣка и гражданина“. Наши права!.. Наши обязанности!..—задумчиво произнесъ Марино, но уже не съ прежнимъ одушевленіемъ, когда онъ мечталъ увидѣть Венецію свободной.

Теперь ему казалось, что все вокругъ него принимаетъ мрачный, угрожающій оттѣнокъ. И эта гроза съ

запада, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на освобожденіе, принесенное французской арміей, казалось, теперь готова была разразиться таинственными ужасами, среди которыхъ погибнутъ его лучшія надежды.

Однако, у него было полное основаніе радоваться, потому что до сего времени все, чего онъ такъ страстно желалъ, исполнилось.

Вслѣдствіе неожиданныхъ потрясающихъ разоблаченій, сдѣланныхъ узникомъ на Лидо въ присутствіи двухъ делегатовъ Бонапарта, венеціанскій муниципалитетъ вынужденъ былъ серьезно отнестись къ предъявленному Матье-Маркъ Севраномъ требованію о выдачѣ ему наслѣдства.

Венеціанское правительство признало права Севрановъ и постановило выдать имъ хранящіеся въ Цеккѣ двадцать милліоновъ.

Въ то же время капитанъ Севранъ предусмотрительно сообщилъ письмомъ генералу Бонапарту о своемъ наслѣдствѣ. Вскорѣ былъ полученъ отвѣтъ Бонапарта, въ которомъ онъ приказывалъ генералу Барагед'Илье отправить во Францію въ видѣ военной контрибуціи лучшія произведенія искусства, въ томъ числѣ четырехъ бронзовыхъ коней, суда изъ арсенала, а также всѣ деньги, хранящіяся въ Цеккѣ.

Это былъ для Севрана вѣрный способъ получить по возвращеніи въ Парижъ свое наслѣдство, составлявшее часть денежныхъ суммъ, хранившихся въ Цеккѣ.

Желая оказать милость венеціанцамъ, Бонапартъ приказалъ освободить отъ суда трехъ государственныхъ инквизиторовъ и коменданта Лидо.

Беппо освѣдомился у Марино, что сталось съ семьей Бершеръ.

— Синьоръ маркизъ исчезъ,—отвѣтилъ Марино,— и, мнѣ кажется, это самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать не только для себя, но и для своихъ родныхъ, которыхъ онъ только компрометировалъ бы, несмотря

на всѣ усилія капитана Севрана и Жана де-Бершеръ выгородить ихъ. Подозрѣваютъ, что онъ скрывается въ Тріестѣ, гдѣ его покровитель, графъ д'Антрэгъ, былъ арестованъ генераломъ Бернадоттомъ и отправленъ въ Миланъ.

— Значитъ, всѣ они тутъ, въ своемъ палаццо на каналѣ Гранде?—спросилъ Беппо.

— Да, къ великой радости синьорины Тоніэтты, которой удалось примирить своего любимаго брата Жана съ родителями и достигнуть того, что капитанъ Севранъ, ея спаситель, былъ принятъ ими какъ другъ семьи!

— Спаситель!... Будущій женихъ!—весело подмигнувъ, замѣтилъ Беппо. — Эмигрантамъ это весьма кстати! Насколько мнѣ извѣстно отъ синьора маркиза, они прожили все свое состояніе, и скоро послѣднія драгоцѣнности герцогини перейдутъ къ ростовщикамъ и въ ломбарды... А что они будутъ дѣлать дальше, привыкнувъ къ такой роскоши?!.

— Ты увѣренъ въ этомъ?—спросилъ заинтересовавшись Марино.

— Вполнѣ! Я слышалъ это отъ самого маркиза!.. Хе! хе! капитанъ Маркъ Севранъ драгоцѣнный зять для разорившагося герцога!

И, какъ бы прощаясь съ своими послѣдними надеждами на богатство, онъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Столько милліоновъ золотыхъ цехиновъ!... Не всякая королева получаетъ такое приданое!...

Эти сожалѣнія вызвали улыбку на лицѣ Марино Фано, и, какъ бы подшучивая надъ Беппо, онъ подтвердилъ:

— Да, двадцать милліоновъ!... Это настоящій кладъ!..

— Что они будутъ дѣлать съ этими милліонами?... А между тѣмъ всего нѣсколько цехиновъ очень обрадовали бы одного бѣднаго человѣка, котораго я знаю!... Судьба несправедлива, Марино!

— Она не покровительствуетъ негодяямъ, и это справедливо! — замѣтилъ сурово Марино. — И я не

успокоюсь, пока не расправлюсь съ этимъ проклятымъ Беккаруцци!.. Теперь онъ уже не находится подъ защитой этихъ негодяевъ словаковъ, если только на свое счастье не уѣхалъ съ ними въ Далмацію.

При этихъ словахъ Беппо вздрогнулъ. Замѣтивъ это, Марино спросилъ его:

— Ты что-то знаешь, Беппо?

И раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ отвѣтить, онъ продолжалъ:

— У тебя не было поводовъ раскаиваться въ томъ, что ты довѣрился мнѣ и, бросивъ злополучную службу у этого негодяя, перешелъ къ намъ? Скажи мнѣ все, что знаешь, и этимъ ты докажешь, что у тебя нѣтъ больше ничего общаго съ Беккаруцци!

— Клянусь св. Маркомъ,—сказалъ Беппо, торжественно поднимая руку,—ты можешь безусловно положиться на меня, Марино! Я только что хотѣлъ сообщить тебѣ, что онъ все еще скрывается на Лидо у рыбаковъ и собирается вернуться въ Венецію. Для чего? не знаю! Онъ проситъ меня пріѣхать за нимъ сегодня вечеромъ послѣ захода солнца и ждать будетъ на пристани, противъ лагунъ.

— Ты не поѣдешь, Беппо! Тамъ онъ встрѣтитъ меня, а не тебя!... Но смотри, не проболтайся, иначе...

— Клянусь тебѣ, Марино, моимъ вѣчнымъ спасеніемъ, я не покину сегодня Венеціи!...

. . . .

Съ того дня, какъ Маркъ Севранъ вмѣстѣ съ Жаномъ де-Берферъ во время возстанія въ Венеціи предотвратилъ разграбленіе дворца герцога де-Берферъ, онъ сталъ часто бывать тамъ. Его принимали какъ друга сына, съ которымъ герцогъ окончательно примирился.

Вечеромъ въ тотъ самый день, когда Марино, замѣнивъ Беппо, долженъ былъ отправиться на Лидо на свиданіе съ Беккаруцци, и когда приказъ Бона-

парта окончательно утвердилъ за Маркомъ Севраномъ милліоны, столько лѣтъ пролежавшіе въ Цеккѣ, Матье-Маркъ Севранъ впервые отправился съ своимъ сыномъ въ палаццо герцога де-Бершеръ, гдѣ ихъ приняли очень радушно. Всѣ собрались въ большомъ залѣ палаццо, и завязалась оживленная бесѣда. Старикъ Севранъ сталъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ въ Италіи, на Корфу и о своемъ долгомъ заключеніи въ подземельяхъ Венеціи.

— Смотрите, собирается сильная гроза!—воскликнулъ вдругъ Жанъ, указывая на небо, покрытое на западѣ тяжелыми свинцовыми тучами.

Въ эту минуту показалась гондола, скользившая по каналу со сказочной быстротой и какъ будто гонимая бурей.

— Да, вѣдь, это Марино Фано!—воскликнула Антуанетта. — Только онъ можетъ плыть съ такой быстротой! Безъ сомнѣнья, онъ плыветъ на своей знаменитой черной гондолѣ!

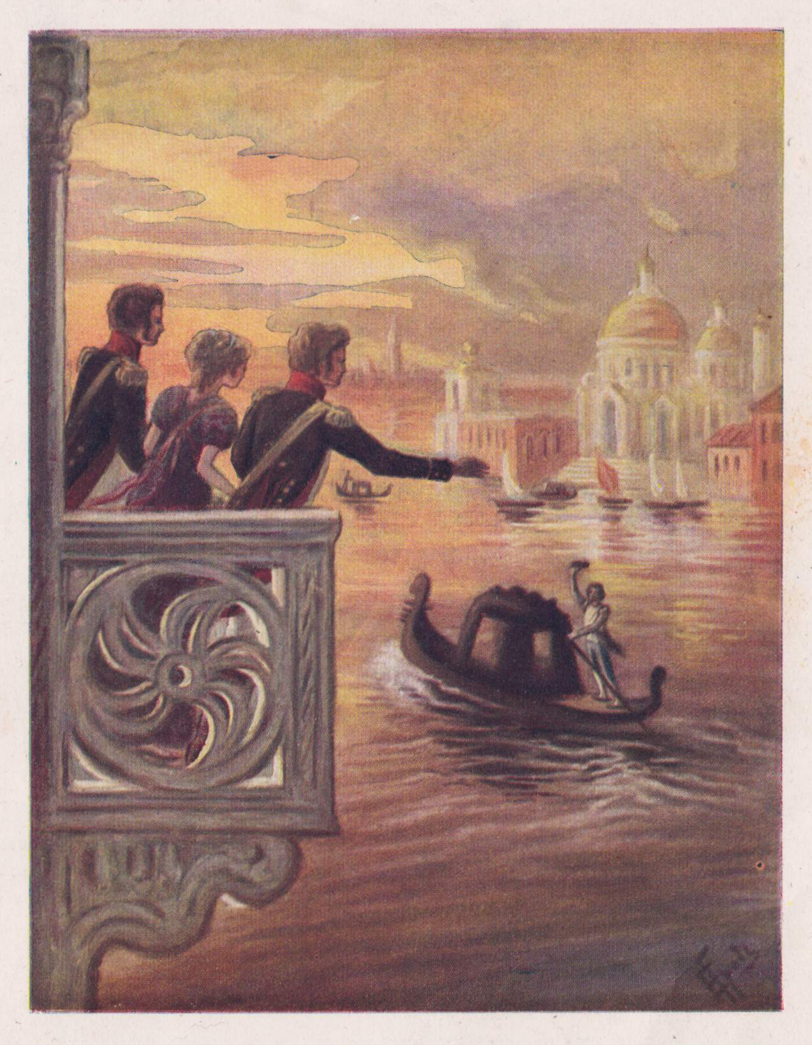
— Таинственной роковой гондолѣ,—добавилъ Жанъ, слышавшій о легендѣ,—которая, какъ говорятъ, приноситъ несчастье всѣмъ, кто плыветъ на ней!

— Эта гондола принесла мнѣ богатство, въ которое я не вѣрилъ,—замѣтилъ капитанъ Севранъ,—и ей я обязанъ жизнью и освобожденіемъ отца!...

— Да, это онъ, нашъ преданный гастальдо!.. Смотрите, онъ привѣтствуетъ насъ! — продолжалъ Жанъ, отвѣчая на привѣтствіе Марино и жестомъ приглашая его причалить къ дворцу.

Но Марино указалъ по направленію къ открытому морю, гдѣ вдали неясно виднѣлся берегъ Лидо, и, склонившись надъ весломъ, быстро поплылъ дальше, между тѣмъ какъ Жанъ, Антуанетта и Севранъ съ балкона слѣдили за его гондолой, мчавшейся навстрѣчу надвигающейся грозовой тучѣ, зловѣще застилавшей все небо.

Наступила уже ночь, когда Марино достигъ Лидо.



Жанъ жестомъ пригласилъ Марино причалить ко дворцу. (Стр. 258).

Съ трудомъ можно было различить что-либо подъ этимъ темнымъ небомъ, которое заволокли черныя тучи, надвинувшіяся съ запада. Только благодаря тому, что Марино отлично зналъ этотъ берегъ, ему удалось

Старикъ Севранъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ.

подъѣхать къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться тотъ, кого онъ искалъ.

Марино увидѣлъ сбира на дамбѣ, о которую съ легкимъ скрипомъ задѣлъ бортъ его гондолы. На пустынномъ берегу не видно было никого. Очевидно,

никто не отваживался выѣзжать въ такую бурю, предвѣстникомъ которой являлись бушующія волны, съ шумомъ разбивавшіяся о берегъ и заливавшія пристань.

— Это ты, Беппо?—крикнулъ грубый голосъ среди мрака ночи.

— Я, Цезарь!—отвѣтилъ Марино, измѣняя голосъ, хотя при такомъ завываніи вѣтра и шумѣ моря невозможно было бы различить, кто говоритъ.

— Чортъ возьми! Ужасная погода, чтобы рисковать ѣхать въ твоей скверной гондолѣ, Беппо! Но, хотя бы предо мной разверзлись врата ада, я все-таки поѣду въ Венецію, чтобы покончить тамъ съ однимъ дѣломъ!...

И съ этими словами сбиръ прыгнулъ на корму гондолы, которую въ эту минуту подбросила огромная волна; Беккаруцци едва не упалъ въ море, но успѣлъ ухватиться за палатку гондолы.

Сильнымъ ударомъ весла Марино снова направилъ свою гондолу въ бушующее море и поплылъ по направленію къ Венеціи, огни которой едва виднѣлись вдали, между тѣмъ какъ кругомъ ослѣпительно засверкала молнія.

Облокотившись на палатку и повернувшись лицомъ къ Венеціи, Беккаруцци продолжалъ высказывать свои мысли, между тѣмъ какъ Марино, стоя почти рядомъ съ нимъ, искусно управлялъ своей гондолой.

— Да, Беппо, теперь я отыщу этого проклятаго Марино Фано и расправлюсь съ нимъ за то, что онъ лишилъ меня этого клада, который почти уже былъ у меня въ рукахъ!.. Онъ одинъ виноватъ въ этомъ!...

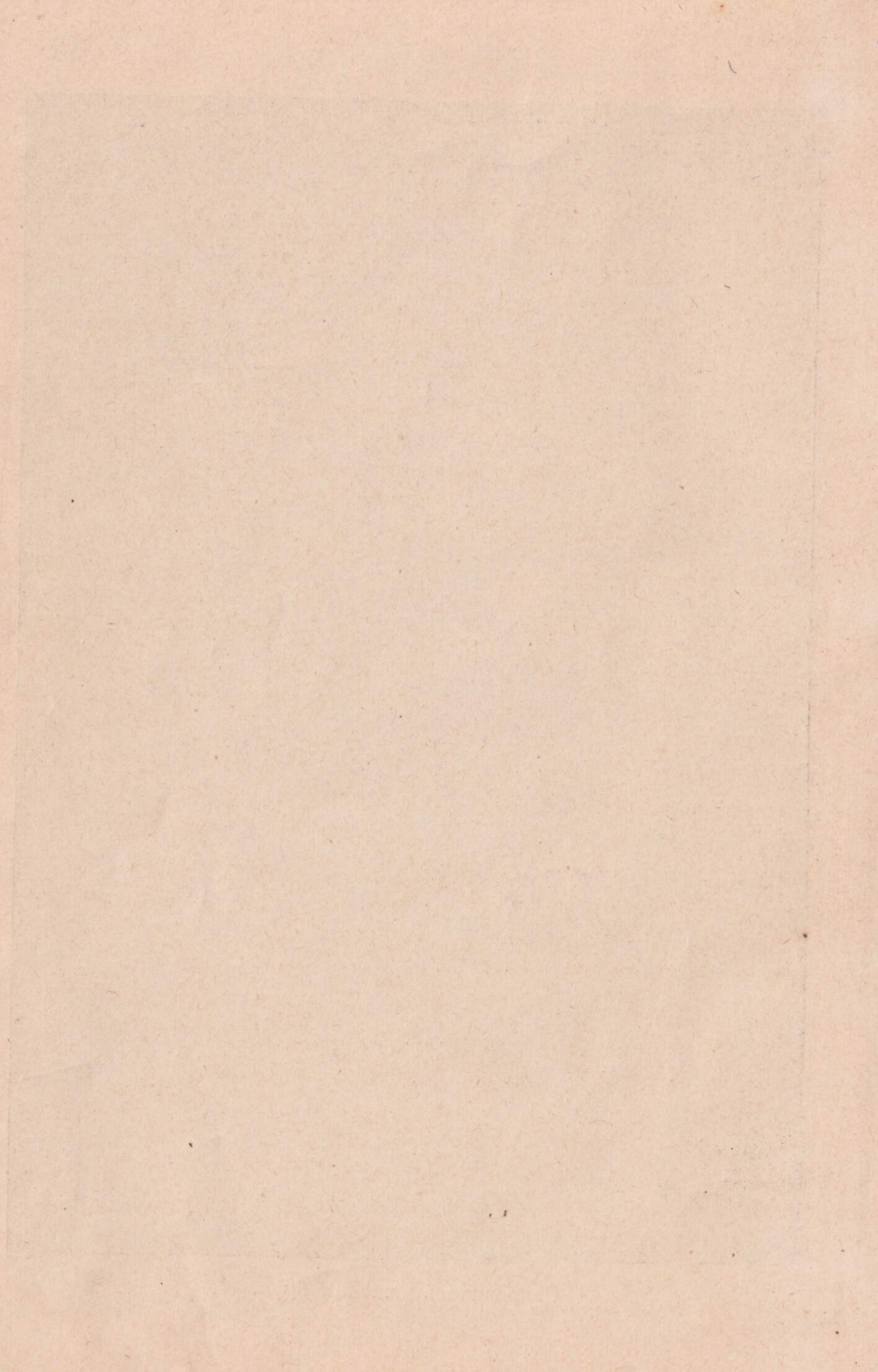
Въ эту минуту Марино внезапно сильной рукой остановилъ гондолу и, не измѣняя больше своего голоса, съ громкимъ хохотомъ крикнулъ:

— Тебѣ не зачѣмъ искать его такъ далеко, Цезарь Беккаруцци!

Въ ту же минуту ослѣпительная молнія освѣтила бушующее море и насмѣшливое лицо Марино.

Сбиръ вскрикнулъ отъ удивленія и ярости:

Разразилась ужасная буря.



— Марино Фано, ты!... А! этотъ негодяй Беппо предалъ меня!... Ну, что жъ! тѣмъ лучше! Наконецъ-то ты въ моихъ рукахъ!..

Рѣзкимъ движеніемъ выхватилъ онъ изъ-подъ плаща кинжалъ и, ухватившись лѣвой рукой за палатку гондолы, поднялъ правую руку, чтобы вонзить оружіе въ грудь своего врага.

И вотъ на гондолѣ лицомъ къ лицу стояли теперь два заклятыхъ врага: Цезарь Беккаруцци, наемникъ-албанецъ, бывшій на службѣ у венеціанской республики, и Марино Фано, гастальдо Николотти, настоящій венеціанецъ,—они являлись какъ бы представителями двухъ враждебныхъ силъ царицы Адріатики.

Съ одной стороны сбиръ, шпіонъ и безотвѣтственный исполнитель жестокихъ дѣяній государственныхъ инквизиторовъ, Цезарь Беккаруцци, казалось, воплощалъ собой аристократическую деспотическую мрачную Венецію съ ея неумолимо жестокимъ Совѣтомъ Трехъ и Совѣтомъ Десяти, Венецію, полную доносовъ, шпіоновъ, свинцовыхъ крышъ, подземелій и тайныхъ мучительныхъ казней.

Съ другой стороны Марино Фано, наслѣдникъ роковой таинственной гондолы, которая привела дожа Марино Фальеро къ кровавому концу, безвѣстный гондольеръ изъ народа, избранный въ гастальдо Николотти, представитель народныхъ низовъ, вѣчно тѣснимыхъ, стремящихся къ свободѣ, былъ живымъ воплощеніемъ безпокойной, возстававшей противъ гнета аристократіи народной Венеціи, которой дожъ Марино Фальеро пытался доставить свободу, поплатившись за эту попытку своей головой.

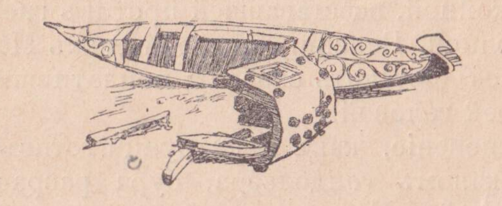
Въ то мгновеніе, какъ Беккаруцци готовъ былъ поразить кинжаломъ гондольера, буря разразилась съ ужасной силой. На лагунѣ бушевали чудовищныя волны, и легкую гондолу бросало во всѣ стороны, угрожая ежеминутно разбить ее о мели или песчаные берега Лидо.

Внезапно все окуталось непроницаемымъ мракомъ, и хлынулъ ужасный ливень, совсѣмъ скрывшій обоихъ противниковъ и ихъ гондолу. Казалось, само небо грозило имъ своимъ таинственнымъ гнѣвомъ.

Ежеминутно сверкавшая молнія какъ бы охватила огнемъ всю Венецію и Адріатику, чудовищныя волны яростно нахлынули на гондолу и поглотили боровшихся на смерть враговъ.

Море не выбросило ни щепки отъ таинственной гондолы, ни труповъ Беккаруцци и Марино Фано. Вмѣстѣ съ роковой гондолой поглотила Адріатика ту легендарную Венецію, которая подъ своей мрачно-таинственной формой представляла былую мощь венеціанской аристократіи и несбывшіяся мечты о свободѣ демократической Венеціи. Эта свобода, грезившаяся народу со времени прибытія Бонапарта и французовъ, скоро исчезла подъ гнетомъ владычества Австріи.

Тѣла гондольера Марино и сбира Беккаруцци были навѣки поглощены Адріатикой вмѣстѣ съ 276 обручальными кольцами, символами вѣнчанія дожей съ моремъ, образовавшими длинную вѣковую цѣпь, которой въ теченіе трехъ вѣковъ гордо звенѣлъ левъ св. Марка, могущество котораго отнынѣ было навѣки погребено.



КНИГИ-ПОДАРКИ

Снѣжный король. Разсказъ изъ тридцатилѣтней войны, по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Э. Гранстремъ. Изд. 4-е. Съ 45 рис. Цѣна въ перепл. 2 руб.

Маленькій милліонеръ. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста М. Ливингстонъ-Мооди. Съ англ. М. Гранстремъ. Изд. 4-е. Съ 45 рис. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣз. 2 руб.

Учен. Ком. Мин. Народн. Просв. допущена въ ученич. библ. младш. и средн. возр. учебн. завед. какъ мужск., такъ и женскихъ. Учебн. Ком. Соб. Его Императ. Величества Канц. по учр. Императрицы Маріи допущена въ учен. библ. младш. класс. средн. учебн. завед.

Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 году. Сост. по Нейкомму и исландскимъ сагамъ Э. Гранстремъ. Съ 25 рис. Изд. 2-е. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣзомъ 2 руб.

Приключенія Ани въ мірѣ чудесъ. Сост. по Л. Карроль М. Гранстремъ. Для младш. возр. Съ 8-ю аквар., 12 раскр. и 100 двухкрас. рис. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣз. 2 руб.

Жанна д'Аркъ. Историческій разсказъ, составл. по М. Твэну, Лескюру, Сепе и др. Э. Гранстремъ. Съ 134 рис. Изд. 2-е. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣзомъ 2 руб. 25 коп.

Столѣтіе открытій въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV и XVI вѣковъ. Сост. Э. Гранстремъ. Съ 87 рис. и картою путешествій. Изд. 3-е. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣз. 2 р.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для ученич. старшаго и средняго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Приключенія плясунчика. Коллоди. Съ итальянск. Е. Гранстремъ. Съ 4 раскр. картин. и 91 рис. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣз. 2 р.

Семь мудрыхъ школяровъ. Разсказы для дѣтей средн. возр. А. Гоопъ. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 88 рис. Изд. 3-е. Цѣна въ пер. съ золот. обрѣзомъ 2 руб.

Учебнымъ Ком. Соб. Его Императ. Величества Канц. по учрежд. Императрицы Маріи допущена въ учен. библ. средняго возраста средн. учебн. заведеній вѣдомства.

Въ странѣ чудесъ. Сцены изъ жизни и природы Индіи. Разсказъ для дѣтей средн. возр. Л. Русселэ. Съ франц. М. Гранстремъ. Изд. 3-е. Съ 4 раскраш. карт. и 64 рис. Цѣна въ пер. съ зол. обр. 2 р. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя читальни.

Въ дебряхъ сѣвера. Приключенія волка, медвѣдя и лисицы. Составл. по финск. народн. сказк. Э. Гранстремъ. Для младш. возр. Изд. 4-е. Съ 21 рис. Цѣна въ пер. съ зол. обр. 1 р. 50 к.

С.-Петербургъ, В. О., Волховской пер., 6.